83.3(2=411.2)6кр
Ш48

Моя Сибирь

П.И. Шепчугов

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

22.02.52	

Зак. 452

83.3(2=411.2)6
Ш48

Павел Шепчугов

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ

Между властью и творчеством

Москва
«Вече»

Городская библиотека-музей

ОК МБУК «ЦБС» НГО

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш48

Шепчугов, П.И.
Ш48 АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ. Между властью и творчеством / Павел Шепчугов. — М. : Вече, 2017. — 320 с.: ил. (Моя Сибирь).

ISBN 978-5-4444-6014-6

Знак информационной продукции 12+

В чем причина столь стремительного взлета судьбы Александра Фадеева? Почему молодому 30-летнему Фадееву доверили создать и совместно с Максимом Горьким возглавить важнейшую творческую и идеологическую организацию СССР – Союз писателей? В чем причина многолетнего, практически безграничного доверия Фадееву со стороны И.В. Сталина? И отчего столь завидная на фоне писательского мартиролога 1930-х годов судьба завершилась самоубийством?

Книга известного писателя, дальневосточного историка, краеведа П.И. Шепчутова дает ответы на эти и многие другие вопросы. Показывая читателю широкую картину «эпохи Фадеева» книга раскрывает связь судьбы героя с Сергеем Лазо, Розалией Землячкой, Микояном, Сталиным.

Отношения, споры, совместная работа с Горьким, Маяковским, Шолоховым, князем, «вставшим на платформу социализма» Святополк-Мирским, мировой резонанс зарубежных изданий «Разгрома», дальневосточный период Фадеева представлены в книге с максимальной полнотой.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4444-6014-6

© Шепчутов П.И., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА

Предисловие и беседа с автором

11 декабря 1901 года в историческом селе Кимры (ныне город Тверской области) родился Александр Фадеев, писатель, советский классик, сооснователь и глава Союза писателей СССР. Большой талант, трудная судьба и «крепкая как смерть» связь со своим временем, вне которого попытки суждений, осуждений Фадеева — наив или цинизм.

Интерес к биографии Фадеева давно стал специфическим, разгадывают причины: а) его невероятного карьерного взлета; б) столь же фантастически долгого доверия к нему одного очень влиятельного и недоверчивого человека.

«Почему Бабель, Пильняк, Кольцов, Смеляков — … а этот Фадеев —…?»

Тем, кто смотрит на Фадеева сугубо опосредованно, сквозь тот великий мартиролог, я предложу еще одну тему из неожиданной, может, сферы. Надеюсь, она поможет ответить и на первые две: карьера и неуязвимость.

Назову её: «Шолохов, Фадеев и Относительность времени».

Вспомним главный аргумент против шолоховского авторства «Тихого Дона»: не мог *это* написать молодой парень! Первый том романа-нобелианта сдан в печать 23-летним Мишей Шолоховым. Так не бывает. В зрелые годы он автор куда более слабых вещей: «Поднятая целина», «Судьба человека»…

Тут и важен аналог. Почему-то ни разу не сопоставляли: в те же 23 года Фадеев выпустил свой лучший роман, давший

ему всероссийскую известность, «Разгром». А 21-летним — «Разлив», как бы аналог шолоховских «Донских рассказов». А «Молодая гвардия» зрелых лет — та же «Судьба человека». Конечно, «Тихий Дон» гораздо более сильная вещь, но поразительно совпадают графики судеб: 21 — проба, 23 — «взлет», за 35 — ... выразимся деликатно: «аккуратное планирование».

Дело в «относительности времени», открытой как раз в те же годы Эйнштейном. Шолохов, Фадеев — пример относительности социального, биографического, биологического времени, скорости созревания. Продолжу «мысленный эксперимент»: если вообразить, что шолоховских вещей не было, а политическая нужда, наоборот, была бы, — под удар мог попасть и фадеевский «Разгром», очень сильный, цельный по настроению, композиции роман (о его английском издании еще упомяну). Действительно, взять сегодняшнего 23-летнего литератора, самого даже даровитого... просто невозможно представить его автором «Разгрома».

Простите, я и завершу «временной» пассаж цитатой из старшего ровесника Фадеева, Шолохова, яростного, фанатичного поклонника «Братьев Карамазовых», то есть опять: Эйнштейна. В своем прошлогоднем, к 110-летию Теории относительности эссе *«Если Бога нет, то всё... относительно»* (НГ, «Нева») я цитировал, как Альберт Германович объяснял «на пальцах» суть своего открытия: «Прежде думали, что если убрать из мира все предметы, то пространство и время все-таки останутся. Я же показал, что в этом случае не будет ни пространства, ни времени».

То есть Время — относительно, оно сжимается, исчезает вместе с предметами. И время Фадеева, Шолохова было искривлено Революцией, Гражданской войной! Их юношеский опыт не сравним с опытом последующих поколений, оглядываясь на которые и твердили: «Не может быть».

Даже занятно бы просканировать все произведения нынешних 23-летних, но... отсутствует сама база: на известных «совещаниях молодых писателей» — возраста более почтенные. Ровесник авторов «Разгрома», «Тихого Дона» сегодня просто «неадресуемая величина», не улавливаемая литературоведами.

Но кроме связи с Временем была связь и с Пространством: шести лет кимряк Фадеев стал дальневосточником, семья переехала в Приморский край, таежное село Чугуевка стало второй родиной, местом «лучших дней детства и юности». С Дальнего Востока сегодня идет интерес к Фадееву, желание сделать его 115-летие событием, поводом вспомнить, поискать ключи к феномену Фадеева. Писатель, историк-краевед Павел Иванович Шепчугов подготовил книгу: сибирский, дальневосточный взгляд на судьбу Фадеева.

С Павлом Шепчуговым меня познакомил покойный Валентин Григорьевич Распутин: «Есть в Находке подвижник, собрал самую большую на Дальнем Востоке частную библиотеку. Работал в Забайкалье на руднике, директором поднимал *лежачий* колхоз. Сейчас адвокат в Находке, все деньги вкладывает в книги». Познакомившись с Павлом Ивановичем, убедился: его 200 000 книг — не мертвый груз, люди берут их, читают.

О собственной книге Шепчугова, его исследовании Забайкальской каторги Чернышевского я публиковал статью *«Что делать и что за это бывает?»* в «Независимой...», «Литературной...» газетах. Запомнился свежий взгляд, новый набор фактов о жизни зазубренного со школьных лет персонажа, потому и к «фадеевской» подошел с вопросом:

— *А в чем, Павел Иванович, посыл новой книги?*

— Книги о Фадееве советского периода — портрет идеального писателя-коммуниста. Белые пятна биографии я пытался заполнить самой точной, на мой взгляд, информацией. Главный вопрос: как удалось юному провинциалу пробить-

ся к вершинам власти, обрести доверие Сталина? Первый «трамплин»: Дальний Восток. Александр Фадеев, двоюродный брат известных революционеров-дальневосточников братьев Сибирцевых, был знаком с легендарным командармом Сергеем Лазо, командирами партизанских отрядов в Приморском крае.

Второй: известная большевичка Розалия Землячка. Её сотрудник и товарищ, Фадеев получает «выход» на Микояна, затем Сталина. Очень непросты, но крайне интересны отношения Фадеева с Маяковским, Шолоховым, бывшим князем, «вставшим на платформу социализма», Святополк-Мирским.

— *Руководить вместе с Горьким советской литературой, отвечать за это лично перед Сталиным, да... Насколько знаю, Фадеев мемуаров не оставил?*

— Но есть воспоминания людей, его знавших, многие искренни, содержат понимание времени, судьбы Фадеева. Есть его откровенные, содержательные письма. Много упреков в причастности к репрессиям писателей. И этому вопросу в работе уделено внимание. Приводятся воспоминания друзей, недругов писателя о том, как воспринимал это Фадеев, как реагировал Сталин на его запросы.

— *У вас особое внимание именно к Фадееву-дальневосточнику, партизану, подпольщику, его двоюродным братьям Сибирцевым.*

— Да, они сыграли главную роль в становлении Фадеева. Их матери — родные сестры, к этой семье в 1908 году переехали из Кимр во Владивосток Фадеевы. Большевик Всеволод Сибирцев — ведущий деятель Гражданской войны в Приморье. Но «родственные связи» помогли Фадееву, лишь чтобы скорее попасть в «Особый Коммунистический отряд красных партизан», вступить в 16 лет в партию (кличка Булыга надолго стала его второй фамилией), уже в 17 быть тяжело раненным в бою с японскими интервентами...

— ...и скорее получить жизненный материал к книгам «Разлив», «Разгром». От творческих скоростей Фадеева, Шолохова перейдем к «карьере». Это ведь сенсация: молодой парень — организатор Союза писателей СССР.

— Первые шаги карьеры Фадеева на поле боя. Первое «повышение» связано с легендарным Сергеем Лазо. В марте 1920 года он, председатель Военного совета армии, предложил сделать Булыгу комиссаром. Далее: 5 апреля 1920 года бои с японцами под Спасском. Участник Иван Пикуль вспоминает: «Вместе с другими бойцами в цепи отстреливался от наседавших японцев. Когда наши стали отходить, я увидел Фадеева раненого, его несли уставшие бойцы. Помог отнести его в укромное место. Спросил: Саша, ты слышишь меня? — он ничего не ответил». В январе 1920-го Фадеев-Булыга на конференции военных комиссаров в Чите избран делегатом на X съезд РКП(б). Будущий маршал Конев рассказывает, как около месяца они добирались на съезд: «Пользовались одним котелком, но что настоящая фамилия Александра — Фадеев узнал только в конце 1920-х, когда поручили выступить по книге «Разгром». Скорее всего, Фадеев не назвал своей фамилии Коневу по правилам подпольщика, да и привык к новой, новым документам.

X съезд ВКП(б) в марте 1921-го совпал с Кронштадтским восстанием. Добровольцы из делегатов съезда брошены на подавление. Во время штурма Фадеев опять тяжело ранен, прополз два километра по льду Финского залива, пролежал несколько часов без сознания, потерял много крови. Пять месяцев лечения: «Никогда в жизни столько не читал. Врач был добрый, сестра красивой, как и вообще сестры. Нева хороша. Летний сад».

— Наверно, лучшим дополнением к ордену боевого «Красного Знамени» за Кронштадт стали те 5 месяцев чтения. Далее Москва, Горный институт, первая публи-

кация, знакомство с Либединским, Сейфуллиной. Ну а второй рывок «карьеры»?

— Студент Фадеев одновременно работал инструктором Замоскворецкого райкома партии и секретарем парткома на московском заводе. Здесь и знакомится, становится верным другом первого секретаря Замоскворецкого райкома партии Землячки.

— И у самой Розалии Самуиловны Замоскворецкий райком был краткой остановкой между постами начальника политотделов армий в Гражданскую и последующим ростом вплоть до зампредседателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б).

— Фадеев оставляет академию и с товарищем Землячкой уезжает в Ростов-на-Дону на партийную работу. Его письма начинаются с «Дорогая Розалия Самойловна!», содержат подробнейшие отчеты о писательских новостях, просьбу «помочь через ЦК перейти на газетную работу». Другой доброжелательный шеф той поры, секретарь Северо-Кавказского крайкома Анастас Микоян.

Начинал писать «Разгром» Фадеев, работая в редакции «Советского юга», вскоре условия становятся почти идеальными для той поры: творческий отпуск, дача в Нальчике, пособие 100 руб./месяц. Секретарь Землячки М.Д. Соколов рассказывал: «Булыга (Фадеев) по мере написания «Разгрома» передавал их Землячке, она читала, делилась впечатлениями. Ни одна глава не была опубликована без её прочтения... Имя Землячки Фадеев всегда произносил с великим уважением и любовью, как имя родной любимой матери, но говорил о ней мало, бережно, скупо, как о самом дорогом, о чем можно говорить не с каждым».

Главы «Разгрома» в 1925 году вышли в журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия».

— Но не только же Землячка, Микоян поднимали писателя-партийца?

— В августе 1927 года на «Разгром» обратил внимание Максим Горький, он писал о нем Сергею-Ценскому. В. Фриче, очень хвалил, рекомендовал прочитать всем знакомым. Далее в судьбу Фадеева вошла личность уникальная. Князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, сын экс-министра внутренних дел царской России, филолог, поэт, служил у Деникина. В эмиграции доцент Королевского колледжа Лондонского университета, автор книг *«Пушкин»*, *«История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского»*, *«Ленин»*... Вступил в ряды компартии Великобритании, вернулся в Россию. Святополк-Мирский: «Чтоб выбраться из этих джунглей навстречу светлым лучам марксизма, потребовалось время и помощь. Особенно полезной оказалась для меня книга «Девятнадцатый».

А «Девятнадцатый» — это и есть «Разгром» в английском переводе Мартина Лоуренса. В СССР Святополк-Мирский то на открытии Беломорканала, то на Магнитке, знакомится с Авербахом и... (это уже его показания на следствии): «По заданию авербаховцев Ясинского и Карабальникова я написал статью о «Последнем из удэге» Фадеева, которая заключала в себе грубо несправедливую оценку». 22 июля 1934 года «Литературная газета» в передовице кается за «публикацию ошибочного утверждения о Фадееве в резком заявлении Святополк-Мирского». Далее настоящая буря, «Правда» 23 июля: «Статья некого Мирского... выходка человека, которому ничего не стоит выбросить талантливого пролетарского писателя из литературы».

В книге Шепчугова подробно освещена та битва. Горький поддержал Святополк-Мирского, но... НКВД выяснил: Святополк-то Мирский громил новый роман Фадеева по прямому указанию Троцкого, а это, сами понимаете...

Гениальный сюжет! Восхищение «Разгромом» привело князя в СССР, а критика следующего романа того же авто-

ра — на Колыму! Позже следователь НКВД Иванов своими какими-то методами выяснил: князь еще и участник антисоветской организации и шпион. Смерть в лагере спасла филолога-шпиона от расстрела.

Фадеев неколебимо стоит, когда репрессированы практически все его друзья по дальневосточным партизанским отрядам, когда расстреливают его рапповского друга Авербаха. В письме Землячке (декабрь 1929-го) Фадеев жалуется на одолевавшие болезни, вздыхает:

«В «Октябре» я прозевал идеологически двусмысленный рассказ Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне поделом попало от Сталина, рассказ анархистский». Осенью 1931 года Фадеев в Гаграх: сам Горький просил ЦК о его отпуске для завершения «Последнего из удэге»!

Однажды назначенный главой Совинформбюро Фадеев «выпал» на несколько дней, а Сталину понадобились документы из особого сейфа Совинформбюро. Резали автогеном, любому другому это стоило бы если не жизни, то карьеры. Фадеев был «тихо» отстранен от должности, несовместимой с его недугом.

Причина столь завидного в обстоятельствах 1930—1950-х годов незыблемого доверия Сталина — роль Фадеева в главном литературном «переломе» эпохи: разгон РАППа и создание СП СССР. Расставание с Авербахом, набросившимся на «бывшего попутчика Горького», вышло безупречным, на сталинский и на любой другой взгляд. Серия статей «Старое и новое» показала Сталину: Фадеев — лучший помощник (в перспективе преемник) Горького.

Симонов: *«Как ни странно звучит, в Сталине было некоторое сходство с Фадеевым в оценках литературы. Он действительно любил литературу, считал самым важным среди искусств, в конечном итоге определяющим все остальное. Любил читать, говорил о прочитанном с пол-*

ным знанием предмета. Где-то у него была — для меня это несомненно — некая собственная художественная жилка, может быть, шедшая от юношеского занятия поэзией».

Илья Эренбург: «О Фадееве говорят: талантлив, умен, обладает железной волей, что его ценил Сталин. Все это правильно... Все знали его эрудицию, память, умение придать в статье или в докладе короткой фразе Сталина глубину, блеск, спорность литературного эссе и бесспорность закона».

Алкоголь и репрессии...

...темы, объективно связанные в судьбе *«Прекрасного и ужасного» (определение Ольги Берггольц)* Фадеева.

Сергей Михалков: «В самые ответственные моменты Саша мог на несколько дней исчезнуть из поля зрения кремлевского начальства, его искали по всей Москве... мог завалиться к нам на улицу Горького посреди ночи, и жена Наташа укладывала его спать в маленькой комнате при кухне... Повинен ли он в том, что писателей отправляли в ГУЛАГ? Я знал, он верил Сталину. Но что-то тяготило его».

Шепчугов снимает с Фадеева часть ответственности, причем методологически безупречно: большое число литераторов было связано с НКВД. Бабель, Брик, Веселый (Кочкуров), Волин (Фрадкин), Жига, Лелевич, Свирин, Тарасов-Родионов...

Факт общеизвестный, не обязательно дискредитирующий этих лиц. Закон того времени. Любому выезду за рубеж предшествовали «беседы в органах». Но почему весь тот легион «вешают» на Фадеева, тогда как правильнее было связать его со сменами волн: Ягода — Ежов — Берия? Пишу это не с целью как-то «замазать» жертвы — только **уточнить графу,** по которой они проходят.

Помножьте число сотрудников на среднее число друзей-родственников (а именно так сменяли ежовцев бериевцы!) и получится…

Представляя все реалии тех смен… можно ли упрекнуть руководство Союза писателей? Снежинка меж «Титаником» и айсбергом!

Фадеев пытается заступиться за жену Либединского, «ручается головой, партбилетом». Суровый ответ: «Лаврентий Павлович изучил дело Марианны Герасимовой (работавшей в НКВД при Ежове) и удивлен, что вы, как писатель, интересуетесь делом, которое совершенно не входит в круг ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя». Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая моего ответа. Мне дали по носу, и крепко».

Константин Симонов: «В 1949 году мы ездили с делегацией в Китай. Поздно вечером в Пекине Фадеев в редкую минуту откровенности заговорил о Кольцове. Фадеев через неделю после ареста Кольцова написал записку Сталину о том, что многие писатели, коммунисты и беспартийные, не могут поверить в виновность Кольцова, и сам он, Фадеев, тоже не может в это поверить… Через некоторое время Сталин принял Фадеева.

— Значит, вы не верите в то, что Кольцов виноват? — спросил Сталин.

Фадеев сказал, что ему не верится, не хочется в это верить.

— А мне, думаете, хотелось верить?

Сталин приказал дать Фадееву почитать показания. По словам Фадеева, ужасные признания в связях с троцкистами. И вообще чего там только не было написано — горько махнул рукой Фадеев, не желая касаться персональных подробностей. Говорил он с горечью, которую как хочешь, так и понимай. Горечь, что пришлось удостовериться в виновности такого человека, как Кольцов, или горечь от безысходности положения

самого Фадеева, в глубине души не верившего в вину Кольцова, не питавшего полного доверия к тем папкам. Интонация — «Чего там только не было написано» — толкала на мысль, что он в глубине души не верит в вину Кольцова, но сказать это даже через одиннадцать лет не может, потому что Кольцов — это ведь уже не «ежовщина». Это уже не Ежов, а сам Сталин».

И о «недуге». Близко знавший Фадеева Эренбург наблюдателен: *«Александр Александрович человек крепчайший: много ел, много пил; мог пробежать десяток километров, просиживать ночи на заседаниях, все проходило бесследно... С каждым годом он мрачнел, глаза казались холодными, невидящими... Пил он главным образом с людьми, далекими от мира литературы: хотел забыться».*

В феврале 1956-го Антал и Агнеш Гидаш навестили Фадеева в больнице:

«Стемнело. Все сидели словно приговоренные к стульям. Агнеш спросила его с той прямотой, от которой в подобных случаях он был готов бежать на край света:

— Александр Александрович, вы еще будете пить?

— Буду, — ответил Фадеев, даже не рассердившись.

— Да ведь врачи говорят: цирроз печени. Вы же умрете...

— Никакого цирроза нет, врачи пугают. Не беспокойся, не от этого я умру...

Внезапный ответ на тот самодиагноз, через два месяца прозвучал во всех репродукторах страны:

«Центральный Комитет с прискорбием извещает... Медицинское заключение о болезни и смерти товарища Фадеева Александра Александровича». И вдруг в строки, ассоциируемые только со стальным гласом Левитана, вкрадывается слово почти фельетонного ряда: *«Товарищ Фадеев в течение многих лет страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом».* Жестокая ирония.

В книге «Наказание без преступления» свидетельствует А.О. Авдеенко:

«Трудно жить, — сказал Фадеев своему старому другу Либединскому. — Совесть мучает. Трудно жить, Юра, с окровавленными руками». И все ж ключевое к Фадееву слово: не «окровавленные», а «совесть».

И небольшой финальный штрих, круг порхающей бабочки над многострадальной могилой. Его и Маргариты Алигер дочь, Мария Энценсбергер (по мужу, немецкому поэту), выросла знаменитой красавицей, покорительницей Лондона, талантливой переводчицей.

За этой книгой — значительный отрезок жизни писателя, юриста, историка-краеведа Павла Шепчугова. Давняя дружба и помощь подвижникам — хранителям Музея. Более дюжины поездок по Приморью и Забайкалью — местам боевой славы и мощного жизненного старта Фадеева. Скажу вещь и почти «крамольную»: заканчивал книгу Павел Иванович вовсе не таким безусловным почитателем Александра Александровича, какими были воспитаны почти все школьники СССР. Но и на самых горьких, критических страницах он, профессиональный юрист, сохраняет уважение к документам и фактам. А как писатель — видение всей панорамы, Эпохи, надиктовавшей Александру Фадееву книгу ЕГО жизни и поставившей Точку, там, где сотни «коллег-единомышленников» с легкостью перескочили через запятые в новые эпохи.

Книга Шепчугова вышла столь же суровой, как и жизнь её героя. «Приятного чтения» пожелать не могу, но... будет интересно.

Игорь Шумейко

Глава 1. РЕВОЛЮЦИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Одна обычная семья русских революционеров

Александр Александрович Фадеев родился в эпоху революционных страстей и волнений среди определенной части населения России, которая под воздействием пропаганды различных объединений и партий добивалась свержения действующего царского режима. Проводником революционного духа являлась интеллигенция, ринувшаяся пробуждать «спящий народ», жаждущая перемен, подхватив идеи декабристов, изучая работы Маркса, Энгельса, Чернышевского, Ульянова-Ленина и других людей, изобличающих несовершенство существующего государственного строя.

Отец Фадеева — Александр Иванович Фадеев, 1863 года рождения, родился в семье крестьянина в селе Покровка Пермской области. Получив образование в сельской школе, попытался продолжить обучение в гимназии, но руководство гимназии не приняло на обучение деревенского мальчика обутого в лапти. Естественно, это повлияло на дальнейшее отношение Александра (старшего) к людям дворянского сословия, в его сознании они навсегда остались врагами бедных слоев населения. Однако он настойчиво стремился получить образование. Некоторое время Фадеев работал писарем в волостном управлении, за что получал гроши. Затем сменил несколько мест работы, не чураясь никаким трудом. В свободное время много чи-

тал. Общение со своим первым учителем школы помогло ему подготовиться к поступлению в гимназию.

Вскоре А.И. Фадеев экстерном сдал экзамены в Пермскую гимназию, которую успешно окончил. После чего работал учителем и стал участником движения народовольцев. За свои политические убеждения подвергся полицейскому преследованию. Впоследствии, будучи активным участником революционного движения, принимавший участие в революционных событиях 1905 года, он жил на нелегальном положении, прошел тюрьмы и ссылки, что подорвало его здоровье, и в 1916 году Александр Иванович умер, оставаясь убежденным коммунистом.

Вспоминая о своем отце, его дочь Татьяна, 1900 года рождения писала, что он был суровым, скупым на ласки человеком, который считал, что революционер не должен иметь семью. К своей жене он относился грубо.

Антонина Владимировна Кунц — мать А.А. Фадеева, родилась в 1867 году в Астрахани в семье мелких чиновников. Её отец рано умер, оставив семью на попечение жены, в связи с чем дети испытывали материальные затруднения и рано стали подрабатывать, чтобы обеспечить свое существование и получить образование.

Старшая сестра Антонины, Мария Владимировна, после гимназии устроилась на Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. Вскоре, приняв приглашение старшей сестры Марии, Антонина Владимировна вместе с матерью из Астрахани переехали на жительство в Санкт-Петербург. Там Антонина Владимировна поступила на медицинские курсы.

Со своей будущей женой, Антониной Владимировной Кунц, Александр Иванович Фадеев познакомился в тюрьме, когда она, будучи слушательницей Рождественских фельдшерских курсов, сблизившись с социал-демократами, сочувствуя революционному движению, оказывала им помощь.

Выполняя поручение — установить связь с революционером А.И. Фадеевым, находящимся в тюрьме, под видом его невесты, Антонина Кунц носила ему передачи. Эти встречи продолжались и после направления Александра Ивановича, в ссылку в Астраханскую губернию. Антонина Кунц влюбилась в идейного революционера и после окончания учебы приехала к нему.

На долю молодых супругов Фадеевых выпало много испытаний. Они часто меняли место жительства, так как А.И. Фадеева преследовали жандармы за политическую деятельность. В 1900 году у них родилась дочь Татьяна, в 1901 году — сын Александр и в 1905 году — сын Владимир. Забота о содержании детей лежала на плечах матери. Она работала фельдшером и акушеркой, эта специальность была везде востребована, что давало возможность зарабатывать на содержание семьи.

Между супругами возникли разногласия, связанные с различными политическими взглядами на жизнь, кроме того, Александр Иванович, целиком посвятив себя революционной деятельности, не хотел обременять себя семейными заботами и воспитанием своих детей. В связи с этим в 1905 году семья Фадеевых распалась. Антонина Владимировна старалась не вспоминать о первом браке.

Александр Александрович Фадеев, смутно помнил отца, так как к моменту разрыва его отношений с семьей ему было всего пять лет. Родным отцом он считал отчима Глеба Владиславовича Свитыча, за которого в 1907 году вторым браком вышла замуж его мать.

Г.В. Свитыч был на двенадцать лет моложе своей жены, но это не влияло на их слаженные отношения семейной жизни. Глеб Владиславович любил жену и её детей, заменив им отца, уделяя много внимания их воспитанию.

Он окончил Иркутское военно-фельдшерское училище, работал фельдшером в железнодорожной больнице, где и познакомился с Антониной Фадеевой.

Отец Глеба Владиславовича Свитыч, поляк, в молодые годы за революционную деятельность ссылался на каторгу. Революционные взгляды отца перенял и его сын Глеб, который в Виленске был членом Виленского комитета социал-демократической партии. Антонина Владимировна знала об этом и, разделяя его взгляды, оказывала мужу помощь в революционной работе.

Как мы видим, родные Александра Фадеева были связаны с революционным движением, что не могло не отразиться на его мировоззрении.

В 1908 году мать и отчим Александра Фадеева переехали на Дальний Восток, где в городе Владивостоке проживала сестра Антонины Владимировны Фадеевой — Мария, её фамилия по мужу стала Сибирцева.

Мария Владимировна не окончила в Санкт-Петербурге Бестужевские высшие женские курсы, так как они были закрыты и учеба прервалась. До этого Мария с золотой медалью окончила Астраханскую гимназию.

Будучи образованной девушкой, она попала под влияние студенческой молодёжи, воспитанной на революционных идеях социал-демократов, воодушевленных прибытием в Астрахань из ссылки их кумира Н.Г. Чернышевского. Под влиянием известного романа «Что делать?», прибыв в Санкт-Петербург, Мария Владимировна решила посвятить свою жизнь служению простому народу. Она быстро нашла среди молодежи друзей, близких ей по духу. Здесь же судьба свела её со студентом Михаилом Яковлевичем Сибирцевым, который разделял с нею одинаковые взгляды на жизнь, что послужило их тесному общению и созданию семьи.

Михаил Сибирцев родом из Полтавской губернии, где его отец работал фельдшером, мать Михаила была дочерью декабриста. Еще с гимназии Михаил впитал в себя взгляды и традиции декабристов, восставших против царского режима в

России. Он участвовал в народовольческом движении, за что в 1881 году был осужден. Это событие в биографии Михаила Сибирцева стало препятствием его дальнейшего обучения в высших учебных заведениях, и его мечта стать врачом рушилась. С трудом поступив в Москве на медицинский факультет университета, он был вынужден покинуть его, так как там узнали о его прошлом. Скитаясь по различным городам России он, восстанавливался, но и там, узнав о его революционных взглядах, Сибирцеву предлагали покинуть стены учебного заведения. Все же в 1889 году Михаил Сибирцев смог сдать экстерном все экзамены в Санкт-Петербургском университете и стал врачом.

В 1891 году Михаил Сибирцев был призван на военную службу, где окончил офицерские курсы. В период службы он смог защитить в Санкт-Петербурге диссертацию на степень кандидата естественных наук. Добившись перевода на Дальний Восток, он с семьей переехал в Хабаровск. В Хабаровске Сибирцевы жили недолго, так как вскоре они надолго обосновались во Владивостоке.

Во Владивостоке, после ухода с военной службы, Михаил Яковлевич устроился на работу в должности податного инспектора. Сибирцевы воспитывали троих детей: Всеволода — 1893 года рождения, Игоря — 1898 года рождения и дочь Веронику. У них была бы большая семья, но, к несчастию, несколько детей умерли в малом возрасте.

Супруги Антонина Фадеева и Глеб Свитыч, приехав в 1908 году во Владивосток, не смогли там трудоустроиться и переменили несколько населенных пунктов в сельской глубинке губернии. В этот период их дети находились во Владивостоке у тетки, Марии Сибирцевой, которая приняла их как родных. Вскоре Фадеевы обустроились с жительством в селе Саровка и забрали туда детей.

В Саровке Александр Фадеев пошел в школу, хотя до этого уже умел читать, так как одолел азбуку самоучкой, наблюдая за выполнением домашних уроков своей сестры. В своей записной книжке Александр Фадеев напишет об этом селе:

«Реки Иман и Вака знакомые мне с детства. Год или два мы жили в деревне Саровке, в 50 верстах от г. Имана, на берегу реки Иман, — мне было лет 7 — 8, но я хорошо помню эту деревню: я учился там в сельской школе. Отец работал ещё выше по Иману, в деревне Котельничи. Это были уже совсем дикие места: зимой тигры крали телят. Места по Иману исключительно живописные, богатые разнообразной растительностью. Наводнения — бич этих мест, и Саровка так и осталась в моей памяти с избами в воде, со сплошным морем воды, соединявшим в одну стихию улицы, пустыри. Взрослые и мы, со свойственной нашему возрасту беспечностью, плавали от избы к избе на лодках, плотиках или просто в корытах, в которых давался корм коням и скоту»[1].

В 1910 году Александр Фадеев поступает в подготовительный класс Коммерческого училища Владивостока, а в 1911 году был зачислен в первый класс этого училища. Проживал он у своей тети Сибирцевой Марии Владимировны, которая и была начальником этого училища, так как он принадлежал их семье на праве собственности.

Сибирцевы во Владивостоке построили свое здание и осенью 1913 года открыли в нём частную прогимназию для детей. Впоследствии они построили более просторное помещение для училища у сопки Орлиное Гнездо, в которое переехали в 1915 году, на первом этаже двухэтажного здания были расположены их жилые комнаты, в одной из которых жил Александр Фадеев. В 1917 году прогимназия была переведена в помещение Сибирского флотского экипажа. Она

---

[1] *Фадеев А.А.* ... Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 93—94.

называлась «Гимназия им. Сибирцевой», директором гимназии была Мария Сибирцева.

Владивосток. Коммерческое училище

В 1911 году, когда Александр пошел учиться, родители А.А. Фадеева переехали в село Чугуевка, где прожили восемь лет. Здесь Г.В. Свитыч работал заведующим фельдшерским пунктом, а А.В. Фадеева — фельдшером.

Это таежное село раскинулось в Улахинской долине, недалеко от реки Улаха (Уссури), в которую впадают множество небольших горных речушек, разливающихся в период проливных, затянувшихся на несколько дней приморских дождей. Река и впадающие в нее речки затапливают долины предгорья величавого Сихотэ-Алиня, принося беды местному населению. Но когда нет дождей, эти места очень красивые.

Учеба в Коммерческом училище Александру Фадееву давалась без усилий. Он много читал, преуспевал в написании сочинений, достойно вел себя среди одноклассников, принимая активное участие в различных мероприятиях. Круг его друзей состоял из ребят и девочек, родители которых могли оплачивать обучение детей. Семья Фадеевых относилась к среднему сословию и могла оплатить обучение детей, кроме этого он обучался в личном заведении своей родной тёти, что облегчало его содержание. В училище были хорошие педагоги, которые много внимания уделяли развитию учеников.

Степан Гаврилович Пашковский — преподаватель литературы Владивостокского коммерческого училища, в котором обучался Александр Фадеев, в своих воспоминаниях о Фадееве писал: «Его работы, классные и домашние, по литературе были оригинальны по замыслу, обстоятельны со стороны содержания, со стремлением глубоко развернуть тему. Словесные средства мальчика не были особенно богаты, но

яркие краски изумляли. Красочность, правдивость, задушевность — вот те качества, которыми отличались письменные работы Фадеева»[1].

Александр Фадеев всегда приезжал на каникулы к родителям и жил в селе все лето, помогая им по хозяйству. А забот и работы в селе много. Поэтому и научился Фадеев с юности и дрова колоть, и сено косить, и забор подлатать и коня запрячь, да и лопатой орудовать мог. Без этих навыков в селе пропадешь с голоду. Тайга вокруг Чугуевки дремучая и дикими животными обжитая, по этому случаю местные жители и ружья имели, и стреляли метко.

Село и окрестность вокруг Александру очень понравились. Он быстро познакомился со своими сверстниками, любил ходить с ними на рыбалку, на охоту, собирать в тайге грибы и ягоды. Особенно нравилось им посещать развалины древней крепости, Чугуевского городища. Ребятам казалось, что здесь до сих пор живут духи древних племен аборигенов. Это село навсегда запало в душу Фадеева, и он называл его родным.

В 1914 году отчим Александра Фадеева, Глеб Владиславович Свитыч, был призван в армию и направлен на фронт. Первая мировая война, перейдя в затяжную стадию противостояния с Германией и её союзниками, разразится революционным восстанием в России и сменой власти, внеся смуту и хаос в жизни миллионов людей.

Служа во фронтовом госпитале, Г.В. Свитыч заболел тифом. В феврале 1917-го он скончался, успев передать через знакомых жене последнее прощальное письмо.

Вспоминая приморское село, А. Фадеев писал в Москве: «...это село родное и для меня, лучшие дни детства и юности связаны у меня с Чугуевкой, хотя я родился в другом месте»[2].

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 230.

[2] *Фадеев А.А.* ... Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 125.

Даже спустя много лет Александр помнил жителей этого села. Вспоминая о семье Дзюменко, Фадеев писал: «Их хата была в том краю деревни, который ближе к Соколовке, но не возле самой дороги, а в сторону, влево от дороги на Соколовку. Один из этих Дзюменко, участник первой мировой войны, был женат на работнице Варваре (фамилии ее не помню), из староверов, работавшей на медицинском пункте у моей матери. Я забыл, как его звали. Он был контужен на войне... У него было две сестры — красивые девушки, как звали старшую, я не помню, а младшую звали Катей»[1].

Добираться от Владивостока до Чугуевки было сложно, так как дорога была дальняя и разбитая, и по времени это занимало несколько дней, приходилось в основном идти пешком, было счастье, если кто-то подвозил путников на телеге.

Александр Фадеев скупо описывает детские и юношеские годы в Чугуевке, мало упоминает о своих сверстниках из этого села. Но ведь большую часть времени он проводил во Владивостоке и в селе бывал только во время каникул. Он пишет: «В Чугуевке у меня очень много старых друзей, с которыми еще в условиях старого царского строя мы собирались где-нибудь на сеновале, чердаке или бане и читали художественные книги»[2].

Касаясь периода жизни и учебы во Владивостоке, Александр Фадеев вспоминает многие фамилии своих друзей, эпизоды различных событий и происшествий, и это не удивительно, основное время своей молодости он прожил в этом городе, где и определилась вся его дальнейшая жизнь, где он стал коммунистом. Да и со своими друзьями поддерживал постоянную связь.

О друзьях Александр Фадеев вспоминает в письмах к Колесниковой (Асе) Александре Филипповне, к которой, по его

---

[1] *Фадеев А.А.* ... Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 109.

[2] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 160.

признанию, он испытывал первую страстную юношескую любовь. Александр Фадеев в письмах рассказывал Асе об отношениях с ними, описывая, что связывало его с каждым по отдельности. О Грише Билименко, родители которого жили недалеко от города Спасска, Фадеев писал: «Каждый год весной и осенью я проезжал через этот маленький городок, чтобы попасть из училища домой или из дома в училище. Неподалеку от него, в селе Черниговке, жил Гриша Билименко. Если вы читали «Молодую гвардию», то в лирическом отступлении, начинающемся словами «друг мой, друг мой», я писал именно о Грише Билименко, как о друге, который ждал меня, чтобы нам вместе добираться до училища. Друг этот — образ собирательный, но это место — о нем, о Грише Билименко, и обо мне. Он всегда останавливался у своего родственника на окраине Спасска, и я, действительно, подъезжая к Спасску ночью, после двух-трех дней пути на подводе через чудовищную тайгу (я жил в Чугуевке), с замиранием сердца думал: «Застану ли я его или нет?» И всегда заставал, потому что он ждал меня»[1].

Григорий Тарасович Билименко вместе с Александром Фадеевым учился в коммерческом училище, член ВКП(б) с 1918 года, участник большевистского подполья (подпольный псевдоним Судаков, Проноза), участник партизанского движения на Дальнем Востоке. После Гражданской войны работал инженером на заводе в Москве. Репрессирован как враг народа?

Делясь впечатлениями о юных годах жизни с Асей Колесниковой, Фадеев писал: «Моя беда состояла в том, что я, с раннего детства очень начитанный мальчик, долгое-долгое время оставался все же слишком наивным в житейском смысле. Я не понимал, что законы социального неравенства имеют самое прямое отношение ко мне — сыну сельской

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 15.

фельдшерицы, учившемуся на стипендию и с 12 лет начавшему зарабатывать уроками, чтобы иметь возможность жить. Поэтому я слишком часто раскрывал свою душу там, где мое положение было глубоко неравным, а — в силу наивной доверчивости моей — и ложным. Но из моих дружеских склонностей (до 17 года) некоторые были более или менее постоянными, так как они протянулись через все детские годы, то спадая, то вновь и вновь оживая. Дружба с Исей Дольниковым, Женей Хомяковым (сыном лесного ревизора, жившего на самом верху Суйфунской улицы, на углу Последней) и Гришей Билименко. Все они или отвечали разным сторонам моей души, или соприкасались со мной в разных пунктах «биографии». В ту пору все они были далеки друг от друга; я дружил с каждым порознь: с Гришей потому, что мы оба были «из деревни» и вместе ездили со станции Евгеньевка во Владивосток и обратно; с Женей потому, что много лет подряд мы сидели на одной парте, жили близко друг от друга и вместе возвращались пешком из школы; с Исей потому, что он, так же как и я, любил читать книжки с детства, так же как и я, проявлял склонность к писательству. Женя Хомяков был мальчик странной (не мальчишеской) психической организации и, в общем, одиночка. А у Гриши был еще свой друг, «отдельный» от меня, Саня Бородкин, а у Иси — Лева Гринштейн, тоже совершенно «отдельный» от меня. Когда мы подросли немножко, у меня появились некоторые общие интересы с друзьями моих друзей — Саней и Левой — на почве спорта, здесь впервые появился в нашей орбите и Петя, — он был сильнее нас и «злой», и мы его побаивались, — и прекрасный футболист и хоккеист Паша Цой, с которым дружил Петя. ... у меня решительно ничего не было тогда общего с Петей и Пашей Цой, кроме футбола, а я искал большего. Я продолжал дружить с Гришей, а через него немножко с Саней Бородкиным, сохраняя

одновременно дружбу с Исей, а через него дружа немножко и с Левой Гриштейном. Но только началась революция и развернулась та гигантская социальная битва, свидетелями и участниками которой нам пришлось быть на протяжении ряда лет, как все наши меняющиеся, ещё аморфные тяготения прояснились. Между нами произошла глубокая внутренняя перегруппировка. Она имела, тогда еще не сознаваемый нами, большой социальный смысл. К концу 16/17, а особенно к началу 17/18 учебных годов как-то само собой сложилось прочное ядро нашей «коммуны»: Петя — Саня — Гриша — я»[1].

Данную, откровенную оценку своих взаимоотношений с друзьями Александр Фадеев дает уже в зрелые годы. Это сказано не для аудитории, а близкому человеку, которому Александр исповедуется, вспоминая события юных лет. Видимо он не допускал мысли, что после его ухода из жизни, эти письма будут достоянием гласности. И хотя письма опубликованы в сокращении, в них для читателя открываются многие черты характера и поступки Александра Фадеева, о которых умалчивается в автобиографиях.

Естественно, когда с письмами познакомились знакомые и друзья Александра Фадеева, реакция на письма была разная, так как каждый из них воспринимал это по-своему, ведь они хорошо знали Фадеева и друг друга.

Судя по воспоминаниям Аси Колесниковой, она не догадывалась о чувствах, испытываемых к ней со стороны Александра Фадеева в годы юности. Когда Александр Фадеев признался в этом, он был уже известным писателем и политическим деятелем. Ася Колесникова вспоминала о встрече с Александром Фадеевым в Москве в 1950 году: «Чувствую некоторое смущение: товарищ я рядовой, учительница сред-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 23—24.

ней школы. А Саша Фадеев — генеральный секретарь Союза писателей, депутат Верховного Совета, член ЦК КПСС»[1].

Ася и Александр часто встречались в детские и юношеские годы. Александр жил у Сибирцевых и учился в коммерческом училище. Ася обучалась в гимназии и жила в доме доктора Ланковского, куда ее пригласила дочь Ланковского Лия, с которой она вместе училась. Они встречались в этом доме, но в канун революционных событий, семья Ланковского эмигрирует в Америку.

Лия Ланковская, Ася Колесникова и их подруга Нина Сухорукова были знакомы с Петей Нерезовым, Пашей Цоем, Гришей Билименко, Сашей Бородкиным, Сашей Фадеевым, Яшей Голомбиком, Женей Хомяковым, Исей Дольниковым, Женей Хомяковым. Отношения между ними были дружескими. Они вместе ходили на концерты, в театр, ездили на прогулки, катались на лодке, собирались в просторном доме доктора В.Н. Ланковского, танцевали, пели песни, читали стихи, делились своими впечатлениями о жизни и конечно влюблялись. Ася знала, что некоторые мальчики выполняли задания большевицкой подпольной организации, но сама была далека от этого.

Из писем Александра следует, что он не раскрывал своих чувств Асе Колесниковой, так как Ася была старше его на два года, он ощущал эту разницу в возрасте. Но это светлое и глубокое чувство сохранится в его душе на всю жизнь. В своем письме Асе он признался в этом: «... я долгие годы после того, как ушла моя любовь к вам, не мог никого полюбить»[2].

Сестра друга Александра, Якова Голомбика, Р.С. Голомбик опубликовала воспоминания своего брата и высказала свое

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник — М.: Советский писатель, 1965. С. 17.

[2] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 49.

мнение по поводу некоторых событий, отраженных в письмах Александра Фадеева, когда он описывал поступки своих друзей и знакомых. Она не согласна с тем, что Фадеев причислил себя к низовой прослойке общества, а также с тем, что группу своих друзей он выделил как организацию, называя их «соколятами», «коммуной», заявив: «Говорят, воспоминания — это не документы. Но письма Фадеева вошли в Золотой фонд советской литературы. Надо было сначала проверить «Письма о юности», а затем уже издавать. Самые «демократические, низовые...», но отчим Пети был лавочником, отец Сани — богатый купец, старообрядец, или, как у нас говорили, старовер; Гришин – зажиточный крестьянин, Сашин отчим — фельдшер, а были в училище и дети рабочих. Но не в этом дело. О какой коммуне речь? Коммуны пока еще не видно. Занимались спортом, танцевали, читали книжки... Преподаватели спортивного общества «Сокол» Иван Иванович и Каролина Карловна Мойжиш любили своих учеников и называли младшую группу соколятами, а старшую — соколами... Никаких целей, кроме физического воспитания, «Сокол» перед собой не ставил. Но Зоя (Секретарева. — *Примеч. авт.*), зная о нем, видимо, только понаслышке, нарекла соколятами юных партизан — Фадеева, Билименко, Нерезова и Бородкина»[1].

Зоя Секретарева в своих воспоминаниях, уточняет, что: «"Соколята". Так называли группу демократически настроенных учеников старших классов Владивостокского коммерческого училища в 1917/18 и 1918/19 учебных годах. Одним из «соколят» был Саша Фадеев.

Название это так гармонировало с каждым взятым отдельно учеником и со всей группой в целом, что никто не задумывался, когда и откуда появилось это крылатое слово «соколята».

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 130.

Группа «соколят» в основной своей части сложилась из стародавнего содружества одноклассников, какие обычно бывают в любом классе и сколачиваются часто по совершенно непонятным вначале признакам.

В 1917 году эта группа приобрела определенную политическую окраску. «Соколята» были той меньшей частью класса, которая признала сначала Февральскую, а затем и Октябрьскую революции. Сначала «соколята» были инициаторами и организаторами ликвидации этой молодежной организации, так как она объединяла абсолютно всех учащихся, среди которых оказалось потом немало противников советской власти»[1].

По воспоминаниям Тамары Головиной, которая хорошо знала Александра Фадеева с первых дней проживания во Владивостоке, Зою Секретареву тоже причислили к «соколятам». «Городской комитет партии выпускал листовки, воззвания, которые нельзя было распространять легальным путем, и вот Саша и другие «соколята» — Саня Бородкин, Гриша Билименко, Петя Нерезов совместно с Таней Цивилевой, Зоей Станковой, Зоей Секретаревой отправлялись расклеивать вечерами листовки. Делать это надо было осторожно, чтобы не попасться, и в то же время решительно, чтобы как можно больше распространить этих листовок»[2].

Ласковым словом «соколята» называли молодых участников подпольного движения, которые входили в организацию Красный Крест. Работу этой организации отметил старый большевик, член ЦК РКП(б) Петр Михайлович Никифоров. «При Центральном бюро профсоюзов был создан нелегальный Красный Крест, в состав которого вошли З. Станкова, З. Секретарева, Т. Цивилева, К. Никифорова. А. Фадеев и др. Красному Кресту было поручено кроме обеспечения постоянной связи с

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 259.

[2] Там же. С. 289.

тюрьмой и лагерями доставать медикаменты, обувь, одежду, оружие и организовывать нелегальные склады, снабжать всем необходимым отряды рабочих, уходящих на фронт»[1].

Александр Фадеев писал Асе Колесниковой, что понятие «коммуна», сложилось само по себе в их период учебы. По его мнению, в неё вошли: Гриша Билименко, Саша Бородкин, Петя Цой и он, так как их связывали дружеские взаимоотношения, основанные на обоюдных интересах.

Гриша Билименко, они вместе выезжали из Владивостока, добираясь до своих деревень.

Саша Бородкин, друг Гриши Билименко, с которым подружился и он, увлекался спортом, у них были общие интересы, связанные со спортом.

Александр Николаевич Бородкин, учился в коммерческом училище, член ВКП(б) с 1918 года, участник подпольного и партизанского движений на Дальнем Востоке. Будучи раненным в бою, попал в плен к белогвардейцам и был убит в 1921 году.

На почве спортивных интересов Фадеев подружился с Петей Нерезовым, в письме Асе Фадеев так отзывался о нем: «Он был сильнее нас и «злой», и мы его побаивались». Петр Александрович Нерезов, сын грузчика, работающего в порту, учился в коммерческом училище, член ВКП(б) с 1918 года, участник подпольного и партизанского движений на Дальнем Востоке, делегат XI съезда РКП(б), партийный работник.

Гриша, Саня и Петя, а также Петя Цой имели свои наклонности и увлечения, которые расходились с интересами Александра Фадеева, поэтому их отношения носили скорее характер хорошего знакомства, нежели дружбы.

---

[1] *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Изд. 2-е, переработ. М.: Политиздат, 1974. С. 63.

Павел Петрович Цой, сын корейского революционера, убитого интервентами, член ВКП(б), в Гражданскую войну был комиссаром корейского полка, после войны служил на флоте.

Окончательный распад интересов этой группы молодежи коммерческого училища произошел в 1917—1918 годах.

Посещение дома Лии Ланковской, куда приходили её подруги, их объединяло. Однако скоро у парней и некоторых девушек появились другие интересы. Часть из них установили контакт с комсомольцами и рабочей молодежью Владивостока, участвовали в выпуске газеты «Трибуна молодежи», другие были привлечены к работе в антиколчаковском большевистском подполье. При этом, в целях конспирации, они старались держать от себя на почтительном расстоянии других одноклассников, среди которых были Женя Хомяков, Вова Вейс, так как считали последних интеллигентами и не доверяли им в связи со статусом родителей. Женя Хомяков был сыном чиновника лесного ведомства, Вова Вейс — сыном врача.

В письме Асе Колесниковой дружбу четверки, которую Александр Фадеев именовал «ядром коммуны», он характеризует, как открытую и крепкую: «Как мы были дружны и любили друг друга! Мы все были влюблены в кого-нибудь, делились этим «тайным тайных», сочувствовали успехам и неудачам друг друга в любви, верили друг другу во всем. Мы презирали деньги, собственность. Кошелек у нас был общим. Мы менялись одеждами, когда возникала к тому потребность. Как мы были счастливы!»[1]

Однако вскоре каждому из них пришлось сделать свой выбор в жизни. Ися Дольников и Яков Голомбик объявили себя партийными. Александр Фадеев отмечает: «Размежеванье началось... и в мужской части «коммуны». Уехал Голомбик, отпал Гринштейн, как-то в стороне оказался Паша Цой. А мы,

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 26.

остальные, стремительно (даже сами не успели заметить, как это произошло) ринулись в подпольную работу, и у нас появилась тайна, которая была уже не нашей тайной и которой мы не имели права поделиться даже с лучшим другом, даже с любимым человеком, если он не работал вместе с нами»[1].

Яков Голомбик в воспоминаниях о времени учебы в коммерческом училище писал: «...С приготовительного класса я подружился с Петей Нерезовым, с которым сидел за одной партой. ...У него был товарищ Паша Цой, и мы втроем образовали общий котел и общую кассу. Когда я, будучи в первом классе, познакомился в нашем дворе с Сашей Фадеевым, он был в подготовительном. Ко мне домой приходили Нерезов и Цой, а к Фадееву Гриня Билименко и Саня Бородкин, у которого жил Гриня в учебное время. Во дворе на Комаровской мы все перезнакомились и подружились. Начались общие завтраки, создалась общая касса, было положено начало будущей коммуне. В следующем году к нам пристали первоклассник Ися Дольников и ученик третьего Лева Гринштейн из Никольска, живший в учебное время у Дольникова. Мы проводили вместе все перемены в училище и все свободное время после уроков, играли в лапту, зоску...»[2]

Это было время детства, когда никто еще не задумывался о дальнейшей судьбе.

«Коммуна» или взаимная поддержка создана в период обучения ребят в училище, облегчила их жизнь, когда было трудно с питанием и средствами для проживания. Для обучения ребята приезжали из сел и деревень и останавливались на жительство у родных и знакомых, поэтому были вынуждены приспосабливаться к жизни в городской среде. И конечно, им

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 35.

[2] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 130—131.

было трудно смириться с мыслью, что этот привычный круг взаимоотношений и дружбы когда-то распадется.

В письме Асе Колесниковой Александр Фадеев признается: «Мое предчувствие в тот холодный темный вечер, предчувствие, что отъезд Лии — это начало распада «коммуны», оправдалось. Когда образовалась «коммуна», вы, девочки, вернее уже девушки, были естественным центром её притяжения, а домик на Набережной был главным местом сбора...»[1]

Очень характерно, что мы сохраняли дружеские отношения, например, с Женей Хомяковым, с Вейсом, тем более с Пашей, мы их считали славными ребятами, мы с ними говорили и спорили, но политически мы размежевались: мы видели, что они не стучатся в ту дверь, в которую мы только что вошли, и та сторона жизни, которая стала для нас теперь главной, была уже недоступна для них»[2].

Евгений Хомяков после окончания института народного хозяйства работал по специальности, на должности руководителя.

Всеволод Карлович Вейс, член КПСС, окончил институт журналистики, погиб в 1944 году на фронте.

Яков Сигизмундович Голомбик вступил в партию только в 1925 году, жил в Сызрани где работал главным металлургом на комбайновом заводе.

Яков Голомбик писал о себе: «Во время работы на переписи летом 1917 года у меня уже были определенные большевистские взгляды, укрепленные газетой «Правда», которую старший брат присылал домой с фронта. Как пришли к большевизму остальные члены коммуны, сказать трудно. Гринька называл себя эсером, т.к. считал, что эсеры — крестьянская партия. Но это только теоретически. Практически он во всех вопросах поддерживал большевиков. Сашка на-

---

[1] *Фадеев А.А.* ... Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 30.

[2] Там же. С. 29.

зывал себя новожизненцем, вероятно, под влиянием имени Горького. Но после чехословацкого переворота он примкнул к коммунистической организации. Да и до этого в Союзе учащихся и в Союзе рабочей молодежи у нас практически никаких разногласий не было. Петька, Санька, Женька, Пашка пришли в коммунистический мир уже после чехословацкого переворота. Какими путями, сказать затрудняюсь. Петр вообще был молчаливым и довольно скрытным даже со мной, в то время он, видимо, был самым близким моим другом. Помню только, что однажды он сказал мне, что хотел бы принять участие в революционной работе. Я, посоветовавшись с Зоей Секретаревой, привел его к Сибирцевым, и он быстро включился в работу. Кто привел Гриньку и Саньку, я сейчас уже не помню, либо я, либо Сашка.

Иська Дольников и Лева Гринштейн вступили в партию раньше всех, осенью 1917 года. Но они в это время учились в реальном училище в Никольске-Уссурийском»[1].

Исаак Ильич Дольников, учился в коммерческом училище, член ВКП(б) с 1918 года, участник большевистского и партизанского движений.

Яков подчеркивает увлечение ребят литературой и отношением к русскому языку:

«...Мы любили литературу, много читали и очень уважали русский язык. Помню, что с Петей, если не проводили лето вместе, писали друг другу длинные письма, стараясь писать выразительно и грамотно. Саша Фадеев был редактором и активным сотрудником рукописного журнала, выпускавшегося учениками старших классов коммерческого училища. Из всех членов коммуны только один Дольников участвовал в этом журнале. У каждого из нас был свой люби-

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 132.

мый писатель. Билименко и Фадеев увлекались Л.Толстым, другие предпочитали Достоевского, Тургенева...»[1]

В формировании взглядов части молодежи владивостокских учебных заведений сыграл Союз учащихся средних учебных заведений, созданный весной 1917 года.

«Союз объединял учащихся двух женских гимназий — «коричневой» и «зеленой» (по цвету ученической формы), одной мужской гимназии и коммерческого училища (всего четыре средних учебных заведения было тогда в городе со стотысячным населением). Возглавляло союз правление, состоявшее из представителей старших классов в возрасте от 15 до 17 — 18 лет; Марина Свиридова была избрана в правление от «коричневой» гимназии. Вокруг правления группировался довольно значительный актив. Наиболее деятельными были Саша Фадеев (будущий писатель), Гриша Билименко, Паша Далецкий (тоже будущий писатель), Петя Нерезов, Саня Бородкин, Ися Дольников, Яша Голомбик, Адольф Фельдгер, Ян Домбровский и другие.

«Активисты союза учащихся бывали на всевозможных собраниях, митингах, слушали ораторов разных политических направлений, стремились разобраться в программах, планах разных партий, определить свои политические симпатии»[2].

За советскую власть

В период второй половины 1918 года, когда была свергнута советская власть во Владивостоке, установленная после Февральской революции, и руководство властью перешло в руки эсеров, часть руководства большевистской партии коммуни-

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 136.

[2] За советский Дальний Восток. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября. Выпуск 3. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1988. С. 190—191.

стов: К. Суханов, В. Сибирцев, М. Губельман. П. Никифоров, П. Кушнарева, П. Уткина были арестованы. Оставшиеся на воле большевики, поддерживали связь с арестованными через общество Красного креста, а партийная организация большевиков ушла в подполье и работала на нелегальном положении.

Деятельность Рабочего объединения Красного Креста, председателем которого был назначен Григорий Федорович Раев, организовало Центральное бюро профсоюзов в городе Владивостоке.

Г.Р. Раев, участник революционного движения на Дальнем Востоке, участник вооруженного восстания 1905 года в Москве, где работал на заводе Гужона, был осужден, бежал из тюрьмы и скрывался за границей. Вернувшись в Россию, жил во Владивостоке. Избран в 1917 году председателем Центрального бюро профсоюзов Владивостока, член горкома ВКП(б), делегат 2-го Всероссийского съезда Советов. В 1920 году уехал в Москву.

Тамара Головнина, член этой организации, сообщает, что его «организаторами были: Зоя Большая (Секретарева), Зоя Маленькая (Станкова), Таня Цивилева. Красный Крест быстро обрастал активом, собирал в свои ряды молодежь и лиц зрелого возраста, как например, Клавдию Михайловну Шумятскую, Августу Степановну Гололобову, Клавдию Никифорову, Марию Алексеевну Белых, Марию Ангарскую, Тасю Суханову и многих других. Из молодежи следует упомянуть Олю Левич, Дольникова, Сашу Фадеева и его друзей-«соколят»: Гришу Билименко, Петю Нерезова, Саню Бородкина. Наша работа состояла в изыскании средств, теплых вещей и продуктов для заключенных и их семей. Забота о семьях заключалась еще и в том, чтобы сохранить для них «казенную» квартиру или место работы»[1].

---

[1] За советский Дальний Восток. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября. Выпуск 3. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1988. С. 93.

В период учебы, проживая во Владивостоке, Александр Фадеев привлекался к общественной работе, однако летом он уезжал в село Чугуевка.

В период разгрома советской власти и ареста руководителей большевистского руководства он находился в селе.

Как вспоминает Р.С. Голомбик: «В сентябре вернулись из Чугуевки Саша Фадеев и Гриня Билименко, вскоре вступившие в партию. За ними — все остальные. Мы перешли в 8-й класс и соединяли учебу с подпольно-революционной работой. Дольников, уже студент, был с нами, а Гринштейн уехал в Китай и начал работать в Шанхае в газете советской ориентации...»[1]

Александр Фадеев вступил в большевистскую партию, в период, когда во Владивостоке партийная организация находилась на нелегальном положении и её члены преследовались со стороны новой власти.

Фадеев говорил, что он в тот период еще не осознавал всей значимости своего поступка. Но, единожды выбрав для себя путь, связанный с воплощением идей коммунистической партии, не свернул с него до конца своей жизни.

Инициаторами приема А. Фадеева в партию большевиков были его двоюродные братья Сибирцевы, Игорь и Всеволод.

«На меня лично они оба оказали решающее влияние, — на мое большевистское оформление. Я был еще молод и стал формироваться как большевик потому, что жил всегда с ними, и они влияли на меня. Непосредственное влияние на меня оказал Игорь, как раз в период колчаковского подполья — с осени 1918 года по весну — до партизанского движения и в период самого партизанского движения, который я проделал с ним до самого конца.

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 141.

...я был уже партийный человек, роль партии я чувствовал, но сущности ее, значения — не понимал, был слишком молод и мало знал. Первый человек, который мне это объяснил, был Игорь Сибирцев ... он мне дал «Что делать?» Ленина и стал говорить о значении партии», — утверждал Фадеев[1].

Прием в ряды РКП(б) Александра Фадеева подробно описывает Зоя Секретарева: «Владивостокский городской подпольный партийный комитет проводил свои заседания в различных местах, иногда даже в лодке, прямо среди бела дня, под видом прогулки по Золотому Рогу в хорошую осеннюю погоду.

Когда на повестке дня стоял вопрос о приеме в партию Саши Фадеева, заседание подпольного горкома происходило в казарме Сибирского флотского экипажа, в Сибирцевской гимназии, в комнате, где жил член горкома Игорь Сибирцев и сам Саша Фадеев.

Саша был всем собравшимся хорошо известен и проверен на практической работе.

«Ну, чего там обсуждать, знаем Сашу Фадеева, как облупленного, позовите его», — сказал дядя Ваня — Раев. Кто-то крикнул через дверь:

— Саша, входи!

Дверь открылась. И, несмотря на то что все горкомщики были хорошо знакомы ему, Саша вошел, сильно волнуясь. Он вошел и остановился у дверного косяка. Его тощая фигура на этот раз показалась мне еще длиннее. Быть может потому, что Саша стоял вытянувшись и опустив руки по швам, как солдат, голова его была поднята, обнажая длинную шею. Застывший сосредоточенный взгляд его приходился выше наших голов и был устремлен куда-то вдаль, через окно. И после объявления решения горкома о приеме Саши в партию он не сразу пришел в себя, стоя некоторое время в той

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 86.

же застывшей позе у дверей, будто бы скованный каким-то большим и глубоким внутренним чувством.

Так в сентябре 1918 года Саша Фадеев стал сразу членом Коммунистической партии, не проходя ни кандидатского стажа, ни группы сочувствующих (их тогда в подполье не существовало), не подвергаясь при приеме экзамену по политграмоте»[1].

Всеволод был старшим сыном в семье Сибирцевых. Его мать Мария Владимировна, будучи талантливым педагогом, но в то же время строгой и требовательной, много внимания уделяла его обучению. Любознательный и развитой ребенок быстро осваивался в окружающей обстановке, рано научился читать. Обучаясь в гимназии, Всеволод подружился с Костей Сухановым, который был старше его. Они проявляли интерес к политической жизни и политической литературе, что привело обоих в партию большевиков. Всеволод был отличным спортсменом. После гимназии он уехал учиться в Санкт-Петербург, туда же на учебу поступил Суханов Константин. В столице России бушевали политические волнения, в которые окунулись друзья студенты. За участие в забастовке они вместе были задержаны полицией и две недели провели в тюрьме, после чего окончательно примкнули к партии большевиков.

Второй сын Сибирцевых, Игорь, был старше Александра Фадеева на три года, однако разница в возрасте не отражалась на их дружбе. Игорь так же получил хорошее образование и после окончания гимназии уехал в Санкт- Петербург для продолжения учебы. Там был призван на воинскую службу, где окончил курсы при юнкерском инженерном училище, получив офицерское звание. Александр Фадеев в сво-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 276—277.

их воспоминаниях о семье Сибирцевых, написал о том, как Игорь стал коммунистом:

«Игорь пошел в юнкерское артиллерийское Михайловское училище. Как дворянин был принят… Будучи человеком аполитичным, он, как юнкер, участвовал в защите Зимнего дворца против красных в Октябрьские дни. Как он сам вспоминает в письме, которое сейчас хранится у Губельмана, тогда всех защитников Зимнего, которых взяли в плен, отпустили.

Ему некуда было деваться, и он поехал на фронт под Ригу, где членом армейского комитета был его старший брат. Пришел к брату, думая, как раньше было: «Обращусь к Севе, Сева поможет». А Сева сказал: «Если так будет дальше продолжаться — мы враги. За что тебе драться, идем с нами». Игорь вспоминал: «Целую ночь промучился, и, задавив сотого клопа, я убил в себе контрреволюционера»[1].

Так, под влиянием старшего брата, Игорь вступил в партию большевиков.

Всеволод Сибирцев уже в первые месяцы революции являлся членом Военной комиссии Петроградского Комитета коммунистической партии.

В октябре 1917 года Игорь Сибирцев по совету брата возвращается во Владивосток.

В этот период Константин Суханов уже находился во Владивостоке и был избран Председателем Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Игорь Сибирцев по прибытии работал в местном Совете, а затем был избран секретарем исполкома, то есть стал помощником Константина Суханова.

В феврале 1918 года, имея авторитет в партийных кругах, Всеволод Сибирцев тоже прибыл во Владивосток, где включился в работу руководящего состава партии большевиков.

---

[1] *Фадеев А.А* …Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 85.

Двоюродные братья Александра Фадеева занимали высокие должности в Приморском крае при установлении власти Советов, они не оставляли без внимания и Александра, которого с юных лет приобщали к общественной и политической деятельности, невзирая на его возраст, приняли в партию большевиков.

Бурные события в России — революция, отречение от престола царя Николая II, Мировая и Гражданская войны, интервенция — страшным вихрем кружились повсюду, ломая, казалось бы, незыблемую, могучую империю. Жизнь разбрасывала людей по разные стороны баррикад, многих из них заставив покинуть свою страну и искать убежище на чужбине. Эти события требовали кровавых жертв и героических подвигов. Никто не смог остаться в стороне от этого хаоса, противоречий и одержимости, желания неограниченной свободы рабочей и крестьянской власти, поддерживаемых солдатскими комитетами, и желания буржуазии отстоять свои интересы. В разных местах великой России происходили стихийные перемены, возникали различные партии, вооруженные группировки, менялась власть и принимались местные, порою чудовищные законы.

Александр Фадеев, воспитанный в среде революционно настроенных людей, не задумывался о выборе своего жизненного пути, он жил в кругу людей, давно определившихся в своем направлении.

Вместе с братьями Сибирцевыми, Петей Нерезовым, Сашей Бородкиным, Гришей Билименко и другими товарищами он являлся активным участником большевистского подполья во Владивостоке после свержения власти Советов.

Они ненавидели интервентов, высадившихся с японских, английских и американских крейсеров: «Ивами», «Суффолк», «Бруклин» и др., они презирали прибывших в июне

1918 года во Владивосток солдат чехов, топтавших исконно русскую землю.

Многим сверстникам Александра Фадеева было по 17—19 лет, и они помогали большевистскому подполью, как могли, пользуясь возможностью беспрепятственно передвигаться по городу. Они выполняли поручения старших товарищей по сбору разведывательных сведений, доставки корреспонденции, расклеивали и разбрасывали листовки, переносили и прятали оружие и боеприпасы, сопровождения связников.

Александр Фадеев в своих воспоминаниях о первой встрече с командиром партизанских отрядов в Приморье, Сергеем Георгиевичем Лазо написал: «В январе 1919 года, в период колчаковщины, мне поручили проводить большевика Дельвига с квартиры в рабочей слободке, где он скрывался, на Первую речку, где жил железнодорожный рабочий-большевик по кличке Дядя Митя.

Дельвиг был работником Центросибири и расположения Владивостока не знал. Я был тогда очень молодым членом партии, работавшим главным образом по всяким техническим поручениям. Провожал я Дельвига уже поздно вечером. Было холодно...

К великому моему огорчению, мне как молодому члену партии нельзя было остаться на этом ответственном заседании. И уйти я не мог: я должен был после заседания отвести Дельвига обратно. Все стали шутить надо мной. Игорь Сибирцев, двоюродный брат мой, предложил мне выйти на улицу и ждать там «на свежем воздухе». Тут одна добрая душа сказала:

— А что, если мы уложим его на постель Дяди Мити и заставим в порядке партийной дисциплины спать?

Это предложение всем очень понравилось. Уложили меня спать. Разумеется, никто не думал, что я усну на самом деле. Я лег лицом к стене, конечно, не уснул ни на одну минуту и прослушал все заседание.

Примерно часа в три или четыре ночи меня «разбудили». Я отвел Дельвига обратно, а потом вернулся к себе на квартиру, где жил вместе с Игорем Сибирцевым»[1].

На этом совещании выступал Сергей Лазо, который об этом случае, по его мнению, забавном он расскажет своей жене Ольге.

Дельвиг — член большевистского подполья на Дальнем Востоке, являлся работником Центросибири, занимался подготовкой партизанского движения, один из соратников Сергея Лазо.

В период «подпольной» работы Александр Фадеев перебрался на жительство во флотские казармы, но продолжал часто посещать дом Сибирцевых, где чувствовал себя как дома.

Партизанские будни. Герои романа «Разгром»

Весной 1919 года в городе Владивостоке была объявлена мобилизация молодежи в белогвардейскую армию. Данное обстоятельство заставило большевиков принять решение об уходе молодых подпольщиков в сельскую местность, где концентрировались партизанские отряды, готовясь к восстанию.

Александр Фадеев не подпадал под мобилизацию в силу своего возраста, однако изъявил желание уйти к партизанам, как и его товарищи. В целях конспирации он получил документы на фамилию Булыга.

Об этом периоде жизни Александр Фадеев писал впоследствии Асе Колесниковой:

«К весне 19 года в области началось партизанское движение. Первыми были переброшены в отряды Петя, Гриша, Саня и Дольников. Для того чтобы проехать в Сучанский район по железной дороге, нужны были пропуска от коменданта горо-

---

[1] Сергей Лазо. Воспоминания и документы/Сост.: Г.Е. Рейхберг, А.П. Шурыгин, А.С. Лазо. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1985. С. 161—162.

да. С помощью наших товарищей из типографии мы сделали для ребят искусственные пропуска на чужие фамилии и соответствующие паспорта. Я уехал несколько позже. Мне удалось схитрить с пропуском. Женя Хомяков только что сдал выпускные экзамены, получил аттестат и, как всегда весной, собрался ехать в имение своего отца под Шкотово. Я, зная, что мне все равно ехать в партизаны, и не будучи ни в какой степени готов к экзаменам, попросту не явился на них. Но, использовав старую дружбу, я объяснил Жене, что не попал на экзамены по болезни, и напросился к нему в гости «на недельку».

Для того чтобы проехать в имение под Шкотово, тоже нужен был пропуск. И конечно, Женя получил его легко и на себя и на меня, как на своего товарища по школе, едущего к нему «в гости».

Помню этот чудесный день — стояла прекрасная дальневосточная весна — в имении Хомяковых, когда мы вдвоем с Женей пошли охотиться на уток. И здесь, на берегу озера, я сказал ему, что должен с ним проститься, и объяснил, куда я иду. Он обнял меня и заплакал. Я дошел пешком до Шкотова, сел в поезд на Кангауз, там пересел в поезд-узкоколейку на станцию Сица, где у меня была явка к одному столяру, получил направление в Сучанский отряд, штаб которого стоял в деревне Фроловке. Здесь я снова соединился со своими друзьями»[1].

В другом письме Асе Александр Фадеев, возвращаясь к этому эпизоду, писал: «...Была чудная ранняя весна. Вышли мы на озеро, я отдал ему ружье и сказал: «Извини, Женя, что я обманул тебя, но я ухожу в партизаны, все наши уже там». Он весь изменился в лице, и слезы брызнули у него из глаз. То ли ему было жалко меня, то ли, наоборот, он почувствовал свое какое-то промежуточное положение и вдруг понял, что мы поступили благородно, а ему предстоит прозябать.

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 27—28.

Я, надо сказать, любил Женю с детства, но тут я очень забоялся, что он скажет: «Я пойду с тобой». Я никогда бы не взял его с собой, потому что это мог быть просто порыв души впечатлительного человека, и у меня не было веры, что он не раскается потом. Но он ничего не сказал, а только стал целовать меня и всего облил слезами»[1].

Женя Хомяков не мог знать, что Александр Фадеев вскоре вернётся в имение его отца, но уже с партизанским отрядом, чтобы разграбить его, об этом Александр Фадеев в порыве искренности поведает Асе Колесниковой в своем письме, в котором поведает и о других событиях его жизни:

«Расскажу подробнее о Жене Хомякове. Он до 1927 или 1928 года работал на Дальнем Востоке, последнее время в Никольске... Как трагически сложилась вся его судьба, если вспомнить, в какой исключительно интеллектуальной семье он вырос! Вместе с тем я до сих пор не могу без юмора вспомнить, как мне в годы партизанской борьбы пришлось проявить жестокую «неблагодарность» по отношению к некоторым друзьям своего детства. В разные периоды детства я был более или менее дружен не только с Женей, но еще с одним парнем (пишу нарочно «парнем», потому что это был в двенадцатилетнем возрасте неимоверно рослый детина...) — Гришей Кравченко, и еще дружил я с одним своим одноклассником — Шурой Дрекаловичем. У их родителей, особенно у Кравченко, были большие хутора: у отца Жени, лесного ревизора, — под Шкотовом, у Кравченко — в деревне (кажется, Петровке) по ту сторону Уссурийского залива (не Амурского, а именно Уссурийского), а у Дрекаловича — по эту сторону Уссурийского залива, на самом берегу. Отец Кравченко был очень крупный кулак, не помню, чем занимался отец Дрекаловича, но с Шурой мы были близки на почве совместного пристрастия к охо-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 39.

те, — на их хуторе обычно останавливались экскурсии коммерческого училища, выезжающие на побережье залива изучать в береговых отложениях «аммониты» и «белемниты». Так вот мне фатально пришлось участвовать в 1919 году в разорении партизанами всех трех этих хуторов! Хутора эти — в силу их благоустроенности и обширности — всегда служили базой для командования белых карательных экспедиций. Кроме того, в амбарах было много хлеба, а в конюшнях, пунях и хлевах — не мало лошадей, коров, свиней, — все это было захвачено для партизанских отрядов. Можете себе представить, как интересно мне было на хуторе Хомякова спустя несколько месяцев после того, как я пользовался его гостеприимством! К чести моей сказать, я не испытывал решительно никаких угрызений совести. Никого из хозяев, понятно, не было уже на хуторе, но прислуга и работники Хомяковых меня узнали и пытались через меня отстоять хозяйское добро. Пришлось мне прочесть им целую лекцию о революционной законности…

Продолжаю, однако, про Хомяковых… Спустя несколько лет я опять встретился в Москве с В. Он дал мне почитать какие-то свои рассказы, — они были плохие, о чем я ему сказал, но он все-таки не послушался меня и вскоре стал профессиональным журналистом, на случайном заработке. Позже мы встречались с ним довольно часто, он как-то бедствовал, ныл, что его «не признают», и вообще на глазах опускался духовно, пока вовсе не исчез с горизонта. И опять как-то грустно сознавать, что такая печальная судьба постигла в общем довольно славного и незаурядного (по природным данным) человека из прогрессивной и тоже очень интеллектуальной семьи — его отец был известный во Владивостоке (демократичный по отношению к людям-труженикам) врач. Но самое грустное впечатление на меня произвела Ада Хомякова, которую я встретил неожиданно осенью 34-го года в Хабаровске, когда во второй раз приехал навестить родные края и поискать счастья. Это было одино-

кое... существо, вернувшееся на Дальний Восток, потому что там служил в пограничных войсках ее и Женин брат — Сергей. (В детстве его звали Дюдя, и я использовал это смешное прозвище в «Последнем из удэге» — конечно, в применении к типу, ничего не имеющему общего с Сергеем.) Оказалось, что они только двое и остались в живых из семьи Хомяковых. Остановилась она (приехала она незадолго до меня) на квартире тоже бывшего ученика коммерческого училища Б. (забыл его имя — кажется, Борис; он и в детстве... был... довольно смазливый, сильно кудрявый и очень «не мальчишка»; такой белоручка, «маменькин сынок»). Б. очень ко мне подлизывался; жена у него была из тех не работающих и не имеющих детей «светских» провинциальных дам, которые попадаются иногда среди жен ответственных работников; а Ада почему-то встретила меня подчеркнуто недоброжелательно... я, должно быть, казался ей очень «устроенным», «знаменитым», «счастливым», и гордость ее выставляла как бы «заградительные щиты», чтобы я вдруг не стал ее «жалеть»...»[1]

С этим письмом, опубликованным в книге, познакомилась сестра друга Фадеева, Якова Голомбика, Р.С. Голомбик. Она указала, что Александр Фадеев выразил ошибочное мнение по поводу своих знакомых при посещении Дальнего Востока:

«Речь о Борисе Богданове. Он был в ту пору начальником краевого ИНО НКВД и «подлизываться» к Фадееву ему было незачем. Просто встретил его гостеприимно. Женился Борис на туберкулезной больной, которая иметь детей не могла. Во многом он ей помог, но жизнь открыл перед ней нелегкую. Во время японской оккупации Северной Маньчжурии они жили в Хайларе. Борис работал, насколько мне помнится, в Совторгфлоте, но при этом проводил большую работу по ох-

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 50—52.

ране наших границ от всякого рода диверсий. Это нелегкий труд и для не «светских» дам. А в Хабаровске его жена не работала, потому что это ей было не положено. Бориса давно нет на свете, о жене его я ничего сейчас не знаю, но сестра Зои, возможно, здравствует, имеет детей, а то и внуков, и все они глубоко обижены той характеристикой, которой Фадеев отплатил чете Богдановых за гостеприимство.

То же получается и с Ариадной Хомяковой: «Ада почему-то встретила меня подчеркнуто недоброжелательно...»

Здесь что ни слово, то заблуждение. Ариадна Хомякова приехала в Хабаровск к своему брату Сергею — начальнику обл-ИНО НКВД и остановилась у его старшего товарища Богданова, которого, так же как и я, знала с детства. Фадеева она встретила недоброжелательно не потому, что он был «свидетелем её жизненного краха» — она разошлась с мужем В. Вейсом, тоже бывшим учеником коммерческого училища, а потому, что Фадеев, не застав ее у Богдановых, «послал» Зою за ней, на квартиру к Сергею Хомякову. Ада, услышав от Зои: «Фадеев тебя зовет», пришла в негодование. «Если хочет меня видеть, пусть сам придет!» Вот и все. Она сочла его поступок нетактичным. Красавица и гордячка, как все Хомяковы, она Фадеева выше себя не считала. Но у нее был сын, возможно, есть и внуки, и читать фадеевские строки о маме-бабушке им, конечно, так же тяжело, как и потомком Зои Богдановой. Значит ли все это и многое другое, что Фадеев был плохим человеком? Нет. В 1938 году, когда мой брат Яков, оклеветанный врагами народа, был приговорен к высшей мере без права апелляции, Фадеев по просьбе моей сестры поехал с ней к прокурору и написал брату отличную характеристику. Думаю, именно это спасло ему жизнь»[1].

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 147.

Как следует из писем Александра Фадеева, он, принимая участие в разграблении хуторов своих друзей, при этом не испытывал жалости и стыда, ему было просто интересно смотреть на это.

В годы учебы он был здесь желанным гостем, но теперь люди, обращаясь к нему за помощью, не узнавали того доброго, стеснительного юношу. Значит, была в его характере жесткость и безжалостность.

Фадеев пришел в партизанский отряд во времена открытой классовой борьбы, где борьба шла не на жизнь, а на смерть, в которой даже спустя много десятилетий, трудно определить, кто был прав, а кто нет. И здесь молодой Фадеев-Булыга руководствовался чувствами ненависти к богатым людям, среди которых были семьи и его друзей по гимназии, к своим одноклассникам и друзьям которые не пошли по пути большевиков. Фадеев писал о том времени:

«...многое изменилось в наших душах. Война — большая и суровая воспитательница. К этому времени мы уже испытали много тяжелого, жестокого, — видели трупы замученных карателями крестьян, потеряли в боях многих людей, которых успели полюбить, знали об арестах в городе лучших наших друзей по подполью, знали о чудовищных зверствах в контрразведках белых. И в то же время из писем наших друзей-подпольщиков Владивостока мы узнавали, что такой-то и такой-то из наших бывших товарищей-соучеников ушел в белую армию или в офицерскую школу, такой-то подличает, такой-то молчком уходит в сторону, — все это ожесточало наши сердца. Многое из прошлого казалось уже детски наивным, требовало пересмотра. Кое-кого из бывших товарищей мы теперь, не дрогнув, расстреляли бы, если бы он попал к нам в руки, иных мы презирали, об иных сожалели, что дороги наши пошли врозь»[1].

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 44.

Классовая вражда набирала обороты, перерастая в Гражданскую войну, жестокую и беспощадную.

В документах, сохранившихся в архивах, четко прослеживаются события тех лет, происходившие в Приморье. Привожу некоторые из них.

Управляющий Приморской областью полковник Козеко докладывает Колчаку: «Политическая ситуация Приморской области в данный момент в высшей степени сложная: большевицкие выступления во всех уездах развиваются прогрессивно, имеют определённый план, чувствуется тайная руководящая сила».

(ЦГАОР, ф.147, д.2, л.л. 128—130).

Через несколько дней Козенко снова докладывает начальству: «Положение в уездах крайне тяжелое, Ольгинский уезд за исключением северной части — Императорской гавани Датта и южной — Шкотовского района — весь занят большевиками...» (ЦГАОР, ф. 147, д. 2-в).

В то же время большевики принимали решительные действия к вооружению народных масс: «18 февраля 1918 года Исполком Совета рабочих и крестьянских депутатов (протокол № 59) рассматривал вопрос о вооружении красногвардейцев-шахтеров рудника.

«Слушали»: 11) О вооружении Красной гвардии.

Постановили: 11) Просить Краевой Комитет представить в распоряжение Сучанского Совета следующее оружие:

1000 шт. линейных винтовок и 10 000 патронов;

4 пулемёта и 120 000 патронов;

200 шт. револьверов «Наган» и 10 000 патронов;

4 орудия 3-х дм. и 2000 снарядов. (из фонда 3273, д. 3, л. 3, ЦГАОР).

«27 марта 1918 года в военном комиссариате Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов просьба о вооружении красногвардейцев-шахтеров рассмотрена:

Слушали 5) Просьба Красной гвардии рудника об отпуске им оружия и боевых припасов.

Постановили: 5) Выслать немедленно 500 шт. винтовок системы «Бердана» с 48 патронами на каждого и 500 патронных сумок.

Возможность высылки остальных припасов выяснить в спешном порядке» (из фонда 393, сп. 11, д. 16, л. 37, ЦГАОР).

Партизанское движение ширилось и нуждалось в пополнении своих рядов, а также едином, слаженном руководстве. Оперативное руководство в партизанском движении приняли на себя: С. Лазо, М. Губельман и ряд других руководителей движения большевиков.

В марте 1919 года в селе Фроловка у реки Сучан был организован Временный военно-революционный штаб партизанских отрядов Ольгинского уезда, задачей которого ставилась организация единого взаимодействия партизанских отрядов при выполнении боевых действий.

Об участии Александра Фадеева в партизанском движении упоминает его давняя знакомая Тамара Головнина.

«Весной 1919 года всколыхнулись приморские села. Карательные отряды колчаковской власти, вторгнувшись вглубь волостей, натолкнулись на вооруженное сопротивление партизан. Областной партийный комитет посылал из Владивостока работников в помощь партизанам. Вскоре в Сучанскую долину прибыла группа одноклассников Саши — выпускников коммерческого училища. В числе этой группы были Гриша Билименко, Исаак Дольников, Саня Бородкин, Петя Нерезов, Анатолий Тайнов и др. Они пробирались по нелегальным пропускам, мастерски сфабрикованным во Владивостоке силами молодых печатников, во главе которых стоял изобретательный Федя Коваль.

Ребята благополучно миновали белогвардейскую заставу на станции Шкотово, где проходила проверка документов.

От станции Кангауз пешком добрались до села Сергеевки, где в это время стоял штаб отряда под командованием Н.К. Ильюхова.

Я прибыла в этот отряд несколько раньше — в марте 1919 года. Вскоре после своих друзей в отряд пришел и Саша, и мы снова встретились.

Штаб отряда направил ребят в различные волости для разъяснительной работы среди населения и организации партизанских отрядов. С этой же целью я и Гриша Билименко вместе с ещё пятью товарищами были направлены в Ново-Литовскую волость[1].

Александр Фадеев, вспоминая о приходе в партизанский отряд, рассказал, что он от хутора Хомякова в Шкотово прибыл на станцию Сица, где его встретили на явочной квартире и направили в Сучанский отряд.

По прибытии в штаб Сучанского отряда он с группой Мартынова был направлен в Ольгинский уезд для проведения агитаторской работы среди местного населения, подготовки созыва первого съезда трудящихся, сбора информации об отношении крестьян. А. Фадеев написал о своей встрече с Сергеем Лазо в Сучанской долине. «Был конец мая или начало июня того же 1919 года. Почти весь Ольгинский уезд был очищен от белых. Я только что вернулся с агитационного похода на север, под Ольгу и Тетюхе, в село Фроловку, где был штаб партизанских отрядов, и застал здесь большую группу работников владивостокского подполья. Среди них был Лазо»[2].

Об этом периоде деятельности Александра Фадеева в своих воспоминаниях рассказал организатор партизанского движения в Сучанско-Ольгинском районе, член Дальбюро ЦК РКП(б) Михаил Израилевич Губельман:

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 290.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 74.

«Вместе с другими товарищами он был направлен штабом в Ольгинский уезд для агитации среди крестьян. Призывая их к участию в партизанских отрядах, Саша прошел много сел и деревень. В отличие от других, он вел дневник, в котором тщательно и продуманно записывал все, что видел и слышал. Тут были сведения об имущественном положении сел, деревень и отдельных крестьян, возрастной состав населения, экономическое положение. Фадеев записывал, сколько лошадей, сколько и какой скот имели жители, давал характеристику отдельных лиц, вожаков деревень и сел, приводил сведения о том, какое имеется оружие и в каком количестве, сколько патронов и т.д., о знатных охотниках, о хороших стрелках, о рыбаках, землепашцах. Это была своего рода перепись населения со всеми подробностями его быта и труда. Это были ценнейшие сведения, необходимые штабу.

Саша и другие агитаторы и пропагандисты, посланные штабом, возвратились перед съездом трудящихся Ольгинского уезда. Его сведения отличались от других своей полнотой и ценностью»[1].

27 июня 1919 года в селе Сергеевка был проведен съезд трудящихся Ольгинского уезда с участием руководителей большевистского движения Лазо и Губельмана, на котором присутствовал и Александр Фадеев-Булыга.

Будучи активным коммунистом и практически всегда находясь при штабе, Александр Фадеев-Булыга добросовестно и ответственно относился к работе, которая ему поручалась. Он вместе с другими выпускал газеты, разъяснял молодежи и жителям сел идеи создания нового общества, исполнял обязанности секретаря оформляя документы.

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник — М.: Советский писатель, 1965. С. 81—82.

В ряде книг, изданных на Дальнем Востоке и в Забайкалье в годы советской власти, указывается, что Александр Фадеев направлен большевиками для организации партизанского движения. Однако это не соответствует действительности, и роль Фадеева здесь преувеличена. Фадеев прибыл к партизанам по собственному желанию и был зачислен в отряд в качестве рядового бойца.

В книге «Время, события, люди. Приморье 1917—1980», указано, что 19 апреля 1919 года состоялась подпольная III Дальневосточная областная конференция РКП(б), на которой присутствовали делегаты городов Приморского края, Хабаровска, Благовещенска, Харбина. В тексте указано, что в повстанческие районы направлены для руководства партизанскими отрядами большевики А.П. Алютин, В.П. Владивостоков, М.И. Губельман, С.Г. Лазо, И.М. Сибирцев, А.А. Фадеев и др.[1]

В книге указан источник этой информации — книга «Борьба за власть Советов в Приморье 1917—1922 гг. Сборник документов. Стр. 24. Приморское книжное изд. Владивосток. 1955 год».

В вышеуказанной книге на стр. 24 Введения, которое составила кандидат исторических наук Л.И. Белякова, имеется такой текст, однако документов подтверждающих этот факт, Л.И. Белякова не приводит. В книге, содержащей выписки из протоколов данной конференции, таких сведений не имеется.

В своих воспоминаниях и письмах Александр Фадеев подробно рассказывает об обстоятельствах его ухода к партизанам, при этом о том, что его направили в партизанский отряд по партийной линии, Александр Фадеев не упоминает.

С юных лет, ступив на тропу революционной борьбы, став членом партии большевиков, Фадеев жил жизнью окру-

---

[1] Время, события, люди. Приморье 1917—1980 . — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1982. С. 28.

жающих его людей, которые по возрасту были старше его и относились к нему по-отечески. Они мечтали о новом пролетарском обществе, во главе которого должна стоять партия коммунистов, представляя интересы рабочих и крестьян, и молодежь подхватывала эти идеи. Спустя десятилетия Фадеев писал: «Теперь, конечно, легко видеть, как много в таком рода рассуждениях было и скоропалительного, и непродуманного, и несправедливого, но стоит перенестись в то время, как станет ясно, что иначе мыслить мы, юноши, все более формирующиеся в бойцов революции, и не могли»[1].

«Я очень быстро повзрослел, обрел качества воли, выдержки, политически обогнал свое поколение на несколько лет, научился влиять на массу, преодолевать отсталость, косность в людях, идти наперекор трудностям, все чаще обнаруживал самостоятельность в решениях и организаторские навыки — одним словом, я постепенно вырастал в еще хотя и маленького по масштабам, но политически все более сознательного руководителя»[2].

Командир партизанского отряда Николай Кириллович Ильюхов запомнил, как в партизанский отряд в апреле 1919 года прибыла группа молодых подпольщиков из Владивостока, о ней он был уведомлен заранее и ждал их появления. С командиром Сучанского отряда Тетериным они встретили молодежь на проселочной дороге недалеко от села Казанка. Через несколько дней в отряд прибыл Александр Фадеев-Булыга. Н. Ильюхов отметил: «Мы легко могли заметить, что Саша является центральной фигурой группы, её «запевалой». Его энергия и буйная порывистость казались неистощимыми. Мы удивлялись, как его худенькая, сложен-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 44.

[2] Там же. С. 45.

ная, казалось, только из костей и кожи, вытянутая, как молодой стебелёк, фигурка может выдерживать целый вулкан клокочущей энергии и через край бьющего энтузиазма»[1].

Участник партизанского движения И.П. Самусенко хорошо отозвался о Фадееве-Булыге.

«Булыгу я неоднократно встречал на заседаниях ревштаба. Саша запомнился мне юношей, в рубашке неопределенного цвета, в ботинках, до дыр изношенных, с вытянутой тонкой шеей, с лицом, обильно усыпанным веснушками, сосредоточенным, с умными наблюдательными глазами. Он не расставался с карандашом, что-то записывал на листках бумаги, которые потом с любовью клал в свою увесистую сумку, которую носил на ремне через плечо…

На одном из очередных заседаний Временного военно-революционного штаба партизанских отрядов Ольгинского уезда было принято решение направить Булыгу с группой заместителя председателя ревштаба Захара Назаровича Мартынова в таёжные районы с задачей подготовки созыва первого съезда трудящихся Ольгинского уезда. При обсуждении кандидатуры Булыги некоторые из руководящих работников штаба высказали опасения — выдержит ли этот юноша со слабым здоровьем испытания, неизбежные на тяжелом пути группы Мартынова.

Помнится, Саша своим юношески-звонким голосом, несколько смущаясь в присутствии заседавших в штабе бородачей, заявил, что он задание штаба по группе Мартынова выполнит.

Группа Мартынова, и в её составе Саша Булыга, задания штаба выполнили с честью.

Надо напомнить, что в результате работы в группе Мартынова Булыга обогатился бесценным фактическим матери-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 389—390.

алом, который лег в основу известной его книги «Последний из удэге».

В период с 27 июня по 3 июля 1919 года Булыга принимал участие в работах первого съезда трудящихся Ольгинского уезда (так называемый Сергеевский съезд) в качестве одного из секретарей его. А когда белогвардейцы и интервенты повели свое «генеральное» наступление на Сучанскую долину, Булыга с оружием в руках в рядах героических красных партизан, как и остальные делегаты съезда, сражался с врагами.

Помню, в июльскую ночь мне пришлось выполнять важное поручение штаба, и я направился верхом на лошади из села Сергеевка во Фроловку, к линии фронта. Партизанскую часть под командованием Петрова-Тетерина я застал во Фроловке. Как мне сообщил Петров-Тетерин, ночью ожидалось наступление японских войск со стороны деревни Краснополье и белоамериканцев со стороны Сучанского рудника — Казанки. Петров-Тетерин послал в сторону Краснополья кавалерийский дозор и тут же сообщил, что пришлось включить в состав разведки юношу Булыгу, который настойчиво просил его об этом: Саше так хотелось участвовать в операции по детальной глубокой разведке противника!»[1]

Этим отрядом дозора командовал Василий Повилихин, который поведал о событиях: « ... Японцы большим отрядом напали на отряд Петрова-Тетерина в селе Казанке, в 4 километрах от Фроловки. На помощь отряду Петрова на съезде срочно организовали отряд из молодежи. В отряд вступил и Фадеев; меня штаб назначил командиром. В этот период мне пришлось более близко познакомиться с Фадеевым. Выглядел он юношей худеньким, застенчивым. В переходах часто декламировал нам стихи Пушкина, Лермонтова и кое-что из своих сочинений. В отряде его как-то особенно полюбили.

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 441—443.

При подходе к Казанке надо было выслать разведку, и Фадеев один из первых вызвался пойти. Некоторые партизаны из бывших солдат отговаривали посылать его, так как он-де слишком молод и вряд ли хорошо умеет владеть оружием и может попасть в опасное положение при встрече с японцами. Но Саша Фадеев был настойчив, и его включили в разведку. Разведчики установили, что японцы и белогвардейцы оставили Казанку и отступили к Сучану, так что село мы заняли без боя»[1].

Исходя из воспоминаний других участников партизанского движения, на вышеуказанном эпизоде выезда в разведку боевая деятельность Фадеева исчерпана, так как другая деятельность Александра заключалась в основном в агитационно-партийной работе.

В своем письме Асе Колесниковой Фадеев вспоминал о своей молодости в период нахождения среди партизан: «В это время был большой подъем партизанского движения, развертывались крупные боевые действия, карательные экспедиции белых всюду терпели поражения. Мы, четверо — «три мушкетера и д'Артаньян», как мы, шутя, называли нашу четверку, — были зачислены в Сучанский отряд рядовыми бойцами, в Новолитовскую роту, и ушли на побережье к устью Сучана, где получили настоящее боевое крещение…

В общем, мы были совершенно отчаянные ребята, — нас любили и в роте и в отряде. Петр был старше Гриши и Сани на один год, а меня — на два, он был человек очень твердый, не болтливый, выдержанно-храбрый, и, может быть, именно благодаря этим его качествам мы не погибли в первые же месяцы: в такие мы попадали переделки из-за нашей отчаянной юношеской безрассудной отваги»[2].

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 447.

[2] *Фадеев А.А.* …Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 37.

Активный участник революционного движения в Приморье Тамара Михайловна Головнина знакома с Александром Фадеевым по гимназии во Владивостоке, она вспоминает, что после ее ухода из города в партизанский отряд в марте 1919 года она была направлена в составе группы из семи человек, в которую входили Гриша Билименко и его друзья, в Новолитовскую и Душкинскую волости для организации партизанского отряда.

С этой целью набора добровольцев они посетили села Васильевка, Кирилловка, Душкино, Екатериновка, Новолитовск и другие, где пополнили свой отряд за счет местных жителей. На берегу моря недалеко от села Душкино был устроен наблюдательный пункт, откуда велось наблюдение за боевыми кораблями интервентов и белогвардейцев, проходящими вдоль берега, к деревне Американка (сейчас г. Находка). Начальником пункта наблюдения назначили Гришу Билименко.

С этого места велось наблюдение за движением японского крейсера, прошедшего в бухту Находка для высадки десанта в деревне Американка. Там партизаны не приняли бой с десантом и отошли в сторону села Сергеевка. В этот отряд летом 1919 года и был зачислен рядовым бойцом Александр Булыга-Фадеев.

Головнина пишет: «У меня с Сашей Фадеевым из-за оружия получился конфликт. Он хотел, чтобы я поменяла свой карабин на его берданку, говоря, что мне, как девушке, достаточно иметь берданку, а ему, парню, необходимо иметь более совершенное оружие. Конфликт закончился тем, что, уезжая по распоряжению штаба во Владивосток для связи с подпольным парткомитетом, я отдала Саше свой карабин»[1].

После разгрома партизанского движения летом 1919 года, начало которого многие коммунисты считали преждевремен-

---

[1] За советский Дальний Восток. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября. Выпуск 3. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1988. С. 98.

ным, так как выступление партизан было не подготовлено, партизаны уходили в глухие, таежные места, где скрывались от преследования карателей. В городах и селах коммунисты были вынуждены работать в условиях глубокой конспирации. Карательные отряды белой гвардии и японцев, контрразведка, вели охоту за партизанами, выслеживали и уничтожали большевиков и им сочувствующих лиц. Пришлось скрываться и командиру партизанских отрядов Приморья, члену Дальневосточного областного комитета РКП(б) Сергею Георгиевичу Лазо. Это было трудное время. Крупные города и села были заняты отрядам белогвардейцев и интервентов. Партизаны группировались в таежных местах: Анучино, Чугуевки, Сучанской долины от села Фроловка.

Александр Фадеев в воспоминаниях о Сергее Лазо описал этот период времени: «Я тогда был рядовым бойцом и поэтому не был посвящен в план партизанской кампании, разработанный Сергеем Лазо. Знаю, однако, по личному опыту, что с его приходом мы буквально отрезали Сучанский рудник от города. Против нас были брошены намного превосходящие нас численностью и, конечно, вооружением японские части. Японские силы были так велики, что мы не могли с ними справиться и, отступая с боями, вынуждены были очистить Сучанскую долину.

Я остался в той группе партизан, которая не ушла с Сучана, а сделала попытку закрепиться здесь, в Сучанской тайге. Лазо с другими товарищами ушел в район села Анучина. Вскоре и нас выбили из Сучанской тайги, и мы попали в тот же район, в родное мое село Чугуевку, где сколачивались партизанские силы для новой борьбы»[1].

Александр Фадеев, уточняя свое нахождение в партизанских отрядах, писал: «Лично я был послан в партизанские

---

[1] *Фадеев А.А.* Разлив; Рассказы и очерки; Киносценарии / Прим. Б.Л. Беляева. — М.: Правда, 1984. С. 157.

отряды Сучанского района в апреле 1919 года, а в отряд Тетерина-Петрова попал уже в августе 1919 года»[1].

В октябре 1918 года в селе Хмельницком Ольгинского уезда, по инициативе Н.К. Ильюхова, был создан партизанский отряд. Заместителем командира отряда назначен молодой учитель Тимофей Мечик, проявивший себя храбрым руководителем. О том, как начинал боевой путь этот отряд партизан, рассказал участник партизанского движения в Приморье, В.Л. Клименко: «Под командой учителя тов. Мечика вооруженные крестьяне устроили засаду между деревнями Гордеевкой и Бровничами. Дружными залпами они преградили путь белым на Бровничи. Понеся потери, каратели взяли направление на Сучанский рудник и поспешили на соединение с отрядом генерала Смирнова[2].

Участник партизанского движения И.П. Самусенко в своих воспоминаниях указывает: «В конце марта 1919 года командование Сучанского партизанского отряда начало подготовку к нанесению удара по колчаковскому гарнизону в селе Владимиро-Александровском, в низовьях реки Сучан.

На помощь сучанцам шел Ольгинский партизанский отряд под командованием Степана Федоровича Глазкова.

Для встречи с ним Сучанские партизаны направили свою роту во главе с Тимофеем Мечиком, который с двумя конными партизанами, разведав путь, проскочил вперед и расположился на окраине деревни Унаши до подхода роты, которая, выйдя из деревни Перетино, неожиданно встретилась с конным разъездом колчаковцев и вступила с ними в бой.

В это время со стороны села Владимиро-Александровского в Унаши вступил другой конный разъезд колчаковцев

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 139.

[2] В боях за Советское Приморье. Сборник воспоминаний бывших красных партизан-приморцев. — Владивосток: Примиздат, 1951. С. 11.

до 50 сабель. Белогвардейцы обнаружили Мечика и его партизан и решили захватить их живыми.

Но Тимофей Мечик и его конники, отстреливаясь, устремились к перевалу, в направлении долины Вангоу. Колчаковцы настигали наших партизан.

В это время на перевале появился Ольгинский партизанский отряд. Заметив приближающийся кавалерийский разъезд и не подозревая, что впереди скачущих находятся наши товарищи, партизаны открыли огонь…

Так, 2 апреля 1919 года, на девятнадцатом году жизни трагически погиб Т.А. Мечик, заместитель командира Сучанского партизанского отряда.

Вместе с Т.А. Мечиком погиб и его друг, адъютант, односельчанин В.А. Гульков. …

Т.А. Мечика и В.А. Гулькова хоронили одновременно, обоих положили в братскую могилу на Казанковском кладбище. В похоронах приняли участие Сучанский партизанский отряд во главе с командиром Н.К. Ильюховым, делегаты от Ольгинского партизанского отряда и боевых дружин Сучанской долины, крестьяне села Казанки, делегаты от рабочих-шахтеров с угольных шахт, представители сел и деревень Фроловской волости»[1].

Александр Фадеев не застал Мечика в живых, прибыв в отряд Н. Ильюхова и Тетерина в апреле 1919 года, судя по датам, он погиб накануне вступления Александра Фадеева в Сучанский отряд.

В романе Александра Фадеева «Разгром» описывается обстановка и район действий боевого столкновения партизан с белогвардейцами, схожая с событиями гибели Т.А. Мечика, когда Морозко под градом пуль спасает раненого парня, убе-

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 84—85.

гающего от белых, которого доставляют в госпиталь к партизанам. Раненый называет свою фамилию Мечик. Таким образом, в произведении Александра Фадеева появилась фамилия погибшего заместителя командира партизанского отряда.

Друг Александра Фадеева, писатель Павел Максимов, в своих воспоминаниях о жизни А. Фадеева в Ростове и его работе над романом «Разгром» писал: «Я сам был свидетелем того, с каким совершенно неслыханным упорством А. Фадеев работал над языком своего «Разгрома»...

Сидя у него и разговаривая с ним, я видел, что в рукописи его повести «Разгром» творилось что-то невероятное: буквально каждая написанная его четким, ясным почерком строка была потом зачеркнута и над нею написана новая строка, но она была тоже зачеркнута и написана вновь под строкой, потом на поле, потом на обороте, потом на подколотом бумажном листе, и все это вновь зачеркнуто и перечеркнуто...»[1]

То есть Александр Фадеев скрупулезно выверял каждую строчку романа и сверял ее с событиями, которые он описывал.

Выступая на вечере читателей в одном из Ленинградских клубов, посвященном обсуждению романа «Разгром», Фадеев сказал, что каждое его произведение отталкивается от жизни, а в романе «Разгром» он описывает то, что видел. «В основе каждого из героев «Разгрома» — живой человек, к которому добавлены те или иные черты и от людей, похожих на него»[2].

Однако с персонажем повести «Разгром» — Мечиком, который, находясь в дозоре, струсил, увидев врага, и не предупредил партизанский отряд, следующий позади дозора, выяснилась довольно неприятная история. Она заставила Александра Фадеева объясняться со своими товарищами и земляками, так как он использовал фамилию заслуженного

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 484.

[2] Там же. С. 485.

партизанского командира, погибшего в бою, которого уважали за храбрость.

В своем письме от 5 февраля 1956 года, адресованном Н.К. Ильюхову, Фадеев касается этого вопроса.

«Согласен с тобой, что с фамилией Мечика получилось чрезвычайно обидно для его памяти, но получилось это, как ты сам понимаешь, непроизвольно. Когда я попал на Сучан, Мечик уже погиб. Наверно, я слышал его фамилию тогда по рассказам друзей, но я был слишком молод, увлечен всем тем, что мы тогда переживали, и фамилия эта выпала у меня из памяти. Когда я учился в Горной академии, мы по заданию райсовета (группа студентов-партийцев, мобилизованных для этой цели) производили перепись лиц, живущих нетрудовым доходом, и в мою орбиту попал спекулянт с фамилией Мечик. Дело было, разумеется, не в спекулянте, когда я вдруг подумал, что фамилию эту можно использовать в рассказе или романе, поскольку она не часто встречается и хорошо запоминается. А о том, что эту фамилию носил мужественный, чистый и доблестный юноша в партизанской войне, я совершенно забыл, — она, должно быть, совершенно подсознательно ассоциировалась у меня с теми днями, и я использовал ее в «Разгроме» в применении к персонажу совершенно иной складки. Оплошность свою я понял, когда вышла книга твоя в соавторстве с Титовым, но исправлять уже было поздно...»[1]

Так объяснил Александр Фадеев это недоразумение, который, судя по воспоминаниям лиц, знающих его по событиям партизанского движения на Дальнем Востоке, вел дневники, куда записывал различные сведения и отличался хорошей памятью о людях, воевавших в Сучанской долине, где фамилия Мечик была у всех на слуху.

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 164.

А вот что по этому поводу пишет в своих воспоминаниях Яков Голомбик: «Работая над «Разгромом», Фадеев часто бывал у нас на Козихе, читал нам роман отдельными главами, по мере написания, и внимательно выслушивал нашу критику. Мы и не подозревали, что под видом Мечика он вывел Дольникова. Только Петя и Гриша обратили внимание на то, что лошадь Мечика названа в романе так же, как лошадь Дольникова, но значения этому они не придали.

После опубликования «Разгрома» мы жили летом на даче в Салтыковке: Саша Фадеев с молодой женой Валерией Герасимовой, Юрий Либединский с женой Мариной Герасимовой и мы с Гриней. Мы и не подозревали, какую трагедию переживал в это время Дольников, узнавший в образе Мечика какие-то свои черты.

Осенью, когда мы вернулись в город, Дольников пришел к нам, возмущенный тем, что Фадеев вывел его в «Разгроме» под видом Мечика.

На нашем «суде чести» Фадеев объяснил, что писатель имеет право изобразить человека так, как сам его видит, и что он убежден: если бы Дольников попал в подобные обстоятельства, он поступил бы так же, как Мечик…

Мы обсудили вопрос и нашли, что сравнение Дольникова с Мечиком является следствием личной неприязни Сашки к Иське, появившейся после их ссоры в отряде. Дольников протестовал против того, что остальные коммунары ездят в разведку, участвуют в стычках с японцами, а он оставлен при газете, в то время как Фадеев и Билименко имеют больший газетный опыт..... Когда Дольников все же добился того, что его направили в действующий отряд, коммунары «сцепились». Дольникова упрекали в недисциплинированности, а он, очень самолюбивый и вспыльчивый, напомнил Фадееву о том, что он и Хомяков остались кончать училище,

в то время как Дольников, Билименко и Нерезов давно были в сопках»[1].

В письме Асе Колесниковой Александр Фадеев данное событие описывает так: «Когда партизанский штаб предложил этой группе учащихся выделить из своей среды двух человек для агитационной работы среди населения в глубоком тылу, в районе села Анучино, где в это время создавался областной повстанческий ревком, Фельдгер и Заделенов сами предложили себя, и мои ребята охотно «выдвинули» их, чтобы просто от них освободиться. Когда я приехал на Сучан, эти двое уже ушли в Анучино; Петя, Гриша и Саня работали по организации отрядов, а Дольников хныкал: «Как, мол, его обидели, не послав воевать!» После моих резких возражений он обиделся на меня, мы впервые в жизни крупно поссорились. Через недельку пришли обратно в село Фроловку (где был штаб) Гриша, Петя и Саня, и мы по старой памяти созвали собрание нашей «коммуны». Мы очень остро поставили перед Дольниковым вопрос, что он ведет себя «по-интеллигентски» и что мы с ним порвем, если он не будет выполнять свои обязанности. Он сказал, что работать в газете не будет. Тогда мы перестали с ним здороваться и разговаривать»[2].

Видимо надолго запомнилась Александру Фадееву ссора с другом по гимназии Исааком Дольниковым, который рвался участвовать в боевых действиях, а не писать статьи для газет, на чем настаивал Фадеев, вот он выбрал его образ для отрицательного героя своего романа «Разгром».

В это же время писал Дольникову, дружественные письма, которые были впоследствии опубликованы в журнале «Огонек» (стр. 25—26 за 1960 год).

26/ IX — 21 года. Москва.

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 145—146.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 36—37.

«Свинство, дружище, с моей стороны, — что не писал долго, но обстоятельства весьма основательны. Слушай! Поверил бы ты, черт возьми! Если бы кто-нибудь сказал тебе, что Сашка, столь презиравший математику и любивший до потери сознания русский язык да политическую экономию, в один месяц прошел алгебру, геометрию, тригонометрию, физику и арифметику и выдержал экзамен в Горную Академию? Нет, ты бы послал этого человека к черту, а то еще, чего доброго, привлек бы к ответственности за клевету. Но это правда! Каррамба! Эта канитель закончилась только вчера, и вот я из военкомбригов в студенты!..

В общем, хотел написать много, но все вылетело к черту из головы. Поговорим о ДВР. Ты прислал посылку — хорошее дело, можешь продолжать в том же духе, но неужели ты подумал, что мы настолько забыли Бога и предались Мамоне, что нам какая-то пшеничная крупа будет интереснее судьбы наших ребят: Игоря, Гришки, Петьки, Сеньки (Игорь Сибирцев, Григорий Билименко, Петр Новиков, Александр Бородкин. — *Прим. авт.*) и вообще всех друзей и знакомых. Ведь это позор твоим сединам! Спеши исправиться.

Кроме того, ты бы вместо мыла прислал бы дальневосточные издания: журналы, газеты (со своими писаниями), в частности, все ж бы было веселее. Не знаешь ли ничего о моих родных?

Сообщи, имеется ли возможность переслать письма во Владивосток, и каким образом.

Жму руку».

15.IX — 21 года.

«Уважаемый Исаак Ильич!

Черт бы тебя побрал! Какого дьявола не пишешь?! Ведь это возмутительно, такое молчание. Мы ничего не знаем, как живут родные и знакомые, мы жаждем информации о духовной

и «телесной» жизни Читы и т.д., и пр., и т.п., а ты молчишь, лапчатый гусь, с упорством Монбана… У нас идут слухи, что ты идешь в гору и уж чуть ли не редактором «Дальневосточной правды»… Имеешь ли связь с Владивостоком, переписываешься ли с родными? Если да, то не забывай приписывать, что Сашка жив и здоров, пусть извещают об этом мою мать. Я не имею из дома вестей со времени отъезда и, конечно волнуюсь о судьбе родных. Эх, братец, писал бы почаще. Александр».

Александр Фадеев упрекает Дольникова в том, что он редко ему пишет, делится с ним своими успехами и тоской по родным местам.

В докладе на собрании слушателей литературных кружков Замоскворецкого района Москвы в 1932 году Александр рассказал слушателям об образе Морозки и Мечика:

«Попутно мне хотелось развить в романе мысль о том, что нет отвлеченной, «общечеловеческой», вечной морали. Ленин требовал от каждого сознательного рабочего, каждого коммуниста и комсомольца такого понимания морального, когда все поступки и действия направлены в интересах революции, исходят из интересов рабочего класса. Не морально все то, что нарушает интересы революции, интересы рабочего класса.

Отсюда и родились в «Разгроме» два образа — Морозки и Мечика. Морозка — человек с тяжелым прошлым, человек, прошедший очень суровую школу дореволюционной жизни. Он мог украсть, мог грубо выругаться, мог грубо обойтись с женщиной, очень многого в жизни не понимал, мог врать, пьянствовать. Все эти черты его характера, бесспорно, огромные его недостатки. Но в трудные, решающие моменты борьбы он поступал так, как нужно для революции, преодолевая свои слабости…..

Мечик, другой «герой» романа, весьма «морален» с точки зрения десяти заповедей: он «искренен», «не прелю-

бодействует», «не крадет», «не ругается», но эти качества остаются у него внешними, они прикрывают его внутренний эгоизм, отсутствие преданности делу рабочего класса, его сугубо мелкий индивидуализм. В результате революционной проверки оказалось, что Морозка является человеческим типом более высоким, чем Мечик, ибо стремления его выше, — они и определяют развитие его личности как более высокой.

...По первоначальному моему замыслу, Мечик должен был кончить самоубийством; когда же я начал работать над этим образом, я постепенно убеждался, что кончить самоубийством он не сможет и не должен.

В процессе своего развития на протяжении всего романа Мечик вел себя так, что мне стало ясно, что покончить с собой он не в состоянии. Самоубийство придало бы несоответствующий всему его облику какой-то ореол мелкобуржуазного «героизма» или «страдания», на самом же деле он человек мелкий, трусливый, и страдания его чрезвычайно поверхностны, мелки, ничтожны»[1].

Исходя из воспоминаний друзей Александра Фадеева и его самого, обстановка среди их молодежного коллектива была довольно не простая. Александр Фадеев был младше своих друзей по возрасту, но, пользуясь родственными связями с братьями Сибирцевыми, знакомством через них с руководителями коммунистического движения в Приморье Лазо, Сухановым и возможностью находиться вблизи них, пытался возвысить себя над ними. Это хорошо видно по его выражениям: «мои ребята», «бедный д' Артаньян остался один», говоря о себе, он не стеснялся подчеркнуть, что он развитый, талантливый, сильный юноша. О некоторых друзьях он писал Асе Колесниковой:

---

[1] *Фадеев А.* За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. — М.: Советский писатель, 1957. С. 908—909; 911.

«Фельдгер сразу же довольно явно обнаружил, что он, собственно, пришел не воевать, а просто прятаться от возможности быть мобилизованным в армию Колчака...

Заделенов же был вместе с «соколятами» послан на организацию отрядов. Однако в первых же боевых столкновениях оказался неимоверным трусом, можно сказать, трусом стихийным, почти безумным, снискав этим всеобщее презрение и насмешки»[1].

Александр Фадеев не предполагал, что его откровенные письма, написанные в зрелом возрасте, станут достоянием гласности.

По этому поводу высказалась сестра Якова Голомбика:

«Давно известно, что воспоминания — не документы. Но все же мне, кажется, как и Якову, что их надо проверять, не дожидаясь того времени, пока ни одного современника, свидетеля событий на свете не будет».

Сам Яков Голомбик писал: «История с Дольниковым может быть отнюдь не следствием затаенной неприязни Фадеева к Дольникову. Мне рассказывал командир партизанского отряда Мелехин, что его бывшие партизаны явились к Фадееву, чтобы расправиться с ним за клевету на их товарища Мечика. Партизаны были настроены воинственно, и Фадеев, чтобы успокоить их, сказал им, что разгромовский Мечик — псевдоним Дольникова. Есть и доказательство: лошадь Мечика названа так же, как лошадь Дольникова. Партизаны успокоились, но восстала коммуна, а за ней все ее друзья... Но самое главное заключается в том, что ни одного предателя партизаны Приморья не знают.

В этих же воспоминаниях Яков Голомбик пишет: «Жаль, очень жаль. Всей своей жизнью Дольников доказал верность партии и никогда ни в чем дурном уличен не был. До 1941 года

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 36.

он был на ответственной работе. Инструктор ЦК, научный сотрудник РАНИОНа, партийный журналист... В 1941 году он добровольно вступил в Московское ополчение и погиб на подступах к Москве. Время шло. Мы уже потеряли Бородкина, он погиб в партизанском отряде, за ним ушел от нас Хомяков...»[1]

Ситуация с прототипом личности Мечика в романе «Разгром» была предметом обсуждения со стороны знакомых и друзей Александра Фадеева и поводом для его оправданий. Что повторится впоследствии и с героями романа «Молодая гвардия».

Участница Гражданской войны на Дальнем Востоке, член Владивостокского подпольного комитета РКП(б) с 1918 года, Зоя Ивановна Секретарева, знавшая Александра Фадеева, так как она непосредственно работала и с молодежью, охарактеризовала его так: «По возрасту Саша Фадеев был самым младшим в коллективе, несмотря на это, он тогда уже выделялся среди других характерными только для него чертами.

Саша умел дружить сразу со многими ребятами и девчатами, совершенно различными по наклонностям, способностям и по среде, в которой они росли. И получалось всегда так, что окружающие его друзья как бы дополняли и обогащали самого Сашу. Легко уживался он в любой среде — будь то ученики средней школы, или студенты, или рабочие. В то же время Саша был до жестокости непримиримым к тем, кто не оправдывал его доверия, резко и бесповоротно отмежевывался от них. Срединых у него не было, были только друзья и враги. Привязанность к друзьям росла и крепла, а неприязнь к врагам тоже нарастала и укреплялась.

Характерной Сашиной чертой тогда было тяготение к старшим по возрасту. Эта черта, говорят, обнаружилась у

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 146.

него ещё в детстве. Я тоже что-то не припомню, чтобы Саша в юности дружил с теми, кто был «поменьше ростом». Быть может, этим стремительным подтягиванием к уровню более взрослых и объясняется его очень быстрый интеллектуальный рост, раннее возмужание.

Семимильными шагами врастал Саша в революцию и стал большевиком, когда ему еще не исполнилось семнадцати лет.

Нельзя пройти мимо свойственного Саше уважительного отношения к старшим. В этом духе он был воспитан с детства. Уважал свою мать, отчима, школьных преподавателей, своих родных — Михаила Яковлевича и Марию Владимировну Сибирцевых. Уважал своих двоюродных братьев Всеволода и Игоря Сибирцевых. С этим уважением к старшим Саша вошел в нашу большевистскую семью. Худо ли, хорошо ли, но среди старших у юного Саши всегда были свои непогрешимые авторитеты, уважение к которым у него переходило в почитание.

Черты характера сказывались во всем. Решения Саши всегда были стремительны, определенны, прочны. В своих решениях он всегда был последователен. Чувство страха было чуждо ему, и жизнью рисковал он легко, не задумываясь»[1].

Мне кажется, она очень хорошо знала характер Александра Фадеева.

Однако вернемся к его партизанским будням. Первое партизанское выступление к осени 1919 года было подавлено. В своих воспоминаниях «Особый коммунистический» Александр Фадеев указывает, что осенью 1919 года, отступая под давлением японских и белогвардейских частей, некоторые группы красных партизан, действовавших в Сучанской долине и под Иманом, сосредоточились в селе Чугуевка. Фадеев с двоюродным братом Игорем Сибирцевым

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник — М.: Советский писатель, 1965. С. 46—47.

добрались до села Чугуевка, где жили в пустующем доме его родителей и работали на водяной мельнице, у зажиточного крестьянина Козлова, за что он их кормил и одевал. Сведений о том, как Сибирцев и Фадеев отделились от партизанского отряда и оказались в Чугуевке, мне обнаружить не удалось. В письмах и воспоминаниях Фадеев этот момент обходит стороною. Судя по обстановке того времени, партизанские отряды в некоторых случаях, под натиском белогвардейцев и интервентов попросту разбегались по тайге. Такой случай Александр Фадеев описывает в главе «Один в чаще» из неоконченной повести «Таежная болезнь», когда партизан «Старик» сбежал с поля боя и скитался в тайге, пока не вышел к людям. Видимо, и Сибирцев с Фадеевым добрались до села после разгрома отряда и пережидали в Чугуевке тяжелые времена.

В конце октября или первых числах ноября 1919 года в вечернее время в село Чугуевка вошел вооруженный отряд. Это был отряд Иосифа Максимовича Певзнера. И.О. Певзнер — активный участник революционного движения в Приморье. Командир партизанского отряда в Спасско-Иманском уезде. После ликвидации колчаковщины, командир 1-й Спасской отдельной бригады НРА и начальник Спасского гарнизона. С июня 1920 года — помощник командующего Восточным фронтом Амурской армии.

Из воспоминаний И.М. Певзнера: «...в августе, часть нашего отряда пошла в Чугуевку. Когда мы прибыли туда, там был Губельман и несколько командиров других отрядов. Мы устроили совещание. На этом совещании Лазо не было. Он в это время, как мы узнали, лежал очень больной в походном лазарете у доктора Сенкевича.

Наше совещание оформило так называемый информационный штаб, который предполагал оставаться в Чугуевке и держать связь со всеми отрядами.

Из Чугуевки наш отряд опять пошел к железной дороге и продолжал свою работу по разрушению тыла»[1].

Александр Фадеев описал встречу с партизанами отряда И. Певзнера: «Я был тогда очень молодым человеком. Одет по-крестьянски. Похож на крестьянского мальчика. Пошел проверить, что за отряд, где остановился. Подхожу к центру села, вижу большое оживление на улице: мужики, бабы, много парней и девушек, шныряют ребятишки. В кучках людей — вооруженные в шинелях. Идет оживленная беседа. Я подошел к избе, возле крыльца которой было особенно много народа. Там сидел на ступеньках очень маленького роста, с длинной рыжей бородой, с маузером на бедре, большеглазый и очень спокойный человек и беседовал с крестьянами. Это был командир только что пришедшего на село красного партизанского отряда, действовавшего в районе города Спасска»[2].

Александр Фадеев и Игорь Сибирцев примкнули к этому отряду. В письме жителю Чугуевки Ф.М. Дзюменко, Александр Фадеев написал: «Прошу также передать мой сердечный привет Анне Павловне и Клавдии Павловне, или попросту Кане, с которой мы были ровесники. Должно быть, они помнят, как я и мой двоюродный брат, Игорь Сибирцев, были в Чугуевке в 1919 году, во время партизанской войны. Тогда по партизанскому положению мы питались по хатам, — как говорится, кто покормит. И частенько захаживали в ту самую хату, где живет теперь Ваш отец и где жили тогда Анна и Каня, и мать их тоже была жива»[3].

С отрядом Певзнера Александр Фадеев и Игорь Сибирцев зимой 1919 года прибыли на старую базу этого отряда в районе Свинягинской лесной дачи, что недалеко от города

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 103.

[2] Фадеев А.А. ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 62.

[3] Там же. С. 110.

Спасска. Переход от Чугуевки до базы отряда занял десять дней, шли партизаны по глухой тайге и бездорожью.

Однако, по воспоминаниям М. Губельмана, период прихода Александра Фадеева в отряд И.М. Певзнера произошел так: «Интервенты бросили огромные силы на Сучанскую и Анучинскую долины против партизанских отрядов, вынудив нас отойти в тайгу. Началось передвижение партизан в Спасско-Иманский район.

Саша вначале оставался нелегально в Сучанской долине, а затем перебрался вместе с Игорем Сибирцевым в Чугуевку, где в это время шла организация партизанских сил. Саша и Игорь Сибирцев вступили в отряд Петрова-Тетерина, одного из сильных, опытных командиров. Именно в этом отряде Саша пережил наиболее яркий период боевых действий. Он восхищался смелостью боевых налетов на белогвардейцев, проводившихся отрядом Петрова-Тетерина. Он ценил твердую дисциплину, бывшую в отряде, умение быть всегда начеку, товарищество и готовность партизан отдать все для победы над врагом...

Ярким примером служит донесение Петрова-Тетерина мне как военному комиссару Временного военно-революционного комитета Приморской области, привезенное партизанами Нестеровым и Булыгой (А. Фадеевым).

В своем донесении командир партизанского конного отряда Петров-Тетерин писал 5 ноября 1919 года...

... В деревне Орехово он наскочил на засаду противника, ехавшие в дозоре Морозов и Ещенко убиты. Морозова и Ещенко подпустили вплотную, и когда они закричали «сдавайся!» — Морозов выхватил наган, сделал два выстрела в офицера, и оба были убиты залпом засады. Своею смертью тт. Ещенко и Морозов спасли отряд: в тумане, который был в то утро, мы также бы наскочили на них».

Губельман пишет, что «Саша был очевидцем событий, получивших отражение в этом донесении, и нельзя не от-

метить, что многое здесь напоминает известные эпизоды из «Разгрома».

Мне помнится переход Фадеева в отряд Певзнера. На мой вопрос, почему он переходит в отряд Певзнера, Саша ответил просто и ясно:

— Перехожу потому, что в отряде командующего товарища Певзнера больше дисциплины, порядка, что отряд Певзнера коммунистический»[1].

Губельман не точен в своих воспоминаниях, так как Александр Фадеев указывает, что в отряд Петрова-Тетерина он попал в августе 1919 года, а в конце октября — начале ноября он с Игорем Сибирцевым уже находился в Чугуевке. То есть в это время он не был в отряде Петрова-Тетерина и не привозил Губельману донесение, о котором он говорит.

Когда отряд Певзнера из Чугуевки возвратился на свою базу под Спасском, наступила временная передышка от боевых действий, так как японцы объявили нейтралитет, и во второй половине февраля отряд Певзнера вместе с другими отрядами партизан вошел в город Спасск. Началась активная партийная работа среди населения, издание газеты, агитационные мероприятия, создание комсомольских и партийных ячеек в Спасске, Ракитном и других населенных пунктах, в которых активно участвовал Фадеев.

Из Спасска Александр Фадеев приезжал во Владивосток по заданию партийной организации. В письме Асе Колесниковой от 3 мая 1950 года Александр Фадеев пишет: «После переворота, когда партизаны вошли в города (отряд, в котором я тогда находился вместе с Игорем и Анатолием Тайновым, пришедшим позже нас всех в партизаны, отряд этот вошел в Спасск), я в феврале 1920 года был послан во Владивосток по делам Спасского гарнизона. Я провел во

---

[1] *Фадеев.* Воспоминания современников. Сборник — М.: Советский писатель, 1965. С. 83—86.

Владивостоке недели две, виделся со всеми товарищами по владивостокскому подполью...

После этого прошли ещё месяцы больших испытаний, боев, мое первое ранение...»[1]

Александр Фадеев с юных лет стремился к лидерству и был требователен к другим. В своих воспоминаниях об Александре Фадееве участник партизанского движения на Дальнем Востоке Иван Пикуль рассказывает о своем знакомстве с Фадеевым: «Познакомился я с А. Фадеевым как-то просто. Совсем недавно тут же в собрании я встретил парня примерно лет семнадцати-восемнадцати, с чистым белым лицом и внимательными глазами. Был он, как и многие тогда, в обычной военной форме: гимнастерка, шинель и, кажется, ботинки с обмотками. Знаки отличия у нас в армии в то время еще не были введены.

— Фадеев-Булыга! — отрекомендовался он. Я назвал себя»[2].

Иван Пикуль описывает партийное собрание партизан в конце февраля 1920 года в Спасске, на котором присутствовал А. Фадеев-Булыга. Речь шла о приеме в партию молодого партизана, которого все знали с детства, не один раз участвовали вместе с ним в бою, где он показал себя храбрым бойцом. Все уже были согласны проголосовать за его прием в партию: «... Кто ещё будет говорить? — спросил председательствующий.

— Я скажу! — отозвался Фадеев-Булыга.

— Давай, Булыга, говори, — разрешил председатель.

— Слов нет, — сказал молодой Фадеев, — хорош парень, да принимать его в ряды большевистской партии еще рановато. Ведь кандидатский стаж у него только две недели. В данное время это не подходит, я не могу согласиться,

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 40—41.

[2] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 412.

что двух недель достаточно для изучения Устава партии и программы её. Предлагаю продлить товарищу кандидатский стаж!..

Разгорелся спор — принимать в члены партии сейчас или обождать. Большинство склонялось к тому, чтобы принять без отсрочек.

— Не согласен! — категорически возразил Фадеев. — В данный момент для члена партии не только храбрость нужна, а и хорошая теоретическая подготовка. Он должен расти, неуклонно идти вперед. Какую же теоретическую подготовку может получить человек за две недели? Не согласен я его принимать.

Спор продолжался, но в конце концов все согласились, что двухнедельный стаж действительно мал, и прием был отложен»[1].

Однако сам Александр Фадеев не отрицал, что на момент его приема в партию он не проходил кандидатского стажа и не был знаком с партийными документами.

Весной 1920 года на территории России, за озером Байкалом, к власти в различных регионах пришли различные группировки. В Забайкалье власть была у временного Верхнеудинского земского правительства, в Амурской области власть была в руках Советов, в Приморском крае — у временного правительства Приморской земской управы, которая распространялась на Сахалин и Камчатку.

На съезде трудового населения Прибайкалья, работавшего с 28 марта по 8 апреля 1920 года, было принято решение о создании Дальневосточной Народной Республики. Создание буферной зоны устранило возможность втянуть в войну Советскую Россию с Японией, войска которой хозяйничали

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 418—419.

в Приморье, Приамурье и Забайкалье. Некоторые коммунисты встретили эту новость с возмущением, однако основная масса одобрила идею В.И. Ленина. Перед большевиками стояла задача — остановить военные действия на Дальнем Востоке, установить в этом регионе власть Советов с последующим присоединением ДНР к России. Предстояла трудная работа. От принятия решения до создания ДВР прошел определенный период времени, так как сделать это было не просто. Только после разгрома отрядов атамана Семенова, на конференции, состоявшейся с 28 октября по 10 ноября 1920 года, было законодательно оформлено объединение этих регионов в единую Дальневосточную республику.

С 16 по 19 марта 1920 года в городе Никольске-Уссурийском состоялась четвертая партийная конференция Дальневосточного краевого комитета РКП(б). Были заслушаны доклады о внутреннем и внешнем положении страны, об организации власти и создании краевого комитета партии. В краевой комитет партии избрали Лазо, Кушнарева, Никифорова, В. Сибирцева, кандидатами в краевой комитет избраны Уткин и Губельман.

Петр Васильевич Уткин, участник 1-й русской революции, член Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов, был арестован, в 1920 году освобожден. Редактор газеты «Красное знамя» в городе Владивостоке. Уполномоченный временного правительства Приморской земской управы. Убит белогвардейцами в июле 1920 года на ст. Иман.

Александр Фадеев рассказал, о встрече с Сергеем Лазо: «Встретился я с ним уже после падения колчаковщины, в марте 1920 года, на дальневосточной конференции большевиков в городе Никольске-Уссурийском, куда был послан делегатом от партийной организации Спасско-Иманского военного района. Лазо был председателем Военного совета армии.

В это время в армии создавался институт политических комиссаров, или, как они у нас назывались, политических уполномоченных. Лазо обсуждал с нами, военными делегатами, кого назначить к нам в район политическим уполномоченным. Я при всяком удобном и не удобном случае бубнил, что надо назначить комиссаром Игоря Сибирцева. Это был мой первый партизанский воспитатель и учитель, и я очень любил его, так же как и его старшего брата Всеволода.

Лазо вдруг на меня посмотрел, засмеялся и сказал:

— А что, если мы назначим политическим уполномоченным Булыгу?

Булыга — это была моя партизанская фамилия. Я очень растерялся, замахал руками, стал говорить, что считаю себя слишком молодым для этой должности.

А он все смеялся:

— Нет, мы обязательно назначим Булыгу!

И вдруг завел со мной разговор о том, какое значение теперь, когда мы реформируем партизанские отряды в регулярную армию, имеет правильно поставленная политико-просветительная работа. Он развил передо мною целый план этой работы. Я и не подозревал, что он учит меня. Когда мы вернулись в свой район, оказалось, что политическим уполномоченным назначен Игорь Сибирцев, а я — его помощником по просветительной части»[1].

Вскоре начались боевые действия с японскими войсками. О том, как это происходило в Спасске, рассказала двоюродная сестра Александра Фадеева, Вероника Сибирцева, приехавшая в это утро в город Спасск к брату Игорю: «Очень недолго я видела его в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года, во время японского выступления, когда был арестован наш Всеволод вместе с Лазо и Луцким. Партизанский отряд, в котором были

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 78.

Игорь и Саша, в это время находился в Спасске. Незадолго до этих событий братья пригласили меня, во время моих весенних каникул, приехать к ним повидаться. Я приехала туда на рассвете 5 апреля. Меня встретили на вокзале очень обеспокоенные Игорь и Саша и еще один товарищ (совсем недавно я узнала, что его фамилия Пищёлка). Они были в шинелях, перепоясанных ремнями с наганами, и очень спешили. Сказали, что я не вовремя приехала, дали записку к кому-то в Спасске, где могли дать мне приют, указали направление куда идти, а сами быстро ушли в свой отряд, который собирался покинуть Спасск. Начались бои. Издали слышалась перестрелка. Я шла железнодорожным поселком. На улицах было пусто, все ворота на запоре. Спросить дорогу было не у кого. Кругом слышалось какое-то посвистывание, и я даже не знала, что это свистят пули. За углом улицы какой-то мужчина схватил меня за руку, втолкнул в дом и велел спрятаться за русскую печку, оказалось, что все обитатели дома, спасаясь от пуль, сидели за печью. Там мне и сказали, что улица простреливается. В сумерках, когда стрельба прекратилась, добрый человек, укрывший меня, проводил по нужному мне адресу. Спасск был занят японцами. Их было много и на станции. Поезда не шли. Наутро, когда я пришла на вокзал, чтоб узнать, как добраться домой во Владивосток, я увидела на первом пути длинный состав из теплушек, возле них лежали в разных позах убитые партизаны. По-видимому, партизаны грузились в вагоны, но поезд не успел уйти, и все были перебиты. Мне показалось, что у одного из вагонов среди убитых лежат мои братья. Я кинулась туда, но японец с винтовкой оттащил меня от вагона и отвел к коменданту. Там проверяли документы, а у меня, кроме ученического удостоверения, в котором значилось, что я ученица 7-го класса Вероника Сибирцева, ничего не было: я не знала, как быть, ведь фамилия Сибирцевых японцам хорошо известна. Меня выручили два владивостокца, они тоже по-

пали в Спасск на одном со мной поезде и тоже хотели выехать домой. У них в паспортах стояли японские визы; они сказали, что я с ними, и увели меня с собой. На другой день все трупы партизан и частных граждан были собраны в кучу, я долго и со страхом разыскивала своих. С тяжелым сердцем, пешком, с попутчиком, я ушла во Владивосток»[1].

5 апреля 1920 года японцы возобновили военные действия. Эти военные действия японцы начали в ночь, одновременно по всему Приморью.

В Спасске здание партизанского штаба подверглось интенсивному обстрелу, при котором несколько бойцов и начальник штаба погибли. Иван Пикуль описывает эти события так: «Вместе с другими бойцами я лежал в цепи и отстреливался от наседавших японцев. Когда наши стали постепенно отходить, я и другие товарищи под непрерывным огнем неприятеля принялись выносить раненых. В это время я увидел Фадеева — его раненого несли изрядно уставшие бойцы. Пришлось уделить несколько минут, чтобы помочь отнести его в укромное место.

— Саша, ты слышишь меня? — спросил я, но он ничего не ответил.

Болезненная гримаса исказила его лицо. Ясно стало, что ему не до меня, а я торопился на поле боя за ранеными. Саша Фадеев оставался в надежном месте на попечении товарищей и в моей помощи не нуждался»[2].

Александр Фадеев в записях воспоминаний «Семья Сибирцевых», касаясь этого боя, писал: «Когда в ночь с 4 на 5 апреля началось японское наступление, Игорь Сибирцев и я находились в Спасске. Командующий районом — Пев-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 219—220.

[2] Там же. С. 420.

знер — был в это время на Имане. Оставался его помощник Н. Костырев. Выступление не застало нас врасплох, потому что нам по железнодорожному телеграфу сообщили из Никольска относительно того, что там выступили японцы...

Стали вывозить артиллерию, давать указания частям о занятии позиции. Погода была отвратительнейшая: уссурийский апрель, валил колоссальнейший снег, под ним была вода. Уездный городишко Спасск утопал в грязи, и было невозможно продвигаться. Пока артиллерия добралась до вокзала, японцы выступили врасплох, и началась неприглядная картина...

Нам помог коммунистический отряд, который был нами сформирован. Это был отряд Певзнера, бойцы которого, придя в Спасск, вступили в партию. При помощи этого отряда мы организовали какой-то отпор. С боем стали отступать. Все-таки паника была большая. Народ мчался, какие-то кони, двуколки. В одном месте панику остановишь, в другом — начинается. Частей много, пространство большое, бегут там, бегут здесь. При помощи коммунистического отряда организовали какую-то оборону.

Я был ранен, так что не мог идти, и что со мной делать — неизвестно, нужно заниматься этими частями, а бросать меня жалко. Игорь Сибирцев и еще один товарищ... подхватили меня на руки. Но Игорю нужно было заниматься боем. Вначале он сказал: «Ах, Саша, ах, ты мой бедный», а потом закричал: «Ну, что мне с тобой делать?»

Он увидел партизана, скачущего на лошади, и закричал: «Стой, возьми раненого». Тот продолжал бежать. — «Стой, убью». Я верю, что он убил бы, если бы тот не остановился. Взяли у него лошадь. Меня посадили на неё... В деревне Калиновке, куда мы отступили, я уже лежал перевязанным. Игорь пошел меня отыскивать. Нашел, ни слова не говоря, положил голову на грудь, полежал молча минут пятнадцать.

Это было единственное проявление нежности с его стороны за все время»[1].

В своем письме своему боевому другу Семену Прокопьевичу Пищелке Александр Фадеев напомнит: «Конечно, очень запомнился бой в Спасске и как ты ногами топтал свою фуражку под ураганным огнем японцев и не хотел уходить.

До сих пор сохраняю в своей душе глубокую благодарность к тебе и ко всем нашим ребятам коммунистического отряда, за то, что вы тогда вынесли меня через болота по грудь в воде, раненого, из японского окружения»[2].

В справке-характеристике на С.П. Пищелку Александр Фадеев укажет: «Я лично в значительной мере обязан Пищелке с воей жизнью: вместе с бойцами Коммунистического отряда в сложных боевых условиях, через болота, по пояс в ледяной воде, Пищелка вынес меня, тяжелораненого, из японского окружения»[3].

В своем произведении «Особый Коммунистический» Александр Фадеев описал события после боя в Спасске: «А наши части и раненые отступили из Спасска в противоположную сторону от фронта. Для того чтобы попасть на фронт, наши части должны были обогнуть японцев по глухим таёжным тропам. Стояла очень дружная весна. Шло быстрое таянье снегов. А в ночь японского наступления валом валил густой, мокрый снег. На другой день ударило яркое солнце. Все потекло. Дороги были размыты. Болота набухли водой.

Несмотря на тяжесть перехода, «Особый Коммунистический» взял с собой всех своих раненых. Их несли на носилках через реки и болота, иногда по шею в холодной, ледяной воде»[4].

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 89—90.

[2] Там же. С. 130

[3] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 104.

[4] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 69.

Раненых бойцов, среди которых находился и Александр Фадеев, укрывали шинелями от сырости и холода, отдавая лучшие продукты питания и окружая заботой.

В письме Асе Колесниковой от 26 апреля 1950 года, Александр Фадеев сообщает: «Наши части, теснимые японцами, отступали тогда на Дубовскую и Калиновку, это было ранним утром 5 апреля 1920 года».

События того боя Фадеев запомнил на всю жизнь и часто вспоминал о них.

Отступив, бойцы отряда Певзнера приняли участие в боевых действиях на подступах к городу Хабаровску. Рабочие станции Вяземск соорудили бронепоезд, который сдерживал силы противника. Александр Фадеев вспомиминал: «На этом бронепоезде «Особый Коммунистический» в течение месяца задерживал натиск японцев. Еще не оправившись от раны, я лежал в штабном вагоне на маленькой лесной станции Корфовская, неподалеку от Хабаровска. Время тянулось для меня невероятно медленно и, по существу, делилось по двум признакам: наши на броневике выезжают на фронт, наши на броневике вернулись»[1].

Более подробно события весны 1920 года описал партизанский врач отряда Певзнера, Т. Ветров-Марченко. В своих воспоминаниях он указывает, что 2 и 3 апреля 1920 года японские воинские части под видом запланированных учений ввели партизан в заблуждение, притупив их бдительность. Фактически, приведя свои воинские части в боевую готовность, на рассвете 5 апреля они нанесли удар по партизанским частям в Спасске. Он пишет: «Саша Фадеев в момент выступления японцев находился в здании штаба. В этом здании он и Сибирцев не только работали, но и жили постоянно. Под сильным обстрелом здания штаба Саша Бу-

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 26, 70.

лыга (Фадеев), собрав важные дела политотдела и имевшиеся денежные средства штаба, вместе с несколькими бойцами, находившимися на охране штаба, покидали здание. Японцы беспрерывно обстреливали и здание штаба и центральную улицу. Улучив момент, Саша с группой бойцов и начальником штаба выскочили из здания и начали перебегать улицу, чтобы укрыться за каменной стеной казармы. Японцы усилили огонь. Пулеметной очередью был убит начальник штаба и несколько бойцов. Саша Фадеев, раненный в бедро японской пулей, упал посреди дороги в грязь. К нему подбежал боец Свергун, поднял и отнес в укрытие. Через несколько минут раненого Сашу принесли ко мне на пункт первой медпомощи при 1-м Коммунистическом отряде. Увидев меня, Саша, превозмогая сильную боль, улыбнулся и не забыл поздороваться...

...на мой вопрос, куда ранен, спокойно и предупредительно ответил: «В ногу, к счастью не смертельно... я тут же приступил к осмотру раненого Саши. Введя зонд в канал пулевого ранения, я убедился, что кость не задета и пуля прошла сквозь мышечную ткань. Обращаясь к Саше, я сказал:

— Ну, ничего, кость цела, и нога до свадьбы заживет.

Саша улыбнулся и ответил:

— Я тоже так думаю... ранение пустяковое.

Но хотя ранение и относилось к категории легких, считать его «пустяковым», как сказал Саша, было нельзя. Рана была сквозной, обильно кровоточила и на выходе оказалась сильно разорванной мышечная ткань. Вложив в канал кровоостанавливающий тампон и сделав перевязку, я распорядился отправить его в деревню, а сам остался в овражке и продолжал перевязывать других раненых бойцов, которых в этом бою оказалось немало»[1].

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 429—430.

В мае 1920 года Александр Фадеев снова в строю. В его записной книжке указано: «В том же 1920 году, в мае, когда наши части были отрезаны японцами, сидевшими в Хабаровске и Спасске, на участке между этими городами я совершил вместе с двоюродным братом Игорем два или три рейса по Уссури на пароходике с баржею… Наша гражданская власть и штаб командования помещались в г. Имане… Город Иман, на реке того же имени, стоит несколько отступя от Уссури, верстах в десяти от станицы Графской... Отсюда мы эвакуировали военное и железнодорожное имущество за Амур.

…По неопределенности наших дипломатических отношений с Китаем в то время, по глухости мест, а главное потому, что китайцы в массе своей относились к нам дружески, мы часто причаливали к китайскому берегу и на колчаковские деньги покупали в лавчонках консервы, водку, предметы одежды.

Деньги эти еще не были упразднены, и китайцы их охотно брали, так как могли их тратить по своим нуждам на нашей стороне Уссури — границы, фактически, никакой не было на этом участке».

«Рейсы по Уссури в 1920 году — одно из самых счастливых воспоминаний моей юности. Мне было 18 лет. Я поправлялся после ранения, полученного мною под Спасском, еще хромал, но уже было ясно, что все будет хорошо. Все время стояла ясная, солнечная погода, мы много ловили рыбы неводом, и я — по немощности — бывал за повара. В жизни не едал такой жирной налимьей и сомовой ухи! Постоянное напряжение опасности, наши — иногда кровопролитные — схватки с дезертирами из армии, не раз пытавшимися овладеть пароходом, чтобы удрать за Амур, — все это только бодрило душу»[1].

Впечатления об этом периоде жизни вошли в произведение Александра Фадеева «Против течения», которое впо-

---

[1] *Фадеев А.А.* …Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 92—94.

следствии было переработано и названо «Рождение Амгунского полка». Фадеев описал события того переломного времени в России, когда было противостояние не только двух политических систем на Дальнем Востоке в событиях Гражданской войны, но и различные стихийные выступления среди групп партизан и красноармейцев, не хотевших воевать. Это художественное произведение дает яркую картину происходящих событий того времени. В своей записной книжке Фадеев пишет: «Мы спускались до станицы Казакевичевой, а потом, с величайшими предосторожностями, прячась от канонерок и сторожевых катеров, захваченных японцами... выходили к левому берегу Амура, где были наши. Обратно возвращались порожняком тем же путем»[1].

В сентябре 1933 года Александр Фадеев в письме редакции «Тихоокеанского комсомольца» дал уточнение: «В 1920 году весной я участвовал в переброске военных грузов на пароходе «Казак Уссурийский» не по р. Амуру, а по реке Уссури»[2].

Приняв участие в эвакуации оборудования, оправившись от ранения, Александр Фадеев в период нового перемирия с японцами, с частью партизанских подразделений находился в селе Ракитное. Об этом периоде, поведал участник партизанского движения В.С. Темнов: «Там был сформирован отдельный стрелковый батальон, в котором я был в качестве рядового бойца, а Булыга редактировал партизанскую газету «Шум тайги». В июне 1920 года из Ракитного меня и старого коммуниста Альфреда Паспарнэ (он же Розен) послали во Владивосток для связи с партийным центром. Прошли мы тайгой из Ракитного до Яковлевки, из Яковлевки в Спасск, а из Спасска поездом во Владивосток. Из Владивостока я возвратился в Ракитное один (Розен получил другое задание) и

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 93.

[2] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 172.

привез письменное распоряжение от тов. Владивостокова о том, чтобы ряд партийных военных работников, в числе которых были Игорь Сибирцев, Саша Фадеев, Семен Пищелка и другие, выехали из Ракитного во Владивосток.

Вся группа из Ракитного вышла в пешем порядке тайгой на Спасск, так как через Иман было опасно ехать, там свирепствовали банды Бочкарева...

Первый переход из Ракитного у нас был до села Малиново, где мы заночевали. Утром обнаружилось, что Фадеев заболел. Решили оставить его в Малиново, но с тем расчетом, чтобы я за ним вернулся через сутки-двое. Остаться я не мог, потому что предстоял переход через большую марь (болото), где нужно было знать тропы-переходы, а я этот путь уже один раз проходил.

После того как вся группа благополучно прошла через болото, я на вторые сутки спустился на лодке в Малиново, и дальнейший путь до Спасска мы шли с Булыгой-Фадеевым вдвоем. Большая часть пути проходила таёжными безлюдными местами»[1].

Вспоминая эти события в своем письме В.С. Темнову, Александр Фадеев писал: «В перечислении некоторых событий нашего похода с Вами Вы еще забыли, как нас арестовал анархист Гурко, а потом в отряде его нашлись партизаны, хорошо знавшие нас по Спасску и до Спасска, и дали нам такую аттестацию, что Гурко стал уговаривать нас остаться у него работать, невзирая на то, что в газете «Шум тайги» мы его как-то сильно выругали. И, в общем, он нас с Вами отпустил. А из Спасска до Мучной, где я сел в поезд, чтобы ехать во Владивосток, меня подвез Пищелка...

Возвращаясь к нашему с Вами походу, я вспоминаю, как мы с Вами перебирались в начале пути через страшеннейшее

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 454—455.

болото, почти по грудь в воде, а потом, уже в тайге, ночевали у одного деда на смолокурне. Дед коптил над дымным костром диких уток. Мошкары было ужас сколько, и дед устроил нас спать в палатках-комарниках, духота в них была — ужасная.

Тайга, через которую мы шли, была ужасно дикая, безлюдная, без признаков жизни, — тишина вековечная, — мы так обрадовались, когда вышли в долину какого-то притока не то Улахе, не то Уссури, искупались в речке, а ночевали уже в деревне у какого-то баптиста. Я все это помню, как если бы это было вчера...»[1]

Добравшись до Владивостока, Александр Фадеев около месяца проживал на даче, принадлежавшей семье Сибирцевых.

«Я жил на даче у Сибирцевых, на 26-й версте, жил около месяца; это была вторая половина августа и первая сентября 1920 года. Стояла чудесная, солнечная погода. Я столько пережил за истекшие полтора года, что был просто влюблен в этот солнечный Владивосток с окружавшими его сверкающими от солнца бухтами и заливами. Мне так не хотелось уезжать, но нам — мне, Игорю и Тамаре Головниной — предстояло по фальшивым документам с китайскими визами ехать через Гродеково, Харбин, Сахалян в Благовещенск, где в это время уже не было японцев и была наша власть»[2].

Благовещенск

Тамара Головнина прибыла в Амурскую область: «Осенью 1920 года мы втроем: Игорь Сибирцев, Саша Фадеев и я — выехали из Владивостока в Благовещенск, в расположение штаба Амурской Армии. Ехали мы по нелегальным документам. У меня — латышский паспорт на имя Нератнис Амлии-Мальвине; у Игоря был паспорт на имя Селезнева, у Саши —

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 160—161.

[2] Там же. С. 41

документы на имя Булыги. Сели в поезд, соблюдая правила конспирации, ехали в разных отделениях вагона. На станции Гродеково, где располагалась белогвардейская застава, документы были отобраны и мы сидели ни живы ни мертвы в ожидании результатов проверки... Но вот принесли паспорта, и мы облегченно вздохнули, когда поезд тронулся дальше.

Так добрались до Харбина, пересели на китайский пароход. Плыли по Сунгари, потом вошли в желтые воды Амура.

На одной из остановок произошел конфузный случай, который мог кончиться провалом. Пассажиры парохода подверглись проверке документов чиновниками английской таможни, которая контролировала китайское пароходство.

В кают-компании после проверки происходила раздача документов. Чиновник выкликает мою новую фамилию, а я забыла, что я — Нератнис, сижу и не откликаюсь, только ужасное выражение лица Игоря вывело меня из задумчивости. За эту рассеянность мне здорово попало.

Вот мы и в Благовещенске!»[1]

О своей дальнейшей работе в Благовещенске Александр Фадеев пояснил: «Что касается меня лично, то вместе с Игорем Сибирцевым и Тамарой Головниной я прибыл в Благовещенск примерно в августе или в сентябре 1920 года из Приморья, — мы прибыли в Благовещенск пароходом через Харбин и Сахалян. В те времена меня мало кто знал под моей фамилией Фадеева, а больше знали по моей подпольной и партизанской фамилии — Булыга. Первое время я работал по организации комсомола по линии Амурской железной дороги от г. Свободного до Зилово...»[2]

Согласно документам Булыга (Фадеев) прибыл в Благовещенск по направлению Владивостокского подпольного комитета партии.

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник — М.: Советский писатель, 1965. С. 32—33.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 137.

6 октября 1920 года на заседании Амурского областного организационного бюро Российского коммунистического союза молодежи Александр Булыга (Фадеев) был выдвинут в состав Амурского обкома РКСМ и занимался работой по организации комсомола.

13 октября Амурский обком Коммунистического союза Молодежи закрепил за Булыгой (Фадеевым) участок для работы по созданию комсомольских ячеек по линии Забайкальской железной дороги от станции Ерофей Павлович до города Нерчинска.

Из приморской тайги и равнин Ханкайской долины судьба забросила Александра Фадеева на величавую реку Амур. Ознакомившись с книгой путешественника Пржевальского, Фадеев в своих дневниках пишет: «...в августе, я проделал часть пути Пржевальского в обратном направлении — от устья Сунгари вверх по Амуру до китайского города Сахаляна против Благовещенска. Я помню, как стиснут Амур в ущелье малого Хингана и как медленно полз пароход вверх по реке. Опять-таки местность и пейзаж переданы Пржевальским удивительно точно, хотя между моим и его плаванием — пятьдесят лет и три года»[1].

Тамара Головнина о жизни в Благовещенске вспоминает: «Вот мы и в Благовещенске! Тут уже не надо бояться шпиков и белогвардейцев. Через несколько дней каждый из нас получил назначение, и, как позже выяснилось, все мы оказались во 2-й Амурской дивизии, Сибирцев был назначен комиссаром в бригаду Петрова-Тетерина, Фадеев направлялся в районы, освобожденные от белогвардейских банд, а я — в политотдел 2-й Амурской дивизии, где работала начальником культотдела.

Работой по созданию органов советской власти в освобожденных районах ведал политотдел. Поэтому-то и при-

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 92.

езжал к нам в политотдел Александр Фадеев, который в то время работал по организации комсомольских ячеек. Здесь, в политотделе, он получал инструктаж, задания и отчитывался в своей работе»[1].

Друзья Фадеева, Гриша Билименко, Петя Нерезов, в октябре 1920 года находились в Благовещенске, где встретились с Александром Фадеевым, но их встреча была кратковременной, жизнь снова разметала их по разным местам Дальнего Востока.

Жизнь Александра Фадеева была насыщена событиями; бесконечные переезды в вагонах поездов по различным незнакомым станциям Транссибирской магистрали, встречи с молодежью, комсомольские собрания, беседы.

Накануне разгрома отрядов атамана Семенова на Даурском фронте в районе станции Оловянная и города Борзя в Забайкалье, осенью 1920 года, Александр Фадеев находился в командировке, добравшись по железной дороге до города Нерчинска. Здесь располагался Военный совет Амурского фронта. После проведения работы с комсомольцами в городе Нерчинске, ему нужно было возвращаться в Благовещенск.

Однако возникли непредвиденные трудности. Несмотря на то что Булыга-Фадеев имел документ о праве пользования любым видом транспорта, он не смог попасть на железнодорожный транспорт. Поезда в этот период практически не ходили, так как железнодорожное движение было парализовано в связи с боевыми действиями в районе железнодорожных линий.

Фадеев решил добираться до Благовещенска окружным путем по рекам Шилка и Амур. Добравшись до города Сретенска, он успел попасть на последний пароход, так как по реке уже шла шуга.

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 33.

Фадеев написал в своей записной книжке: «Путь от Сретенска до слияния Шилки и Аргуни я проделал на пароходе в 1920 году, в октябре, почти перед самым ледоставом. У слияния пароход был взят под войска (начиналась кампания против атамана Семенова), и до поселка Джалинда, куда выходила железнодорожная ветка, от станции Рухлово Амурской железной дороги я с двумя красноармейцами проделал путь на лодке. Далее — до Рухлова — на дрезине и от Рухлова до Благовещенска товарным порожняком, который шел под войска. На другой же день я выехал из Благовещенска со своей частью на фронт в Забайкалье»[1].

«Читинская пробка»

Вернувшись в Благовещенск, Александр Фадеев узнал о начале крупных боевых действий против атамана Семенова в Забайкалье и боевой операции, именуемой «Читинская пробка». Разгром войск атамана Семенова в Забайкалье.

Основные части красногвардейцев из Благовещенска уже отбыли на железнодорожных составах на Даурский фронт. Был отправлен туда и полк, в котором комиссаром был Игорь Сибирцев. Данное обстоятельство расстроило Александра: «Когда я вернулся в Благовещенск, большая часть бригады, вместе со штабом, с Игорем, с Петровым-Тетериным уже отбыла на фронт. Грузился в вагон последний полк, как раз тот самый, в котором находились в большинстве знакомые мне приморские партизаны, среди них — мои чугуевские односельчане. Я понял, что, если я с ними не уеду, мне с Игорем не повстречаться и не работать вместе. И, наскоро отчитавшись в обкоме РКСМ, сославшись на данное мне раньше устное обещание, но не получив никаких формальных бумаг об от-

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 91—92.

правлении на фронт, то есть, в известной степени, полузаконно (но и придраться ко мне трудно было, так как по приезде из Приморья я еще нигде не успел взяться на учет), — я уехал вместе с этим полком. Я понимал, что самовольно меня в полк не зачислят, и знал, что даже Игорь, при всей его любви ко мне, не может меня самовольно назначить на ту или иную должность в бригаде. Но я рассчитывал вот на что. Во время своей работы в Нерчинске я очень понравился работникам стоявшего там штаба и политотдела — то ли Забайкальского фронта, то ли одной из армий, — там был комиссаром Лебедихин, с которым я позже много раз встречался в Москве. Он и его товарищи уже тогда уговаривали меня остаться, обещая все законно оформить. Но я рвался к Игорю и не остался. Теперь я понимал, что бригада, где Игорь, — попадет «под начало» этих мест и, может быть, меня направят в эту бригаду.

...В памяти моей осталось, что в этом назначении сыграли роль комиссар дивизии Логинов — той самой дивизии, в составе которой я потом воевал, и начальник политотдела этой дивизии (а может быть, он был «повыше», чем дивизии, — я теперь забыл), не то Камсков, не то Камков, — люди, с которыми я был знаком по той, прежней своей, «комсомольской» поездке.

Мне дело представляется так, что эти знавшие меня работники как раз в период моего приезда к вам, то ли потому, что сами приехали в ваш политотдел по своим делам, то ли потому, что в это время штаб дивизии находился там же, где и ваш политотдел, уговорили начальство и меня самого «пойти на работу» к ним, а не к Игорю. Так я очутился в этой дивизии, а потом в бригаде Булочникова»[1].

Тамаре Головниной он откровенно признался: «В самом начале военной кампании против Семенова я всякими правдами и неправдами удрал из Благовещенска на фронт —

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 149—150.

вслед за бригадой Петрова-Тетерина, где Игорь был комиссаром. Я жаждал попасть в ту же бригаду, но... попасть к Игорю в бригаду не мог, не имея туда назначения»[1].

Участие Александра Фадеева (Булыги) в событиях по разгрому войск атамана Семенова в Забайкалье, в районе города Борзя, было формальным. Все происходило стремительно и в короткий срок. Не имея направления в воинскую часть и должности, пытаясь где-либо пристроиться, Булыга-Фадеев находился около командования формально. Все события он запомнил отдельными эпизодами и поэтому ему было трудно объяснить комиссару дивизии Булочникову, который, начав писать воспоминания, в письмах Фадееву спрашивал его, как он попал в их дивизию. На его письма Фадеев отвечал неопределенно, расплывчато.

Фактически, будучи официально не приписан к определенной части, Булыга-Фадеев, методом партизанщины, прибился к знакомым служащих при штабе и выполнял их поручения.

В письме Ф.П. Булочникову от 16 июля 1954 года Александр Фадеев пишет: «...Да, я действительно тот самый Булыга, который был комиссаром 22-го Амурского полка, начиная с того времени, когда полк этот был еще 13-м. Вас я отлично помню, помню Ваше лицо того времени, манеру говорить и жесты Ваши. Это не удивительно: комиссаров в бригаде было тогда много, а комиссар бригады — один.

Расскажу, когда и как я попал в полк.

Я считался какое-то короткое время инструктором политотдела нашей дивизии (забыл её номер, не 3-я ли? или тогда еще 2-я?). Но находился я фактически не при политотделе дивизии, а при её комиссаре. Кажется, это был Логинов или Логвинов. Я даже жил у него в салон-вагоне. Спал в столовой

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 152.

на полу, подстилая тогдашние наши меховые укороченные шубы-куртки, которые мы носили белым мехом наружу. Длилось это всего лишь несколько дней. Он прочил меня в комиссары полка, если кто-нибудь погибнет или кого-нибудь нужно будет заменить. А до такой возможности обещал посылать в части, которым предстояли серьезные операции или которые находятся в трудном положении, — как представителя политотдела, на подкрепление комиссарам частей. Эту роль он мне отвел по причинам понятным: несмотря на свою молодость, 19 лет, я уже прошел школу партизанской борьбы в Приморье, борьбы с японцами после 4—5 апреля, был ранен, имел за плечами комиссарский стаж, имел среднее образование, был относительно политически грамотен и был уже известен ему как хороший агитатор-массовик. Но, кажется, я уже расхвастался...

Меня послали к Вам именно в этот полк, перед взятием Борзи — не как комиссара, а для работы в полку, от политотдела дивизии, в подмогу комиссару.

Мы с Вами поговорили накоротке, и я попал в полк накануне его наступления на Борзю. Все были заняты боевым делом, всем было не до меня...

22-й (тогда 13-й) готовился брать Борзю. Я провел политработу с бойцами и участвовал во всей этой Борзинской операции полка, «прицепившись» к 3-му батальону. Я забыл фамилию и, к сожалению, даже лицо тогдашнего комиссара полка, потому что во время всей операции был не с Шамониным и с ним, а при батальоне. И в моей памяти сместились некоторые факты, которые Вы, верно, помните лучше меня и поможете мне восстановить дорогие для меня страницы.

Этот комиссар то ли тяжело был ранен, то ли отморозил ноги настолько, что потом уже не мог вернуться в полк. Может быть, это случилось даже до Борзи, но Логинов еще не успел узнать об этом и послал меня не взамен ему, а на подмогу ему. Если это так, я его, значит, вообще не видел.

Может быть, это случилось во время Борзинской операции. А может быть, это случилось позже. Но, во всяком случае, это случилось до взятия Даурии.

Мое впечатление, что это случилось как раз во время Борзинской операции и тогда Вы назначили взамен него — комиссара одного из батальонов Шульгина. Шульгина я помню, так как впоследствии некоторое время работал с ним, пока он не ушел из полка. Операция (Борзинская) была проделана полком очень смело, но силы одного полка были малы, чтобы занять Борзю. Прорвали 8 рядов проволочных заграждений, заняли окраину и не могли перейти широкую улицу, перпендикулярную к железной дороге, так как был сильный огонь с противоположной стороны улицы и особенно фланговый, пулеметный, то ли с белого бронепоезда, то ли просто выставили пулеметы с фланга — сейчас не помню»[1].

В письме Ф.П. Булочникову от 25 октября 1955 года Александр Фадеев писал: «Когда я «прибился» в первый раз к вашей бригаде и где мы впервые встретились? Точно рассказать об этом мне уже трудно — не забудь, что я был еще очень молодой парень, очень мало представлял себе фронтовые дела в целом и, конечно, совершенно не интересовался тем, как называются деревни и станции, на которые забрасывала меня судьба.

Я хорошо помню тот парад войск в ноябрьские праздники на станции Оловянной, который ты описываешь. Я жил в это время в вагоне Логинова и был инструктором подива, а жил у Логинова, потому что он меня очень ценил и хотел как-то лучше использовать, а пока что, суть да дело, я был при нем вроде адъютанта, помощника, секретаря, — назови, как хочешь. Моя мечта была попасть к своему двоюродному брату Игорю Сибирцеву, с которым я до этого воевал и которого

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 141—143.

очень любил, — в бригаду Тетерина — Петрова. Но Логинов меня не пускал. Мне сейчас трудно вспомнить, с каким делом конкретным — с целью ли политической информации, или политической работы с комиссарами полков и батальонов (от подива), или с целью доставить в части газеты и брошюры (может, это совпадало), но я вскоре после того, как вы выступили из Оловянной, был направлен вслед за вами.

Я пришвартовался к какой-то большой группе лиц, ехавших в части по разным назначениям и надобностям. Я и сейчас помню, закрывши глаза, как мы перебирались ночью через этот хорошо известный тебе взорванный мост. Потом мы в основном двигались с каким-то обозом, везшим то ли продовольствие, то ли боевое снаряжение, а может быть, то и другое.

Встретились мы с тобой в обстановке похода, между боями. Сейчас, внимательно вчитываясь в письмо твое, я думаю, что это было перед Эдартуем либо после взятия Эдартуя, — ведь именно где-то здесь и по твоему совету я попал в 13-й полк. Но вот что меня немножко путает. Я очень хорошо помню все разговоры и переживания, связанные с тем поражением, которое ваша бригада вместе с частями Фадеева (однофамилец Александра Фадеева. — *Примеч. авт.*) нанесла белой коннице под Хадабулаком. Но сам я в этом бою не участвовал. Участвовал ли в нем 13-й полк? Если да, то я попал в полк уже после этого боя. Если нет, то хорошо сохранившиеся в памяти разговоры об этой замечательной победе могли вестись как раз в 13-м полку. Но я еще помню, хорошо помню совместную ночевку 13-го полка с частями Фадеева в какой-то деревушке, помню потому, что я ходил навестить Сорокина, которого очень хорошо знал лично, и провел с ним несколько часов. А потом я участвовал в первой Борзинской операции вместе с 13-м полком и теперь, после письма твоего, хорошо вспомнил, что Шамонин действительно командовал тогда только батальоном.

После этой первой Борзинской операции я от вас отбыл, так как функции мои, с которыми я был послан, насколько я понимаю, были выполнены. И, как я уже тебе писал, вновь попал я к вам в бригаду уже после взятия Даурии, когда бригада была отведена на Борзю, попал уже с прямым назначением Логинова в качестве комиссара 13-го, а впоследствии 22-го полка. Все, что ты мне написал о разных командирах, в частности, Кулешеве, все это я отлично помню, помню я и твоего ординарца Размахнина, который был и моим ординарцем в тот недолгий срок, когда я был врид комиссара бригады»[1].

Федор Петрович Булочников, в 1920 году был комиссаром 5-й Амурской стрелковой дивизии, впоследствии переименованной в 8-ю дивизию.

Что же на самом деле происходило в Даурии в эти последние дни боев красных войск при вытеснении белогвардейских отрядов атамана Семенова.

По воспоминаниям генерал-майора Генерального штаба Павла Петрова: «Главнокомандующий атаман Семенов, командующий армией ген. Вержбицкий с частями своих штабов оказались отрезанными в Чите. Командиры трех корпусов, бывшие при своих войсках на линии Забайкальской железной дороги, принуждены были, каждый самостоятельно, принимать спешно меры по защите своих районов. Общее руководство было потеряно.

Атаман Семенов вылетел из Читы на аэроплане, а ген. Вержбицкий со штабами присоединился к общей колонне Читинской группы войск, недавно усиленной, которая должна была выйти в степи Забайкалья, чтобы пройти через город Акшу для соединения с армией.

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 156—158.

Красные, для того чтобы помешать свободному отходу частей читинской колонны, выступившей из Читы во главе с ген. Вержбицким походным порядком на юг, выслали свою конницу к югу от железной дороги, и эта конница следовала за ген. Бангерским. В результате этого преследования произошли бои у переправ через реку Онон. Красным удалось занять один поселок — Цасучаевский, а от другого — Чинданга — они были отбиты с большими потерями.

Нахождение красных в поселке Цасучаевский могло затруднить выход колонны ген. Вержбицкого, поэтому 5 и 6 ноября частями ген. Бангерского и воткинцами была предпринята контратака. Красные были выбиты и, сильно пострадав, отошли далеко, так как в этой местности населенных пунктов ближе 50—60 верст не было. Но это временное занятие красными пос. Цасучаевского сыграло свою роль: колонна ген. Вержбицкого, следовавшая с юга правым берегом р. Онона, получила сведения о присутствии красных в Цасучаевском, и потому следовавшая в авангарде конница и остатки Маньчжурской дивизии были направлены вдоль монгольской границы прямо в Даурию.

К тяжелой обстановке шедших из Читы войск 30 октября прибавилась еще одна неприятная неожиданность: стоявшая до этого дня ясная, осенняя погода 31-го резко изменилась: подул ветер, пошел снег, а 1 ноября была уже суровая зима с морозом 15 градусов, при сильном резком ветре. Это обстоятельство захватило все части врасплох; особенно пришлось плохо Читинской группе ген. Вержбицкого, совершавшей поход по пустынной местности. Выходя из Читы в теплую погоду, люди не захватили даже имевшейся теплой одежды, шли налегке. Направленный им прямо в Даурию упомянутый авангард особенно сильно пострадал. Остатки Маньчжурской дивизии прибыли в Даурию только 7 и 8 ноября с большим числом обмороженных.

6 ноября в Борзю прибыл ген. Вержбицкий и отдал приказ о вступлении в командование армией…

Войскам поставлена задача помочь Читинской группе присоединиться к остальной армии, что уже проводилось командирами корпусов. В дальнейшем намечено сосредоточение всех сил в районе Борзя — Даурия. Необходимость удерживать ст. Борзю вызывалась наличием вблизи каменноугольных копей, снабжавших углем железную дорогу, и нахождением на ст. Борзя последнего паровозного депо (до ст. Маньчжурия).

Между тем красные, упустив Читинскую группу на юг из Читы, но, видимо, ободренные успехом, стали усиленно развивать свои действия, стремясь разъездами прервать движение по железной дороге.

…красные, не обращая внимания на протесты японцев, уже значительными силами повели наступление на район ст. Борзя с севера и запада. С 9-го по 13 ноября бои шли у самой Борзи. Красные даже не раз врывались в самый поселок. 13 ноября командованием было решено оставить станцию Борзя. Части 3-го корпуса начали отходить к Даурии. Каждый день с 14-го по 20 ноября происходили бои вблизи железной дороги — все они были значительны, все они вносили в обстановку то улучшение, то ухудшение. На ст. Даурия красные не нападали, так как там был сильный гарнизон и кое-какие укрепления.

Они начали давить на ст. Мациевскую, чтобы отрезать Даурию от ст. Маньчжурия. На Мациевской стояли эшелоны штаба армии и 2-го корпуса и скопилось много обозов. Атака была произведена незначительными силами, но неожиданность произвела панику. Станция была потеряна, хотя на ней были достаточные силы для обороны.

Утрата связи с тылом побудила ген. Молчанова поторопиться выходом из Даурии, чтобы иметь возможность пробиться на ст. Маньчжурия до накопления в тылу больших сил красных. Утром 21 ноября части ген. Молчанова, легко

прогнав красных со ст. Мациевской, подошли на последний разъезд 86-й на границе. Остальные части армии были уже частью в пос. Маньчжурия, частью в Абагайтуй — северо-восточнее станции. День 21 ноября является последним днём вооруженной борьбы с красными в Забайкалье»[1].

Последнее наступление красных отрядов для разгрома войск атамана Семенова было от станции Оловянной в направлении города Борзи.

Ноябрь 1920 года выдался морозным. Преодолевая сопротивление отрядов Семенова и войск генерала Каппеля, отряды красноармейцев и партизан продвигались к границе с Китаем, вытесняя остатки белогвардейских войск. Бои на этом направлении длились менее месяца и закончились 21 ноября 1920 года после разгрома белогвардейских войск. В этих боях в составе отрядов командира Якимова, рядовым бойцом участвовал мой отец Шепчугов Иван Яковлевич, уроженец села Тайна Газимуро-Заводского района. Он записался в отряд легендарного красного командира Якимова красногвардейцем в 1919 году. Участвовал в боях на востоке Забайкалья в районе Газ-Завода, Шелопугино, Сретенска, Нерчинска, Борзи. После завершения тяжелых боев на ст. Даурия части красноармейцев в основном были переброшены в г. Нерчинск, где частично забайкальцы радовались окончанию войны. Мой отец, получив известие о роспуске добровольцев в г. Нерчинске, вернулся в родные места и привез на приск Быстрый мою мать, Надежду, дочь нерчинского скотовладельца Пальшина.

Ход событий разгрома войск атамана Семенова отражен в книге «Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье»:

«После освобождения Читы военные действия переместились в район железной дороги, от разъезда Китайский

---

[1] *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы/П.П. Петров; сост. С.П. Петров, Л.Ю. Тремсина. — М.: Айрис-пресс, 2011. С. 474—477.

до ст. Маньчжурия и в район Акшинского тракта. В районе Борзя — Даурия находился 1-й семеновский корпус, а Акшинский тракт остался единственным путем, по которому семеновские войска могли двинуться из Читы в Монголию.

Одновременно с наступлением на Читу части НРА 19 октября овладели станциями Ага и Могойтуй и двигались к ст. Оловянной, перерезав железнодорожную связь Читы с Маньчжурией, что во многом способствовало поражению белогвардейских войск в районе Читы. Чтобы облегчить отход своих войск, белогвардейцы нанесли удар из района Оловянной на ст. Агу. 22 — 24 октября в этом районе происходили ожесточенные бои, в ходе которых белые несколько потеснили части НРА, но выполнить свою основную задачу им не удалось: ст. Карымская, важный железнодорожный узел, осталась в руках Народно-революционной армии.

Войска НРА 28 октября нанесли сильный удар на ст. Могойтуй, поставив белогвардейцев под угрозу окружения. Это заставило белых начать отвод своих войск к ст. Оловянной. Но задержаться в районе Оловянной им не удалось, так как 2-я бригада 1-й Амурской стрелковой дивизии НРА 31 октября атаковала ст. Бырку, южнее Оловянной. Противнику пришлось отойти на ст. Борзя, но и здесь белым не удалось организовать оборону. Они стали отходить к государственной границе, а затем и переходить ее — на ст. Маньчжурия.

Последнее сражение, закончившееся окончательным разгромом белогвардейцев, разыгралось 19 ноября в районе ст. Мациевской. Не выдержав мощного натиска народоармейцев, белые оказались наголову разбитыми и бежали на территорию Маньчжурии. 21 ноября 1920 года все Восточное Забайкалье было полностью освобождено от белогвардейских банд»[1].

---

[1] Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. С. 233—234.

В книге о Фадееве Ивана Жукова в серии «ЖЗЛ» имеется ссылка на приказ командира 3-й Амурской дивизии в отношении А. Фадеева — Булыги, в котором указано: «По части политической. Военкомом 22 полка назначаю Ал. Булыгу с 30 ноября с. г. Военком дивизии Ф. Булочников».

Далее указывается: «В январе же Фадеев назначается комиссаром бригады. А буквально через несколько дней едет в Читу, где участвует в работе конференции военных комиссаров и политработников Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Здесь Фадеева ждало неожиданное событие, круто изменившее его жизнь, — он избирается делегатом X съезда РКП(б) с решающим голосом»[1].

Исходя из этих сведений, назначение Александра Фадеева-Булыги военкомом дивизии произошло после окончания боевых действий в Забайкалье.

Сам Александр Фадеев в письме Малышеву от 29 февраля 1952 года пишет: «...а с начала военных действий был направлен в армию — вначале в качестве инструктора политотдела 3-й Амурской стрелковой дивизии, а потом комиссаром 13-го Амурского полка, переименованного после некоторой реорганизации армии в 22-й Амурский полк»[2].

В книге «А. Фадеев. Письма Дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях» в справке, написанной А. Фадеевым для Ивана Дмитриевича Шамонина, указано: «В Красной Армии (называвшейся до советизации Дальнего Востока Народно-революционной армией) И.Д. Шамонин был командиром 13 (впоследствии переименованного в 22) Амурского полка, в котором я был комиссаром»[3].

Эти сведения не увязываются с описаниями А. Фадеева событий, указанных в письме Ф.П. Булочникову, и его расска-

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Мол. гвардия, 1989. С. 41—42.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 137.

[3] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 137.

зом о том, как он попал в район города Борзи. В Благовещенске и Забайкалье Фадеев жил с документами на имя Булыги, поэтому, кроме близких и друзей, никто не знал его под фамилией Фадеев.

В боевых действиях в районе города Борзя и ст. Даурия принимал участие однофамилец Александра Фадеева, командир дивизии Иван Ефимович Фадеев. В своем письме т. Малышеву от 29 февраля 1952 года Александр Фадеев сообщает: «...Я полагаю, что материалы областного партийного архива, о которых Вы пишете, относятся не ко мне, а к моему однофамильцу, имени, отчества которого я не помню, но который известен был в мои времена как командир одного из амурских полков, а затем, если не ошибаюсь, — командир одной из амурских бригад. Мне никогда не приходилось с ним встречаться лично, но в 1920 году, когда громили атамана Семенова, я вместе с ним участвовал в этой кампании, только я вступил в нее несколько позже и наступал на другом фланге нашей армии. Именно тогда я узнал о существовании другого Фадеева, моего однофамильца. Это мое представление оказалось ошибочным. Как выяснилось из переписки с Ф.П. Булочниковым (комиссаром «моей» бригады, то есть где я был комиссаром полка), я встречался с Фадеевым. Но я был лучше знаком с его комиссаром Сорокиным. И о Сорокине я хорошо помню, а о Фадееве забыл. Бригада их одно время участвовала в операции вместе с нами. У меня сохранилось в памяти, что он прославился разгромом белых у станции Аги. В начале 20-х годов в Москве была издана книга под общим названием: «Революция на Дальнем Востоке». Это был сборник воспоминаний различных участников гражданской войны на Дальнем Востоке. Сборник этот у меня не сохранился, но я хорошо помню, что в нем была фотография выстроившегося на параде полка товарища Фадеева, его самого и комиссара полка на конях

перед строем. Я думаю, что о его действиях упоминается в этом сборнике»[1].

Согласно сведениям из «Энциклопедии Забайкалья» (том 4) — Фадеев Иван Ефимович, рожд. 1890 года, участник Гражданской войны в Забайкалье. Назначался адъютантом командующего Вост.-Забайкальским фронтом. Командовал Шилкинской группой партизан, во время освобождения Читы командовал дивизией (в октябре 1920 года). Награждён орденом «Красного Знамени». После окончания боевых действий Иван Ефимович был назначен военным комиссаром в село Александровский Завод в Забайкалье.

На этой же странице энциклопедии имеются сведения и об Александре Фадееве, в которых указаны неверные данные о его участии в военных действиях в боях за освобождение Забайкалья от белогвардейцев. В энциклопедии указано, что Александр Фадеев «участвовал в боях против семеновцев, каппелевцев и японцев за Зилово, Сретенск, Оловянную, Даурию, Карымскую, Нерчинск, Читу». Данные сведения опровергаются воспоминаниями Александра Фадеева-Булыги, его письмами, а также не подтверждаются какими-либо документами[2].

Анализируя многочисленные воспоминания Татьяны Головниной, касающиеся участия Александра Фадеева в боевых действиях в Забайкалье, выявляются многочисленные противоречия другим сведениям. Так, в очерке «Боевые годы» в книге «За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке (выпуск 4)» Головнина пишет: «Выполнив задание обкома РКСМ, Фадеев перешел в Народно-революционную армию Дальневосточной республики. Фадеева направили в рас-

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 136—137.

[2] Энциклопедия Забайкалья, том 4. — Изд.: Новосибирск. Наука, 2006. С. 217.

поражение штаба 2-й Амурской стрелковой дивизии, где я работала в политотделе заведующей культурным отделом. И снова мы встречаемся с Сашей. Комиссар дивизии И.М. Логинов назначил Фадеева инструктором политотдела, а позже комиссаром бригады и через некоторое время перед большим боем за станцию Борзя комиссаром полка.

В этот период шли ожесточенные бои НРА против остатков колчаковской армии. Зилово, Сретенск, Оловянная, Борзя, Чита — вот места, где Фадеев участвовал в освобождении дальневосточной земли от банд атамана Семенова. Далее, Тамара Головнина продолжает: «Роль военного комиссара НРА высоко ценилась. Он должен был быть для всех образцом революционной и боевой доблести, дисциплинированности и верности военному долгу, первым в наступлении и последним при отступлении. А. Фадеев отвечал этим требованиям и поэтому пользовался большим авторитетом у бойцов и политического состава бригады и полка. Во время боя Фадеев был вместе с бойцами в передних цепях, деля вместе с ними все трудности и опасности солдатского быта. После одного такого боя за станцию Борзя Фадеев прибыл в политотдел штаба дивизии. Командир дивизии Владимир Анатольевич Попов вместе с комиссаром Логиновым командировали меня и Фадеева в Нерчинск для организации политической работы в частях НРА и для открытия там гарнизонного Дома культуры»[1].

Из воспоминаний Тамары Головниной следует, что в ноябре 1920 года после разгрома войск атамана Семенова и капелевцев, А. Фадеев, будучи комиссаром бригады или комиссаром полка, был вместе с нею направлен в город Нерчинск для организации гарнизонного Дома культуры, который был

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 226—227.

открыт в доме купца Бутина. Довольно странно, что кроме комиссара дивизии или полка это некому было поручить.

В своих воспоминаниях Тамара Головнина вспоминает город Нерчинск, в котором политотдел располагался в доме крупнейшего в Забайкалье купца Бутина, который ранее владел золотыми приисками в Забайкалье, Иркутской и Амурской областях. Его дом-дворец был одним из достопримечательностей архитектуры в Сибири и Дальнем Востоке, где любили останавливаться государственные служащие, губернатор. В этом доме в настоящее время расположен краеведческий музей города Нерчинска. В записках Тамары Головниной Бутин указывается как купец Бутов.

Со слов моей матери по родительской фамилии Пальшиной, которая родилась в городе Нерчинске, её брат в период Гражданской войны работал администратором наследников купца Бутина и был убит в своем кабинете во время перестрелки в ходе боя на улицах города. Пуля залетела в окно, когда он работал за столом у окна. К сожалению, данный дворец в настоящее время не сохранил свой первоначальный облик и наполовину разрушен, но в оставшейся части здания расположен краеведческий музей.

Тамара Головнина указывает: «Прибыв в город Нерчинск, политотдел в доме, конфискованном нами у купца Бутова, организовал вечер для бойцов Народно-революционной армии. В первом ряду сидели члены штаба армии: Велехов, Постышев, Серышев, Мельников и другие, а со сцены неслась по-мальчишески звонкая и очень красивая речь молодого политработника, одетого в армейскую форму. Это Саша Фадеев образно рисовал два мира: мир праздной и развращенной буржуазии, подымающей в холеной руке не стакан вина, а стакан, наполненный кровью рабочих; с другой стороны — мир тружеников, чьими руками создается богатство и красота для жителей дворцов... Эти

образы, созданные тогда в бутовском доме, и посейчас стоят у меня перед глазами»[1].

Читая многочисленные воспоминания об Александре Фадееве, опубликованные в различное время, сталкиваешься с вымышленными фактами, неточностями происходивших событий. Так, в книге «А. Фадеев. Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях» опубликованы воспоминания жителя с. Чугуевка Ф. Мышакова в очерке «Мы вместе учились». Мышаков рассказывает, что он якобы учился с Александром Фадеевым в школе села Чугуевка и сидел с ним за одной партой. Однако Александр Фадеев в школе села Чугуевка не обучался.

В этой же книге помещены воспоминания К. Серова «Чуткий, верный друг», в которых Серов пишет, как в июне 1919 года в село Анучино прибыли «соколята». Четверо парней: Саша Фадеев-Булыга, Петя Нерезов, Саня Бородкин (Седойкин), Гриша Билименко (Судаков-Проноза). «Но недолго они пробыли в Анучино. Вскоре они улетели на Спасский фронт, а там судьба их разлучила». Это не соответствует действительности, так как А. Фадеев и его друзья из Владивостока ушли в Сучанскую долину и в партизанском отряде Анучино не находились.

Александр Фадеев указал в письме, куда их распределили по прибытии к партизанам: «Когда партизанский штаб предложил этой группе учащихся выделить из своей среды двух человек для агитационной работы среди населения в глубоком тылу, в районе села Анучино, где в это время создавался областной повстанческий ревком, Фельдгер и Заделенов сами предложили себя, и мои ребята охотно «выдвинули» их, чтобы просто от них освободиться. Когда я приехал на

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 33.

Сучан, эти двое уже ушли в Анучино; ...Мы четверо — ... были зачислены в Сучанский отряд рядовыми бойцами...»[1]

Брат Александра Фадеева, Владимир, принимал активное участие в организации и руководстве комсомолом города Владивостока. Поэтому в некоторых воспоминаниях его заслуги приписывают Александру, в связи с популярностью. Поэтому встречаются определенные неточности или путаница в биографии писателя, который, по сути дела, с лета 1919 года жил под фамилией Булыга. Александру Фадееву иногда приходилось писать разъяснения по этому поводу.

Так в письме от 29 февраля 1952 года М.А. Черняеву Александр Фадеев уточняет: ...Фадеев, о котором Вы пишете, который в период 1920—1923 гг. проживал во Владивостоке на Верхней Портовой улице и принимал активное участие в организации и руководстве комсомолом Эгершельдского района и с которым Вы вместе были в партизанах, — это Фадеев не я, а мой младший брат Владимир Александрович Фадеев»[2].

После окончания Гражданской войны в годы политических репрессий многие командиры партизанских и красноармейских отрядов, красноармейцы и партизаны были объявлены врагами народа и расстреляны. С их уходом из жизни стерлись подробности многих событий, так как документация в годы Гражданской войны в Забайкалье, Приморском крае и других местах практически почти не велась, а из того, что было, многое не сохранилось.

Партизаны и красногвардейцы расстреливались сотнями.

Особенно отличился в злодеяниях по уничтожению населения начальник Управления НКВД СССР по Читинской области Г.С. Хорхорин, которого так же впоследствии расстреляли. «Хорхоринская команда особенно люто расправлялась с красными казаками, составляющими ядро партизанского

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 36—37.
[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 136.

движения в Забайкалье. В 1938 году расстреляны: командир партизанской дивизии Д.Г. Рахманин, командиры полков А.Ф. Димов, Г.С. Епифанцев, С.М. Золотухин, А.А. Калинин, С.И. Толстокулаков, М.Г. Черепанов, И.А. Чепчеев, Ф.П. Щербаков, М.И. Якимов, член фронтового революционного трибунала П.Ф. Бородин, ординарец командующего фронтом Т.И. Тяпкин, командиры сотен и батарей И.В. Буторин, Н.Е. Васильев, К.А. Козырев, И.П. Колобов, И.Д. Кузнецов. Этот список огромен»[1].

Подробности периода Гражданской войны мы узнаем по воспоминаниям тех, кто остался в живых, но их практически трудно проверить. Даже Александр Фадеев-Булыга не мог вспомнить, где и как он воевал на Даурском фронте, когда вынудили войска атамана Семенова уйти в Китай.

Делегат партийного съезда

В январе 1921 года А. Фадеев-Булыга прибыл из Нерчинска в Читу на конференцию военных комиссаров и политработников, где был избран делегатом на X съезд РКП(б).

В своих воспоминаниях «Сорок пятый» маршал Советского Союза Иван Степанович Конев упоминает, что он добирался на X съезд РКП(б) от Читы до Москвы около месяца в одном вагоне с Александром Булыгой. Они ели из одного котелка и сдружились за долгий путь, вместе попали, записались добровольцами в Петроград на подавление Кронштадтского мятежа, и даже наступали на одном направлении, только Булыга попал в пехоту, а он в артиллерию, но о том, что настоящая фамилия Александра Булыги, является Фадеев, он узнал, только когда прочитал книгу «Разгром», которую написал Александр Фадеев. Когда Иван Конев учился в акаде-

[1] Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Том 4. — Чита: Поиск, 2006. С. 298.

мии, ему поручили подготовить выступление перед красными командирами о книге «Разгром». В этой беседе он рассказал о том, что знаком с автором книги. Александр Фадеев не открыл своего подлинного имени Ивану Коневу, с которым длительное время ехал в Москву в одном вагоне. Возможно, он привык к новой фамилии и новым документам, возможно, не посчитал нужным, распространяться о своей былой жизни.

Трудно представить, что думал о своем будущем Александр Булыга-Фадеев по дороге в столицу, прислушиваясь к монотонному стуку вагонных колес, но, зная его характер, ясно одно: он гордился доверием, оказанным ему боевыми товарищами. Время было не спокойное, поэтому делегаты съезда от Дальнего Востока и Сибири были вооружены и готовы отражать нападение на поезд. По приезде в Москву Иван Конев и Александр Фадеев-Булыга поселились в гостинице в одном номере.

Из гостиницы Александр Фадеев-Булыга переселился на квартиру землячки и соратницы по партии Тамары Головниной, о чем она пишет в воспоминаниях: «В феврале 1921 года мы снова встретились с Сашей. Он приехал в Москву делегатом на X партийный съезд и остановился у меня. У меня была сравнительно большая комната. Вместимость этой комнаты увеличивалась тем, что в ней не было абсолютно никакой мебели, но это никого не смущало. Комната по вечерам наполнялась друзьями-дальневосточниками, которые с путевками в рабфаки и вузы приезжали в Москву и временно останавливались у товарищей, пока не обзаводились своим жильем...»[1]

В начале 1921 года в Москву из Владивостока перебрались многие земляки Александра Фадеева, одной из первых приехала Татьяна Цивилева. Она вспоминала: «В январе

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 293.

1921 года я приехала в Москву. Москва двадцать первого года: холод, голод, темень, напряженная работа...

С жильем в Москве тогда было плохо. Мне приходилось первое время ночевать на стульях в приемной нашего полпредства Дальневосточной республики. Потом я получила комнату в общежитии Наркоминдела, где работала. Но комната не отапливалась. В Москву на учебу стала приезжать наша дальневосточная молодежь: приехали Тамара Головнина, Адольф Крастин, Ися Дольников. Мы с Тамарой сначала терпели адский холод в моей комнате, куда старались попадать попозже и пораньше оттуда уходить. Спали в пальто, в валенках, укрывшись вторым матрацем. Устроившись таким образом, мы были не в состоянии выключить свет, и это делал за нас Дольников, которого для этой цели тащили с собой после концерта или лекции. Он свет выключал, но за это мы должны были слушать его декламацию. У него, к счастью, это хорошо получалось.

Наконец Тамара получила ордер на комнату в доме для сотрудников Коминтерна в Глазовском переулке. Но по этому ордеру еще не вселяли, дом еще не был сдан в эксплуатацию, но он уже отапливался, и это решило дело: «Холод не тетка». Мы, недолго думая, въехали в этот пустой достраивающийся дом, в одну из комнат третьего этажа.

Однажды в этой нашей квартире неожиданно появился Саша Фадеев. Он приехал делегатом на X съезд партии. Встреча была, конечно, очень радостная и шумная.

Саша, приходя со съезда, рассказывал обо всем, что там происходило. Его мечтой, между прочим, было близко подойти к Ленину. Во время Кронштадтского мятежа, который, как известно, произошел в дни работы съезда, Саша, как и многие делегаты съезда, отправился на подавление этого мятежа. Прошло несколько дней, мятеж был ликвидирован, а о Саше ни слуху ни духу. Мы волновались. Полпред Дальневосточной республики Кушнарев отыскал след Саши: ранен, на-

ходится в госпитале в Петрограде. Сейчас же были откомандированы полпредством в Ленинград я и Маруся Кушнарева. В Ленинграде мы узнали, в каком Саша госпитале, и в течение трех дней (срок командировки) ежедневно его навещали. Саша был рад нам, шутил, смеялся, обещал скоро вернуться в Москву. К нему после ездили и другие товарищи»[1].

Восьмого марта 1921 года девятнадцатилетний Фадеев-Булыга получил мандат участника партийного съезда, а вскоре принял участие в подавлении Кронштадтского мятежа, который затеяли недовольные продразверсткой, плохим снабжением продовольствием и одеждой моряки, подстрекаемые сторонниками установления прежнего царского режима. Начались расправы над большевиками. Попытка подавить восстание местными силами провалилась. Для подавления мятежа революционное правительство большевиков было вынуждено перебросить дополнительные воинские части и добровольцев из числа прибывших на съезд коммунистов.

В момент артиллерийского обстрела из крепости по наступающим цепям красноармейцев и шквального огня из пулеметов и винтовок, Александр Фадеев-Булыга был ранен. Он с трудом дополз до тыловых подразделений, где получив первую медицинскую помощь, был направлен в Ленинградский госпиталь. За участие в подавлении мятежа, как и все добровольцы-делегаты, Булыгу-Фадеева наградили орденом Боевого «Красного Знамени». Пять месяцев Александр проходил лечение в госпитале, но и там не терял времени зря, много читал, занимался самообразованием, при возможности знакомился с достопримечательностями и культурой города.

В Петрограде Александр Фадеев встретился с учителем Владивостокского коммерческого училища Пашков-

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 109—111.

ским. Об этой встрече Пашковский вспоминал: «В марте 1921 года по заданию Наркомпроса я приехал в Петроград для ознакомления с положением школьного образования на крупных Путиловском и Балтийском заводах. В один из тех апрельских солнечных дней, которые так редко дарит север, я проходил по Исаакиевской площади и услышал: «Степан Гаврилович!» Я оглянулся. Передо мной стоял, опираясь на костыли, юноша в солдатской шинели, такой знакомый, почти родной. «Не узнаете?» Я сразу узнал его: «Саша Фадеев, откуда ты?»

В нескольких словах Фадеев рассказал мне, что он с другими делегатами X съезда партии отправился на ликвидацию Кронштадтского мятежа, что он уже в феврале был ранен в ногу, прополз почти два километра по льду до тыловых частей и был эвакуирован в госпиталь. Мы находились вблизи гостиницы «Астория», часть которой была отведена для выздоравливающих воинов. Александр пригласил меня зайти к нему. Я был так рад этой встрече, что немедленно согласился. И вот мы в ярко освещенной солнцем комнате»[1].

После госпиталя, будучи освобожденный от дальнейшей службы по состоянию здоровья, Александр Фадеев вернулся в Москву, где снова временно поселился на жительство в квартире землячки Тамары Головниной и её мужа. Об этом Фадеев писал Асе Колесниковой 12 мая 1950 года: «После своего ранения под Кронштадтом я пять месяцев пролежал в госпитале в Петрограде, а когда выписался, они — Тамара и муж — как раз приютили меня в Москве, в своей маленькой комнатке, — я начал готовиться в Горную академию»[2].

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 23.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 50.

Глава 2. ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

Горная академия

Александр готовится к сдаче экзаменов и много времени проводит в библиотеке, которая расположена во дворе дома Головниных. 25 сентября 1921 года он зачислен студентом в Московскую горную академию, где сразу же подключается к партийной работе. Его неоднократно избирают членом партийного бюро академии, позднее он становится секретарем партийной организации, что говорит о его активной работе и доверии со стороны коммунистов академии.

Об этом периоде жизни Александра Фадеева рассказала Тамара Головнина: «Из госпиталя Саша вернулся в Москву и поселился в одной из двух комнат, где жили мы с мужем. Он был принят в Горную академию и ежедневно, прихрамывая, отправлялся на Калужскую площадь, где она размещалась.

Приходя с занятий, он с волнением рассказывал, например, о дискуссии среди студенчества по поводу того, может ли студент отрываться от науки и вести общественную работу, или его назначение — постигать знания, не выходя из узкого круга академической жизни. В период острой классовой борьбы эта борьба переносилась и в стены высшей школы, реакционная часть старой профессуры и студенчества столкнулась с пришедшей с фронтов пролетарской мо-

лодежью. Отрешиться от общественной работы означало бы оставить высшую школу в руках реакционеров.

Саша принимал самое активное участие в общественной жизни и в то же время помногу и усидчиво занимался»[1].

В Москве Фадеев с горечью узнает о гибели и ранениях некоторых своих друзей, которые остались воевать на Дальнем Востоке.

Александр полон сил и энергии, о своей жизни пишет Исааку Дольникову: «Последнее время в голове и без твоего письма необычайно кошмарный винегрет: погибли Санька, Фельдман, Игорь, Харитоша, Серобабип, ранен Володя Маленький, поморозились Гришка и Хомяков, ампутированы ноги у Никитенки — это черная часть винегрета. Приехал в Москву Петька Нерезов и поступил на рабфак, я ездил на месяц в отпуск в деревню Витебской губ., где пахал, чистил сад, пилил дрова, ходил на охоту, катался верхом, посещал «вечерки», митинговал и т.д. и т.д. Наконец сегодня только что вернулся с грандиознейшей, еще небывалой в РСФСР первомайской демонстрации, — это светлая часть все того же винегрета...

Я по-прежнему занимаюсь в Горной академии. 15 мая поеду в Подмосковный угольный бассейн на геологическую практику, а в июне в Туркестан — на «нефть» — на рудничную практику. Нужно сказать, что недавно я чуть не укатил на год в Якутскую область, но дело сорвалось: ЦК не пустил, а хотелось пособирать пушнины! Сначала горевал в неудаче, а потом решил — «Нет, так не надо, другую найдем». Не в Якутскую область, так в Туркестан! Какая разница?..

Живу я теперь в общежитии Горной академии...»[2]

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 35.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 172—173.

После долгих скитаний в Москву приехал друг Александра, Яков Голомбик. Сестра Якова писала: «В мае 1922 года мы с Марусей встречали брата на Московском вокзале. Он выбросил нам в окно вагона крохотный чемоданчик с одиноко лежащим в нем полотенчиком и какой-то книжкой. Полуседая голова Якова нас испугала и расстроила. Первое, что он сделал, когда приехал с нами на квартиру Кушнаревых в Хлебном переулке, — вынул сложенную в несколько раз фотографию с крупной надписью: «Богу нашему от коммуны». Расправил пальцами сгибы, положил фото под пресс, покушал, рассказал нам о своих скитаниях и сразу же кинулся искать своих коммунаров, узнав от сестры, что некоторые из них в Москве. Первым отыскал Петю Нерезова, который жил вместе с Адольфом Крастиным и его женой Таней Цивилевой. Петя приехал в Москву как делегат XI партийного съезда и остался здесь учиться. У него Яков встретился с Сашей Фадеевым, которого не сразу узнал. Через несколько месяцев приехал Гриня Билименко, уже Судаков, по-партизански. Гриня и Шура поступили в Ломоносовский институт, Петя — в Плехановский институт народного хозяйства. Жили все вместе в Козихинском переулке. Возобновилась коммуна. Все было общее...»[1]

Яков Голомбик о периоде жизни в Москве вспоминал: «Мы были веселы, все часы и минуты ощущая счастье — жить в Москве, наша жизнь была содержательна, увлекательна и полна, а на мелочи лишения мы не обращали внимания. К тому же с 1923 года наше материальное положение улучшилось: увеличилась стипендия, появились твердые деньги, возросли пайки.

Саша Фадеев учился тогда в Горной академии. В эти годы мы часто встречались. Все мы принимали самое деятельное

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 143—144.

участие в общественной жизни. Петя долгое время был членом бюро ячейки своего института, Гриша — активнейшим работником в нашем институте — председателем профсоюзной организации, членом бюро, секретарем парторганизации и т.д. Я был членом и руководителем многих студенческих организаций — старостой курса, членом бюро ячейки комсомола, председателем физкультурной организации, председателем профсоюзной организации. К чести нашей надо сказать, что в период партийных дискуссий ни один из нас не попался на «удочку» троцкистов, зиновьевцев и пр. Все мы активно защищали партийную линию и вели самую активную борьбу с так называемой оппозицией.

Саша Фадеев был частым гостем у нас на Козихе, где коммуна существовала до тех пор, пока мы не переженились.

С учебой в академии у Фадеева не ладилось, конечно, не из-за недостатка способностей или трудолюбия, а из-за того, что у него очень много времени уходило на литературную и общественную работу. В те годы он советовался с нами, не бросить ли ему совсем учебу и полностью отдаться литературе? Его смущали два обстоятельства: есть ли у него действительно такой талант, чтобы посвятить свою жизнь этому делу, и, главным образом, — дадут ли ему возможность по-настоящему, серьезно работать, не загрузят ли его всякими общественными делами настолько, что он не сможет всерьёз заняться литературой. Но все-таки решился и уехал в Ростов, где и начал свою литературную деятельность...»

Сестра Якова — Р.С. Голомбик вспоминала: «Я не знаю, как реагировала коммуна на его первую повесть «Разлив». Была в это время в Шанхае. Но когда приняли «Против течения», Саша пришел к Кушнаревым (они уже жили на Садовой-Черногрязской, рядом с НКПС) и начал, весь красный, возбужденно и безостановочно ходить вокруг обеденного стола. Он уже начал носить свою знаменитую «фадеевку»,

черную блузу со стоячим воротником и множеством мелких пуговичек от подбородка чуть ли не до колен. Щеки Фадеева пылали, глаза сияли, сапоги поскрипывали. Он еще не говорил в ту пору, что ему помогли выйти на литературную дорогу Либединский, Сейфуллина и Горький, и я думала, что Саше просто счастливый жребий выпал»[1].

Александр Фадеев продвигается по партийной линии, его «...выбирают в партийный комитет академии, посылают делегатом на VII Московскую губернскую конференцию РКП(б). В марте 1922 года он участвует в работе конференции коммунистических ячеек высших учебных заведений Москвы»[2].

Наряду с учебой Фадеев «...одновременно работал инструктором Замоскворецкого райкома партии и секретарем парткома одного из московских заводов»[3].

Здесь он познакомится, с первым секретарем Замоскворецкого райкома партии, коммунисткой первого поколения Розалиной Землячкой их отношения до конца жизни Розалины Землячки будут поистине дружескими.

Александр Фадеев не скрывает своих склонностей к литературе и, оказавшись в Москве, решил серьезно заняться литературной деятельностью. В 1921 году он приступил к работе над произведениями литературы о партизанском движении, одновременно вникает в культурную жизнь столицы, посещая литературные диспуты, театры, слушает лекции.

Отрывочные записи его работ постепенно принимают очертания будущих произведений, и в 1922 году он приступает к созданию повести «Разлив». В конце года, переживая

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 143—144.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 285.

[3] *Озеров В.М.* Избранные работы. В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т. II. Александр Фадеев. Творческий путь, 1980. С. 15.

и волнуясь, относит рукопись повести в редакцию журнала «Молодая гвардия». Так получилось, что данная рукопись несколько месяцев пролежала среди многих других, пока случайно, в один из летних дождливых дней 1923 года не попала в руки заведующему литературным отделом редакции журнала «Молодая гвардия» писателю Юрию Либединскому.

Колорит дальневосточной природы и сильные личности людей, живущих в таежных дебрях уссурийской тайги, привлекли внимание писателя, он внимательно прочитал рукопись. Понимая, что автор повести очень молод, но довольно талантливый человек, Либединский предложил прочитать эту рукопись сотруднице редакции журнала, писателю Лидии Сейфуллиной, которой она понравилась, и повесть была передана для публикации в журнал.

Либединский в своих воспоминаниях написал: «Об этом-то я и сообщил молодому человеку высокого роста, в кепке и длинном пальто или плаще. С того момента, когда мы, начав разговор, взглянули в глаза друг другу, мне особенно запомнились его глаза: в их яркой синеве было что-то твердое. Взгляд серьезный и словно испытующий. Таково было первое впечатление...»[1]

В период с мая по октябрь 1923 года Александр Фадеев написал второе произведение — рассказ «Против течения». Его он прочел на заседании литературного объединения, которое было создано при журнале «Молодая гвардия». Рассказ слушателям понравился, но, несмотря на это, он подвергся бурному обсуждению. Критика была разная, порою резкая и не компетентная, так как исходила от людей порою случайных в литературе. Александр слушал выступающих внимательно. Как вспоминает участник этого совещания Марк Колосов: «Фадеев, видимо, не ожидал такой оценки,

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 158.

самолюбие его было задето, он вспыхнул, покраснел, глаза стали свинцовыми. Юрий Либединский возражал нам»[1].

Редакция журнала «Молодая гвардия» одобрила рукопись рассказа Александра Фадеева, и он был опубликован в одном из последних номеров журнала «Молодая гвардия» за 1923 год.

По этому поводу Юрий Либединский писал: «Когда спустя некоторое время А.А. Фадеев написал второе свое произведение — «Против течения», тоже предназначенное для журнала «Молодая гвардия», он прочел его на заседании кружка. Это второе произведение было написано заметно лучше, основной конфликт был острее, сюжет стройнее, драматичнее. Эпизод гражданской войны изображен был так, как мог изобразить его только человек, сам являвшийся участником гражданской войны. Еще одна черта проступала в этом рассказе: чувствовалось, что автор его коммунист, понимает психологию коммунистов, что он свой человек в партии.

К критике Фадеев относился внимательно, хотя она порою носила характер довольно бесцеремонный и малодоказательный, вплоть до обвинений в бездарности, впрочем исходивших чаще всего от людей не очень талантливых»[2].

Александр Фадеев в своих ранних произведениях отражал действительность революционных событий на Дальнем Востоке, участником которых он был.

Литературная деятельность, партийная и общественная работа все больше захватывала его, и в этой стремительной круговерти Фадееву не хватало времени на учебу.

Являясь партийным секретарем партийной организации Горной академии, Фадеев часто выступал с докладами на собраниях, где обсуждались различные бытовые, организацион-

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 207.

[2] Там же. С. 159.

ные, политические вопросы, что привело его к решению о свободном посещении занятий в академии, кроме этого активно участвовал в мероприятиях Замоскворецкого райкома партии.

Как пишет Иван Жуков в своей книге «Фадеев» в серии «ЖЗЛ»: «Он любил повторять слова Джека Лондона: «Друг мой, женщина» и умел проявить к женщинам ту степень душевного благородства и порядочности, что так ценит и чем дорожит каждая из них»[1].

Наверное, это душевное благородство и преданность коммунистическим идеям расположили доброе отношения Розалии Землячки к Фадееву, что способствовало его восхождению на вершину власти.

На одном творческом вечере Александр встретился с Валерией Герасимовой, студенткой педагогического факультета Московского университета. Она так же увлекалась литературой. Их отношения не прерывались и в период, когда Фадеев жил в Краснодаре и Ростове-на-Дону, куда уехал по направлению партии, Это было связано и с переводом в эти места на руководящую партийную должность Розалии Землячки.

Кубань. Работа над романом «Разгром»

Татьяна Головнина в своих воспоминаниях об Александре Фадееве пишет: «После года учебы его избирают секретарем парторганизации. Одновременно он ведет большую политическую работу на заводе Замоскворецкого района под руководством секретаря райкома партии старой большевички Р. Землячки. Тут же в 1922—1923 годах пишет рассказ «Разлив» и автобиографическое произведение «Против течения», посвятив его Игорю Сибирцеву. Но Фадееву не удаётся закончить Горную академию. ЦК партии направляет

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Мол. гвардия, 1989. С. 81.

его на Северный Кавказ для воспитания той части рабочих, которые вступили в партию после кончины В.И. Ленина»[1].

В действительности Александр Фадеев бросил учебу в Горной академии и перевёлся в Электротехнический институт, о чем он сообщил Иссе Дольникову в письме, датированном февралем—мартом 1924 года: «Никогда нельзя узнать, где что найдешь, а где потеряешь. Так и со мной. Учился в Горной академии. Программа была очень велика, а учиться не было возможности — перебили на партработу. Перевелся в Электротехнический институт, а тут откуда ни возьмись ЦК — схватил за жабры и мобилизнул в числе 100 на партвоспитательную работу среди Ленинского призыва.

Комичней всего то, что работаю я совсем не по этой части. Тут (в Краснодаре) встретили меня приветливо, но сказали примерно следующее: «Партвоспитателей у нас — хоть пруд пруди, а вот не желаете ли инструктором Областкома?.. Хор-рошая должность!..» Что ж, инструктором так инструктором! Мы народ не гордый.

Учеба, таким образом, пошла прахом, о чем я по своей эпикурейской привычке — ни о чем не жалеть и не заботиться — не слишком беспокоюсь. Разъезжаю по всяким Новороссийскам, Сочам и Сахарным заводам, купаюсь в Кубани, жарюсь на солнце, пью пиво, пишу инструкции и положения, читаю доклады на самые разнообразные темы... чувствую себя, в общем и целом, удовлетворительным. Кой-что пишу и кой-что читаю — много ли нужно маленькому человеку?»[2]

Дольников, работающий в это время редактором дальневосточной газеты, конечно, понимал, что Александр занимает высокий партийный пост и в письме Фадеева есть доля

---

[1] За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 230.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 177—178.

юношеского тщеславия и хвастовства, обычного для молодого состоявшегося в жизни человека. Из данного письма, очевидно, что не хотел Фадеев быть специалистом горного дела, так как к этому ремеслу он влечения не испытывал, да и электротехническая специальность его не привлекала.

Александр Фадеев, перебравшись на Кубань, работал в команде партийного деятеля Р.С. Самойловой (Землячка) в девичестве Залкинд, которая способствовала его переводу на новое место.

Согласно сведениям, содержащимся в «Новой Иллюстрированной Энциклопедии», изданной в 2001 году:

Землячка — Самойлова Розалия Самойловна (1876—1947 год), политический деятель. В социал-демократическом движении с 1896 года. С 1903 года большевик, а в Гражданскую войну возглавляла политотделы 8-й и 12-й армии, с ноября 1920 года — секретарь Крымского обкома партии, была одним из организаторов террора против бывших солдат армии Н.Н. Врангеля и мирного населения. В 1926—1933 годах — один из руководителей РКИ и НКПС. В 1939—1943 годах — заместитель председателя СНК СССР. Председатель Комиссии советского контроля[1].

В книге «Женщины русской революции» указано: Землячка Розалия Самойловна (1876—1947) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В революционном движении с юношеских лет. В 1901 году — агент «Искры», в 1903 году — кооптирована в члены большевистского ЦК. В 1905 году — секретарь МК РСДРП. Неоднократно арестовывалась и отбывала тюремное заключение. В 1915—1916 гг. — член Московского бюро ЦК партии. После Февральской революции — первый секретарь

---

[1] Новая иллюстрированная энциклопедия. Том 7. — Москва, ООО «Мир книги»: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 89.

Московского комитета большевиков. В дни Октябрьской революции руководила вооруженной борьбой рабочих Рогожско-Симоновского района в Москве. В 1918—1921 гг. — начальник политотделов армий на Северном и Южном фронтах. В 1926—1931 гг. — член коллегии Наркомата РКИ, в 1932—1933 гг. — член коллегии НКПС. Была делегатом всех партийных съездов, кроме I и V, с XIII съезда РКП(б) — член ЦКК. На XVII съезде ВКП(б) избрана членом Комиссии советского контроля, на XVIII съезде — членом ЦК ВКП(б). Была депутатом Верховного Совета СССР, заместителем председателя Совнаркома СССР, заместителем председателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б)[1].

Весомая фигура на политическом олимпе, к ней прислушивались, ее боялись.

Никита Сергеевич Хрущев в своих воспоминаниях, описывал, как она заступилась за Емельяна Ярославского, которого партийцы пытались выставить врагом народа: «Этот эпизод вызвал возмущение у Землячки, человека особого характера. Тогда говорили, что это — мужик в юбке. Она была резкой, настойчивой, прямой и неумолимой в борьбе против любых антипартийных проявлений»[2].

Александр Фадеев в Москве привлек внимание Розалии Землячки активной партийной работой и своим покладистым характером. Он добросовестно выполнял все поручения партийного комитета, участвовал в выявлении спекулянтов, проводил разъяснительную и агитационную работу среди населения и рабочих Замоскворецкого завода. Молодой, инициативный коммунист был знаком с руководителями большевистского движения на Дальнем Востоке, что в столице служило рекомендацией его преданности и надежности как члена партии.

---

[1] Женщины русской революции. М.: Политиздат, 1968. С. 562.

[2] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Том 1. — М.: Издательство «Вече», 2016. С. 109.

Юрий Либединский — друг Александра Фадеева в своих воспоминаниях поведал о встрече с Александром Фадеевым перед его отъездом из Москвы: — «Как-то встретились в кино. Саша был со своими товарищами по академии. Он сказал, что оставляет академию и вместе с товарищем Земляч-кой уезжает в Ростов-на-Дону, где будет вести партийную работу. Было это вскоре после смерти Владимира Ильича, и я не удивился: у всех нас смерть Ленина вызвала именно такие настроения — ближе к партии, к народу.

Почему-то мне особенно запомнилась эта встреча. При обычной внешней сдержанности поведения почувствовалось, что он еще молод, по-хорошему молод. До сих пор помню, с каким глубоким уважением проговорил он: «Товарищ Землячка...» В этом выразилось то самое чувство, которое питало наше поколение партийной молодежи к старым большевикам.

Следующий раз мы встретились с А.А. Фадеевым уже летом 1924 года, когда он приехал на совещание пролетарских писателей в Москву. Совещание это, провозгласившее себя конференцией и положившее основу Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), впоследствии видоизменившейся в ВОАПП и в РАПП, проходило довольно бурно.....

Фадеев оформил в Ростове вступление в ряды пролетарской писательской организации, но на конференции он был только лишь внимательным слушателем»[1].

Бывший партизанский командир одного из отрядов Приморья Н. Ильюхов, хорошо знавший Александра Фадеева, который после окончания Гражданской войны учился в Московском институте народного хозяйства и общался с Александром , узнав, что Фадеев бросил обучении в академии, чуть не поссорился с ним.

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 160.

«Однажды в погожий весенний день 1924 года Саша пришел ко мне на Тверскую-Ямскую возбужденный, сияющий. «Еду в Ростов. Пришел к тебе проститься!» — выпалил он. В это время ЦК партии направлял на партийную работу в Ростов Землячку, которая до этого работала в Замоскворечье секретарем партийного райкома. Наш институт и Горная академия входили в состав Замоскворецкого района, и поэтому Землячка знала Сашу по партийной работе очень близко. В Ростове Сашу предполагалось использовать на газетной работе... Я пробовал отговорить его от поездки... Он выслушал мои запальчивые возражения с каким-то обидевшим меня видом, в котором сказывались одновременно и ирония, и снисходительность. Помню, что этот его вид вывел меня из равновесия, и я готов был наговорить ему немало горьких слов. Но дело кончилось миром, так как Саша меня заверил в своем возвращении через год-два вновь в академию»[1].

Александр Фадеев приехал в Краснодар, где работал более полугода на должности инструктора крайисполкома, а с июня до сентября — секретарем райкома партии.

Розалия Самойловна довольна его работой и опекает молодого коммуниста. Александр благодарен ей, регулярно сообщает своему руководителю о событиях партийной и хозяйственной жизни. В марте 1924 года, когда Землячка находится на лечении, Александр Фадеев пишет ей подробное письмо о своей работе и характеризует сотрудников партийного аппарата, докладывая об их отношении к работе, информируя в целом об обстановке в районе. Письмо молодого коммуниста высокопоставленному заслуженному государственному и партийному деятелю содержит оттенок доверительно-родственного отношения. В этом письме Фадеев жалуется на свое здоровье, просит совета по пово-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 401—402.

ду возможности воспользоваться отпуском: «Здоровье мое, увы, совсем пошло на нет. Баранов предлагает в связи с тем, что аппарат райкома в сборе, пойти в отпуск 15 августа, и я чувствую, что это необходимо для меня. Но, с другой стороны, так хочется доделать начатое. Что Вы думаете по этому вопросу? Напишите (по адресу на окружком), как Ваше здоровье и скоро ли думаете выписываться?.. Письма жду с нетерпением.

С коммунистическим приветом Ваш Булыга»[1].

В этот же день Фадеев пишет письмо Исе Дольникову, которое имеет иное содержание о здоровье и настроении, чем письмо Розалии Землячка. В этом письме Фадеев сообщает другу, что разъезжает по городам, купается в реке Кубань, пьет пиво, жарится на солнце и чувствует себя в целом удовлетворительно. Кому же Александр Фадеев пишет истину, своему другу или начальнику?

В письмах Розалии Землячке Александр Фадеев иногда сообщает о своих желаниях и намерениях в дальнейшей работе, которые, как правило, незамедлительно исполняются. После первых публикаций в журнале «Молодая гвардия» своих произведений Александр Фадеев обращается к Розалии Самойловне с письмом:

«Получили ли мое первое письмо с изложением наших «дел и делишек»? Извиняюсь, что данное письмо будет узко личного характера, но у меня есть к Вам одна просьба. В моей жизни появилось новое обстоятельство, заставляющее меня подумать о некоторой «смене вех».

Ещё будучи в Москве, я написал рассказ «Против течения» из времен революции на Дальнем Востоке. Я читал его в группе пролетарских писателей «Молодая гвардия», и встречен был он весьма одобрительно. Потом он был напеча-

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 179.

тан в № 10 «Молодой гвардии» за 23 год и некоторое время спустя отмечен (с хорошей стороны) нашей партийной критикой. Надо сказать, что писал я его урывками, с большим трудом, за недостатком времени, которое, как Вы знаете, было занято учебой и партработой.

В последующее время меня сильно тянуло к дальнейшим писаниям, но времени стало еще меньше (как раз был завален работой). Я начал новую повесть, подвигалась она чрезвычайно медленно.

«Молодая гвардия» предлагала мне перейти в основном на литературную работу, говорила, что я, забрасывая литературную работу, «гублю талант», но я не обращался к партийным организациям с просьбой о некоторой разгрузке, так как партийную работу очень люблю, а что будет в дальнейшем из моих писаний, тогда не знал. Таким образом, я и Вам ничего не говорил о своих литературных занятиях и поехал в Краснодар. Новая повесть моя «Разлив» (из жизни дальневосточной революционной деревни) была постепенно окончена и вышла в Москве в альманахе «Молодогвардеец». Ее встретили тоже хорошо. Показателем успеха обоих произведений служит то, что издательство «Молодая гвардия» сразу же купило их для издания отдельной книгой в количестве 5—8000 экземпляров. Кроме того, журнал «Октябрь» предложил мне продать ему ещё не написанную мною, а находящуюся в проекте повесть «Таежная болезнь», от нескольких журналов поступило приглашение в сотрудники и еще целый ряд фактов, указывающих, что, очевидно, не только большое желание, но и способности к этому делу у меня имеются. Нечего и говорить о том, что та партийная работа, которую я теперь веду, не дает мне, несмотря на очень большую тягу, возможности заниматься своими писаниями. Я много думал над этим вопросом. Я всегда считал (и это мнение мое подтверждено партией в резолюциях XIII съезда

о печати) литературу очень важным явлением в жизни и до сих пор держусь того мнения, что овладеть ею в процессе революционной борьбы для пролетариата совершенно необходимо.

Я посоветовался по этому вопросу с Барановым. Он прочел мои произведения — они ему понравились, и прочел некоторые отзывы критики обо мне, и вместе с ним мы пришли к выводу, что мне нужно в основном налечь на литературную работу. Наиболее приемлемым и удачным, гарантирующим от отрыва от партии и масс, было бы мне перейти на работу в «Отдел рабочей жизни» какой-либо московской газеты. Связь через рабкоров с крупнейшими предприятиями и с рабочей массой, повседневное знакомство с мировыми и союзными событиями — все это дало бы возможность чувствовать ежедневно пульс нашей советской жизни, и между моей склонностью к литературной работе и данной работой в газете не было бы противоречия.

Таким образом, просьба моя сводится к тому, чтобы Вы посодействовали моему откомандированию в Москву и помогли через ЦК перейти на газетную работу. Точка.

Как провели Вы отпуск и поправились ли? Справедливы ли слухи, ходящие в Краснодаре, что Вас отзывают в Москву? Имеете ли письма оттуда? Меня тут все забыли, и я ничего не знаю, что и где делается. Большущий Вам привет от Баранова, Бурнаева и др.

Ваш Александр Булыга».

Проходит немного времени, и он сообщает Землячке об изменении места его работы.

7 октября 1924 года.

«Дорогая Розалия Самойловна!

Получил назначение заведующим отделом партийной жизни в «Северном Юге». Это меня удовлетворяет; знако-

мая и интересующая меня область, и, кроме того, очевидно, останется время для литературных занятий. Во всяком случае, я с жаром принялся за новую работу — сейчас поехал по краю наладить связь с местами. Жду не дождусь, когда смогу побеседовать с Вами в Москве, в частности, о пленуме ЦКК.

Надеюсь, что в будущем почерпну у Вас немало, чтобы вдохнуть «живую душу» в свой отдел в газете: считаю, что это один из важнейших отделов, вернее должен быть таковым, но нигде (даже по-моему, в «Правде») до надлежащей высоты не дошел.

В Краснодаре все по-старому, как я Вас информировал. К Баранову приходил Рязанов, говорит, что не может сработаться с Нейбахом. Баранов показывал мне изданное Синюковым воззвание к сельхозналогу, в стиле комбедов восемнадцатого года.

Тихоречане здоровы, им (то есть Синюковым) не довольны. Говорят у него порядочная эрудиция, но ужиться с ним трудно, а «низы» — так просто его боятся.

Помимо газетной работы, я надеюсь, кое-что посмотреть на местах в части партийной работы и по приезду расскажу Вам свои впечатления. Всего хорошего. Булыга»[1].

И вот Александр Фадеев заведует отделом партийной жизни газеты «Советский юг» города Ростова-на-Дону. О его работе в газете, в своих воспоминаниях, рассказывает Павел Максимов, заведующий отделом рабочей жизни этой газеты. Он вспоминает, как Александр Фадеев пришел в редакцию газеты в сентябре 1924 года и, представившись, предъявил документы о своем назначении на работу, где он значился как Александр Булыга. Жил Булыга-Фадеев в комнате

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 180—182.

здания, где размещалась редакция газеты, на пятом этаже. Вскоре он подарил Максимову свою первую книгу «Против течения», а затем дал для прочтения ему московский альманах «Молодогвардейцы», в котором была опубликована его повесть «Разлив». Этот альманах у Булыги-Фадеева был в единственном экземпляре, и он, как молодой писатель, дорожил им.

Сотрудник газеты «Советский юг» Г.И. Петров совместно с Александром Фадеевым работал в редакции газеты и восторженно отзывался о нем: «За принципиальность, настойчивость и умение правильно решать самые трудные вопросы редакционной жизни коллектив редакции единодушно избрал Фадеева своим профсоюзным вожаком, он был председателем месткома редакции в 1925—1926 годах. Я тогда избирался секретарем месткома, и у меня до сих пор ярко встает в памяти образ неутомимого организатора ростовских журналистов Саши Булыги-Фадеева...

Особенно заботливо относился Фадеев к политическому и культурному росту коллектива журналистов. Он тщательно изучал каждый номер газеты, и поэтому его выступления на редакционных летучках и собраниях были содержательны и интересны, и их всегда слушали с огромным вниманием»[1].

Павел Максимов, вспоминая о А.Фадееве, пишет: «... Громадное значение для молодого писателя А. Фадеева имело то, что он работал в Ростове под непосредственным и повседневным руководством крайкома партии и, в частности, старой коммунистки, соратника В.И. Ленина — Р.С. Самойловой-Землячки; она часто вызывала его в крайком и беседовала с ним по вопросам его работы в газете. Как сотрудник газеты, которая была органом крайкома партии, и как зав.

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 457—458.

отделом партийной жизни этой газеты А. Булыга (Фадеев) бывал на всех краевых съездах, конференциях, городских совещаниях, партсобраниях и т.д. и принимал участие в их подготовке и в освещении их в печати.

Сотрудникам редакции «Советского юга» было известно, что проекты резолюций многих краевых съездов, различных конференций, совещаний были, по поручению крайкома партии, написаны А. Булыгой. Да и сам я помню, как Ал. Булыга (Фадеев), придя в редакцию в отдел партийной жизни, спешно правил текущий материал своего отдела, сдавал его в набор и тотчас уходил к себе в комнату на пятом этаже и озабоченно говорил мне при этом, что идет подготовить проект резолюции какого-либо происходившего тогда съезда — по поручению крайкома. Часто он, уходя из редакции, говорил, что идет в крайком, вызывает тов. Землячка.

Невозможно здесь же не сказать об исключительно внимательном, заботливом отношении со стороны секретаря крайкома А.И. Микояна и Р.С. Землячки ко всей, тогда еще очень молодой, ростовской писательской организации и к отдельным молодым ростовским писателям»[1].

Анастас Иванович Микоян, рожд. 1895 года. Деятель Коммунистической партии и Советского Союза, член Президиума ЦК КПСС, первый зам. Председателя Совета Министров СССР. В Коммунистическую партию вступил в 1915 году. В 1917—1918 гг. на руководящей партийной работе в Закавказье. В 1918 году арестован интервентами, сидел в тюрьме. В 1919—1920 гг. возглавлял Бакинскую партийную организацию. С 1920 по 1922 год руководил Нижегородской партийной организацией. С 1922 по 1926 год являлся секретарем Юго-Восточного бюро ЦК партии (Ростов-на-Дону), затем был секретарем Северо-Кавказского крайкома

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 472.

ВКП(б). С 1926 года — народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР. С 1930 года — нарком снабжения. В 1934—1938 гг. — нарком пищевой промышленности СССР. С 1922 — кандидат в члены ЦК РКП(б), а с 1923 года — член ЦК РКП(б). С 1926 года — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а с 1935 года — член Политбюро ЦК ВКП(б). С 1937 по 1946 год — зам. Председателя Совнаркома СССР и одновременно (с 1938 по 1946 год) нарком внешней торговли. В 1942—1945 гг., — член Государственного комитета обороны. С марта 1946 года — зам. Председателя Совета Министров СССР и одновременно (с 1946 по 1949 год) министр внешней торговли СССР и министр внутренней и внешней торговли СССР. С сент. 1953 года — министр торговли СССР. С марта 1955 года — первый зам. Председателя Совета Министров СССР. Герой Социалистического труда (1943)[1].

«В скором времени по приезде в Ростов Александр Фадеев вошел в Ростовскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП), насчитывавшую тогда всего один год своего существования.

Работая в редакции «Советского юга», зав. отделом партийной жизни, организуя и правя материал для этого отдела и для журнала «Лава» и проводя другую большую работу, Фадеев в то же время, по вечерам, писал у себя в комнате на пятом этаже свою повесть «Разгром» (позже он назвал её романом). Конечно, такое совместительство было трудным. Но потом ему дали помощника по отделу партийной жизни. После этого Фадееву стало легче. ...Конечно, это была большая помощь ему со стороны крайкома партии, А.И. Микояна и Р.С. Землячки: они создали ему возможность писать «Разгром».

Но этим их помощь не ограничивалась.

---

[1] Малая советская энциклопедия. Том 5. — Москва, 1959. С. 1260—1261.

На одном из заседаний бюро крайкома был обсужден вопрос о литературном движении в крае и о пролетарских писателях. ...было принято решение о предоставлении творческого отпуска молодым ростовским писателям А. Фадееву, А. Бусыгину и Гр. Кацу, с выдачей каждому из них по сто рублей в месяц (для того времени это были немалые деньги).

Через некоторое время в Ростове происходил какой-то краевой съезд или конференция. В числе делегатов в Ростов на съезд приехали Бетал Калмыков и другие руководители Кабардино-Балкарии, и в крайкоме партии с ними договорились, чтобы они предоставили А. Фадееву, А. Бусыгину и Гр. Кацу дачу под г. Нальчиком, в курортной местности — на хуторе Долинском.

Фадеев, Бусыгин и Кац прожили в Нальчике все лето 1925 года, на одной даче, и каждый из них писал в своей комнате каждый день, регулярно, определенное число часов: пример этой каждодневной регулярной работы подавал товарищам Фадеев...

Летом следующего 1926 года этот творческий отпуск (на два месяца) А. Фадееву, А. Бусыгину и Гр. Кацу был повторен. На этот раз Фадеев жил с начала июля на «исполкомовской» даче и продолжал там работать над «Разгромом», а А. Бусыгин и Гр. Кац жили на другой даче.

Итак, А.И. Микоян и Р.С. Землячка помогли Фадееву созданием бытовых условий для его творческой работы. На этом их помощь не ограничилась. Бывший секретарь Р.С. Землячки, ныне писатель М.Д. Соколов рассказывал мне, что Булыга (Фадеев) очень часто бывал в крайкоме и по мере написания новых глав «Разгрома» передавал их Землячке, она читала их, потом делилась с автором своими впечатлениями от прочитанного и, вероятно, также своими замечаниями, советами, пожеланиями. Затем, как вспоминает М.Д. Соколов, Фадеев передал Р.С. Землячке все написанные им в Ростове главы целиком, и она вновь

перечитала всю рукопись. По словам М.Д. Соколова, ни одна из глав «Разгрома» не была опубликована без предварительного ознакомления с нею Р.С. Землячки.

Имя Р.С. Землячки Фадеев всегда произносил с великим уважением и любовью, как имя родной и любимой матери, но говорил о ней мало, бережно, скупо, как о самом дорогом и заветном, о чем можно говорить не с каждым.

В конце 1926 года мы провожали А. Фадеева на ростовском вокзале. Он уезжал от нас в Москву. Роман «Разгром» еще не был закончен им. Помнится, ростовские товарищи говорили, что последние главы он писал уже в Москве»[1].

В 1925 году главы из романа А.Фадеева «Разгром» были опубликованы в центральных журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия» и были сразу замечены критикой, с положительными отзывами.

Незадолго до своего отъезда из Ростова в Москву А. Фадеев был назначен заведующим отделом печати в крайкоме партии.

Павел Максимов в своих воспоминаниях приводит интересные слова Александра Фадеева о своем творчестве, сказанные ему на прощание на ростовском вокзале:

«— Вот и критики пишут о моем романе «Разгром», что он написан талантливо, обращает на себя внимание, и тому подобное. А я не раз думал о себе — есть ли у меня талант, и прихожу к заключению, что я беру не талантом, а усидчивостью и мозгом: упорно, многими часами, сижу, как пришитый, на стуле, за письменным столом, и мысленно, в мозгу, десятки раз поворачиваю одну и ту же фразу и так, и этак, подхожу к ней со всех сторон, — и вот таким, чисто мозговым, мысленным путем нахожу, наконец, самую лучшую фразу.

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 127—156.

И я чувствую себя сейчас будто стоящим на вершине высокого столба, некоей колонны, на маленькой площадке, и вот-вот сорвусь, полечу вниз и разобьюсь. Тогда подбегут люди, посмотрят на меня, лежащего на мостовой, и разочарованно скажут: «Так это и есть А. Фадеев? А мы думали, что он писатель...»[1]

Сомнительно, что П. Максимов мог дословно запомнить диалог А. Фадеева на ростовском вокзале, но то, что Фадеев работал над своими произведениями долго и терпеливо, несомненно. Он не бросал работу над задуманными произведениями и терпеливо пытался довести их до совершенства в течение многих лет. До последних дней жизни А. Фадеев работал над романом «Последний из удэге». Он, по воле Иосифа Сталина, переписал роман «Молодая гвардия», хотя навряд ли кто из писателей согласился бы на это. Александр Фадеев периодически возвращался к роману «Черная металлургия», но, потеряв первоначальный настрой к теме, так и не закончил его. Упорства и целеустремленности у Фадеева было достаточно, как и умения оценивать сложившуюся обстановку и принимать правильные решения для достижения поставленной цели в жизненных ситуациях.

Павел Максимов описывает случай, когда он, желая заняться любимым делом, решил освободиться от должности технического секретаря в редакции газеты и подал заявление об увольнении Александру Фадееву. Фадеев, выполнявший в то время обязанности редактора газеты «Советский юг», приняв заявление, сказал: «... — мне, конечно, ничего не стоило написать на твоем заявлении «согласен» и освободить тебя от занимаемой должности. Идти пешком по деревням — это очень интересно. Оно, конечно, заманчи-

---

[1] *А. Фадеев.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 502—503.

во — стать «свободным художником». Но ведь без твердой зарплаты, на одном «подножном корму», на гонораре — ты же пропадешь! И заморишь семью. Хорошо ли ты обдумал свой рискованный шаг?»[1]

В 1926—1927 годах председателем Ленинградского правления издательства «Прибой» был писатель Марк Сергеев, который в воспоминаниях «Как был издан роман «Разгром» пишет: «В 1926 году сменился по инициативе С.М. Кирова руководящий состав старейшего партийного издательства «Прибой». В числе новых работников был приглашен заведовать литературно-художественным отделом издательства писатель М.Л. Слонимский.

Сотрудник отдела печати горкома ВКП(б), ...А.И. Зонин, беседуя с М.Л. Слонимским о работе «Прибоя», просил его обратить внимание на имеющуюся в издательстве интересную, по его мнению, рукопись А.Фадеева «Разгром».

Принимая дела литературно-художественного отдела, М.Л. Слонимский нашел незаконченную повесть А. Фадеева, дал о ней прекрасный отзыв и запросил автора, работавшего в ту пору в газете «Советский юг» (Ростов-на-Дону), относительно ее окончания.

А. Фадеев ответил, что он обременен различными «нагрузками», но при первой возможности закончит повесть.

Затем, в одну из поездок М.Л. Слонимского в Москву по делам издательства, состоялось свидание его с Фадеевым в московском отделении «Прибоя», а вскоре пришло и окончание рукописи. Последняя была сдана в производство и вышла в 1927 году в предпринятой издательством серии «Новинки пролетарской литературы»[2].

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 501.

[2] Там же. С. 519.

Партийный аппарат при продвижении нужных людей работал без сбоев, а Фадеева знали и продвигали.

Возвращение в Москву

Просьба Александра Фадеева, направленная Розалине Землячке о переводе в столицу, была решена положительно.

Александр Фадеев, вернувшись в столицу, поселился в одноэтажном доме в Сокольниках и вскоре уже будет вхож в кабинеты Кремля и иметь возможность встречаться с И.В. Сталиным.

У Александра Фадеева было в характере нечто особое, что помогало ему достигнуть огромных высот в своей карьере, — это умение находить покровителей среди руководства и заслужить их доверие. От молодого активиста-партийца на Дальнем Востоке он стремительно дорос до крупного литературного руководителя.

Будучи в Москве, он не прерывал связь с Розалией Самойловной, что подтверждается перепиской, опубликованной в различных печатных изданиях.

«Дорогая Розалия Самойловна!

Простите, что я невольно обманул Вас. Я был наездом из дома отдыха ЦЕКУБУ, сообщение с ним автомобилем и очень нерегулярное. Когда я сговаривался с Вами, предполагалось, что машина пойдет обратно на следующий день, а оказалось, что в этот же, в восемь часов, — я узнал это слишком поздно и не смог поймать Вас по телефонам, чтобы предупредить (а остаться — означало бы, что до новой машины два дня пропадут в Москве). Надеялся было встретиться с Вами в следующий приезд, в среду 27 ноября, но у Вас был выходной день, с квартиры никто не ответил, а к 5 часам я снова должен был уехать. В конце концов решил Вам написать.

...Я чувствую в ячейке какое-то неблагополучие: важнейшие вопросы тянутся по неделям, не будучи разрешены; недавно — это было в конце Пленума ЦК, и Вас не было на этом собрании — стоял вопрос о внутрипартийном положении, и чувствовалось, что в части ячейки есть скрытые правые настроения; один товарищ (О.) более или менее ясно их даже высказал, а со стороны всего собрания чувствовалась какая-то пассивность; может быть, слаб все-таки Г.? может быть, лучше был бы, например, К.? или все дело в том, что неблагополучно у них на производстве и надо где-то решительно ставить вопрос о снятии И.?

Беспокоит меня также то, что в создавшихся условиях, когда положение на литературном фронте довольно острое, сил наших еще мало... Может быть, нельзя совсем бросать это? Значит, придется, возвратившись в город (это будет через две, максимум через три недели), снова впрягаться в литературные дела и, значит, вновь узаконить тот поистине рабский темп своей творческой работы, который на фоне гигантского строительства, развертывающегося по всей стране, недопустимо жалок, — ведь попросту ничего существенного не успеешь написать, а ведь именно писанием я смогу наибольшую пользу принести партии.

Обрабатывая «Последнего из удэге», я фактически уже весь полон «Провинцией», думаю только о ней. Жизнь внесла в этот роман «поправки», которым можно только радоваться — величайшее колхозное движение и индустриализация, — от старого замысла остались только фигуры-типы, фактическое же обрамление их, поле их деятельности, развитие их невероятно углубляются и расширяются. Когда я все это успею сделать?!

Какие условия, формы работы (в смысле сочетания писательской и общественной работы) наиболее правильны, благоприятны, партийно целесообразны здесь? Сколько ни

думаю над этим, прихожу к выводу, что мне нужно вовсе, на год, на два, уехать из Москвы (конкретно — на Северный Кавказ, в связи с «Провинцией») и вообще больше жить в провинции, больше смотреть, больше участвовать в строительной работе, преобразующей страну. Но как это сделать? Я знаю, что вся наша организация будет решительно против моего отъезда. АПО ЦК, вероятно, тоже будет против такого длительного отъезда. С другой стороны, не встречусь ли я в провинции с меньшим пониманием моей писательской работы (помните, как относились к писателю на Северном Кавказе все, кроме Вас и Микояна), не получится ли так, что меня тоже чрезмерно нагрузят там чем-нибудь посторонним? Когда Вас уже не было на Северном Кавказе и я работал в отделе печати крайкома, меня выдвинули еще редактором «Советского Юга». Я, мотивируя тем, что пишу роман («Разгром»), просил не давать этой добавочной нагрузки, но Чудов стал кричать, что ежели партия потребует, то можно и «бросить романы». Как будто я писал себе в забаву! Как будто на место писателя так же легко найти заместителя, как на место редактора! Обо всем этом я хочу посоветоваться с Вами и, если потребуется, просить Вашей помощи в деле отъезда (может быть, Вы сведете меня с Андреевым, чтобы он обеспечил мне возможность основной моей работы, когда я буду на Кубани?). Если ЦК не будет возражать, я выеду туда незамедлительно после возвращения из дома отдыха.

Простите еще раз, что невольно обманул Вас тогда по телефону и что занял собой такое длинное письмо, отняв у Вас время. Всегда с любовью и благодарностью вспоминаю о Вас.

Привет Марии Самойловне.

Ал. Фадеев.

Декабрь 1929 года»[1].

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 188—191.

Данное письмо 28-летнего Фадеева 53-летней деятельнице государственного масштаба в СССР не вызывает сомнения в том, что Розалия Самойловна благосклонно относилась к молодому коммунисту, хотя о ее жестокости ходили невероятные слухи.

Писательница Ольга Грейгъ «Долой стыд!» приводит примеры этой деятельности:

«Уже будучи секретарем Крымского обкома, комиссар 13-й армии красных своими решительными действиями на базе особых отделов армии создала Крымскую ВЧК. Это под ее руководством зимой 1920-1921 годов была развернута чудовищная и еще невиданная по масштабам кампания террора против оставшихся тут жителей, солдат и офицеров Белой армии.

Войдя в Симферополь и Севастополь, чекисты вылавливали людей и свозили всех в симферопольскую тюрьму. Рассказывают, что любительница экзекуций, Розалия Самойловна, эта профессиональная революционерка, чьим именем впоследствии назовут улицы разных советских городов (что войдет в практику, и даже целые города поименуют в честь многих революционных и партийных деятелей новейшей советской эпохи), лично участвовала в казнях, а когда уставала, усаживалась в резное кресло... Усевшись в кресло и ухватившись за подлокотники, вырезанные в виде львиных голов, вдавив голову с копной черных с проседью волос в резную монограмму, она делала передышку, приказав вести допросы своим чекистам Лабусу и Шейману.

Детали этих допросов и пыток невозможно воспринимать без содрогания.

В одном из своих рапортов-телеграмм она сообщала: «Мною в Крыму выявлено 300 тысяч буржуазии и почти 200 тысяч женщин, сотрудничавших с буржуями (жены, любовницы, сестры и матери). Это источник шпионства, спеку-

ляции и всякой помощи капиталистов. Но мы их не боялись и расстреляли всех».

В другой телеграмме Троцкому и Ленину она сообщала, что в массовом истреблении буржуев и недобитых белогвардейцев ей активно помогает председатель Крымского ВРК Бела Кун. Это он предложил ей во всеуслышание объявить, что все оставшиеся белые офицеры обязаны зарегистрироваться, а те, кто не явятся на регистрацию, будут объявлены советской властью вне закона и расстреляны.

...А тогда, по наущению Бела Куна и по требованию Землячки многие из оставшихся офицеров явились, как было указано. Их разместили недалеко от Симферополя, в скотобойне, где и расстреляли из пулеметов. Среди тысяч расстрелянных были не только офицеры, но и инженеры, бухгалтера, учителя, врачи.

...Причем по инициативе Землячки, экономившей чисто по-женски патроны, огромное количество людей было утоплено в море с камнями, привязанными к ногам. В хорошую погоду долго еще были видны мертвецы, стоящие рядами, как если бы в военном строю...»

«Бела Кун, после разгрома Врангеля заправлявший на пару с Розалией Землячкой усмирением Крыма путем террора и организованного голода, в какой-то момент вынужден был скрываться. Он нашел прибежище в доме у недавно вернувшегося в Крым из-за границы Максимилиана Волошина. В награду за укрывательство «красного вождя» Волошину был при советской власти сохранен дом и обеспечена относительная безопасность. В благодарность поэт передаст жилище советской власти, превратив его в Дом творчества»[1].

В книге «Белый и красный террор в России 1918—1922 гг.» содержатся сведения о расстреле 1634 человек, из

---

[1] *Грейг О.* «Долой стыд!». Сексуальный Интернационал и Страна Советов. — М.: Алгоритм, 2014. С. 169—172

которых 278 были женщины, через два дня еще о расстреле 1202 человек, среди которых 88 женщин. Данные расстрелы проведены по инициативе Бела Куна и Розалии Землячки. За свои злодеяния Бела Кун и Розалия Землячка награждены правительственными наградами[1].

Навряд ли кто-то сможет объяснить причины тесной дружбы Александра Фадеева и Розалии Землячки, разных по возрасту и жизненному опыту, но то, что они очень доверяли друг другу, очевидно из их переписки.

Вот и сейчас пожелания и высказывания Александра Фадеева в письме Розалии Землячке сбылись, и вскоре он зачастил на отдых на Северный Кавказ, где его встречали с почестями высокопоставленные лица, чему восхищались, вспоминая эти поездки, его друзья, сопровождающие Фадеева, описывая отдых и охоту на природе. Однако если вспомнить эти годы, то людям жилось трудно и голодно, после революции, Гражданской войны и интервенции иностранных войск. Страна зализывала свои раны.

Александр Фадеев начал сбор материала для нового романа «Провинция». О своих планах он поведал редакции журнала «На литературном посту». В данном романе он хотел показать жизнь обновленной провинции, где под руководством коммунистической партии проснулась активность всех слоев населения. Однако осуществить свой замысел о создании этой книги Фадеев не смог.

Обосновавшись в Подмосковье, которое в те годы было глухим, тихим уголком, куда было неудобно добираться из центра Москвы, Александр Фадеев вызвал с Дальнего Востока мать Антонину Владимировну, затем сестру Татьяну Александровну с дочкой. В этот период Александр был же-

---

[1] *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. — М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 105—106.

нат, его жена, Валерия Анатольевна Герасимова, увлекалась литературой и писала книги. Она имела педагогическое образование и некоторое время работала по своей специальности в Ярославле. В этот период Александр Фадеев более тесно сдружился с Юрием Либединским, который знал жену Александра, Валерию Герасимову, с детства. Кроме того, Либединский был женат на сестре Валерии Герасимовой, Марианне Герасимовой.

В книге «Женщины-чекистки» есть упоминание о жене Александра Фадеева и ее сестре Марианне. Отец Герасимовых, будучи журналистом, встал на путь революционной деятельности и был сослан в Сибирь: «Валерия, уже в двадцать лет начала литературную деятельность с публикации своей повести «Ненастоящие» в журнале «Молодая гвардия»... Будучи женой Александра Фадеева с 1925 по 1932 год, она находилась в центре литературной жизни страны».

Ее старшая сестра Марианна вступила в ряды РКП(б) в восемнадцать лет.

«В реорганизованные органы государственной безопасности Марианна Анатольевна Герасимова пришла в 25-летнем возрасте. Она была назначена на самую маленькую должность — помощник уполномоченного Информационного отдела ОГПУ СССР. Обладая качествами лидера, широким кругозором и удивительной самостоятельностью, Марианна продвигалась по служебной лестнице успешно. В 1927 году она стала помощником начальника отделения ИНФО, а в следующем году — начальником этого отделения.

В 1931 году Герасимову назначили начальником отделения Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ. Данное отделение занималось изучением процессов, происходивших в творческой среде (литература, театр, кино, печать и т.д.)

Вообще говоря, Марианна Анатольевна не понаслышке знала о положении в литературных кругах. Она была первой

женой известного русского советского писателя Юрия Николаевича Либединского»[1].

Марианна Герасимова была арестована в 1939 году и осуждена на пять лет лагерей. После отбытия срока ей запретили жить в Москве и отправили жить в Александров, где она в 1944 году на почве психического заболевания покончила с собой[2].

Либединский жил недалеко от дома Фадеева, и они много времени проводили вместе. Там же снимали дачу друг детства Александра Фадеева, Яков Голомбик и его сестра. Всех их кроме литературных интересов связывали родственные и дружеские отношения. В этот период Фадеев работал над новым романом «Последний из удэге».

В августе 1927 года на роман Александра Фадеева «Разгром» обратил внимание Максим Горький, о чем написал Сергею-Ценскому и В. Фриче. Горький сделал несколько положительных заявлений по поводу таланта молодого писателя. Действительно в литературных кругах роман «Разгром» был воспринят как значительное явление. Максим Горький рекомендовал своим знакомым обязательно его прочитать. Хорошо роман был воспринят и читателями, так как он читался легко, с интересом. Роман переиздавался большими тиражами и стал переводиться на иностранные языки.

---

[1] *Бережков В.И., Пехтерева С.В.* Женщины-чекистки. — СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2003. С. 153—160.

[2] *Игнатов В.Д.* Палачи и казни в истории России и СССР / В.Д. Игнатов. — М.: Вече, 2013. С. 387.

Глава 3. ПАРТИЯ И ЛЮДИ

Святополк-Мирский и Фадеев

В жизни людей много непредвиденных событий и знакомств. Так получилось, что творчество Александра Фадеева в какой-то мерее сыграло роковую роль в судьбе сына губернатора ряда городов России, министра внутренних дел царского правительства Петра Дмитриевича Святополк-Мирского, князя Дмитрия Петровича Святополк-Мирского.

Дмитрий Петрович, будучи филологом, в 1911 году выпустил сборник стихов. В этом же году он поступил на военную службу и был зачислен в кавалерию. Капитан царской армии, в годы Гражданской войны служивший в деникинской армии, он после разгрома белых войск эмигрировал за границу. Находясь в Афинах, Д.П. Святополк-Мирский написал серию очерков о русской литературе. Английский писатель М. Беринг, хорошо знавший Д.П. Святополк-Мирского, помог ему найти работу на литературном поприще в Англии. С 1922 года Дмитрий Петрович работает в Школе славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета в качестве доцента истории русской литературы. Здесь он выпускает ряд книг — «Пушкин», «Современная русская литература: «1881—1925», «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского», «Ленин». Эти работы обеспечили Святополк-Мир-

скому положение ведущего историка русской литературы за рубежом. Он вступил в ряды коммунистической партии Великобритании и одобрил революцию в России.

Об изменении своих взглядов Д.П. Святополк-Мирский писал: «Чтобы выбраться из этих джунглей навстречу светлым лучам марксизма, потребовались время и помощь. Помощь пришла ко мне по трем направлениям. Первым источником ее была опять-таки советская литература, в которой пролетарские произведения стали вытеснять писания полубуржуазных писателей первого периода НЭПа. Особенно полезной оказалась для меня книга «Девятнадцатый» («Разгром». — *Примеч. авт.*) Фадеева (в английском переводе Мартина Лоуренса). Она явилась для меня откровением в смысле раскрытия умонастроения и этического уровня коммунистических бойцов. Личное знакомство с Максимом Горьким, которого я посетил ранней весной 1928 года в Италии, тоже произвело на меня мощное впечатление»[1].

В декабре 1930 года Дмитрий Петрович обращается к Максиму Горькому об оказании ему помощи в получении советского гражданства. 1 сентября 1931 года ЦИК СССР своим решением представил Д.П. Святополк-Мирскому советское гражданство. В 1932 году он прибыл в СССР. На родине Дмитрий Петрович окунулся в литературную работу, был принят в Союз писателей. Святополк-Мирской находился среди 120 писателей, присутствующих на открытии Беломоро-Балтийского канала вместе со Сталиным и Горьким, он посещает Магнитку и восторженно пишет о преобразовании Страны Советов.

Д.П. Святополк-Мирский в октябре 1932 года знакомится с писателем Л.Л. Авербахом, занимающим руководящее место в ассоциации пролетарских писателей и попадает под его влияние.

---

[1] *Бирюков А.М.* Колымское триединство. Часть первая — «Последний Рюрикович». — Магадан: МАОБТИ, 2001. С. 39.

Леопольд Леонидович Авербах — литературный критик, занимал руководящие посты в ЦК комсомола. По рекомендации Троцкого был назначен редактором журнала «Молодая гвардия», был редактором «Уральской газеты» и других журналов. Один из основателей и руководитель РАПП, до ареста и расстрела в 1937 году находился на партийной работе.

Будучи арестованным в марте 1937 года, Д.П. Святополк-Мирский на допросе дал следующие показания: «Активной стороной хороших взаимоотношений с Авербахом, являлся последний. Мне казалось, что Авербах ко мне относился лучше всех писателей-коммунистов. Через некоторое время после знакомства с Авербахом я видимо всецело попал под его политическое влияние. Авербах систематически приглашал меня к себе, льстя мне, изучал меня и всячески старался показать свой политический авторитет в моих глазах. Далее Авербах занялся политической обработкой меня и в моих глазах старался показать себя на сто проц. большевиком. Значительно позднее я понял, что Авербах не является тем большевиком, каким он старался показать себя в моих глазах».

«Никакой к-р работы по заданию Авербаха я не проводил. По уговору авербаховцев Ясинского и Карабальникова я написал статью о «Последнем из удэге» Фадеева, которая заключала в себе грубо несправедливую оценку Фадеева»[1].

В книге А. Бирюкова «Колымское триединство» рассказывается о трагической судьбе Д.П. Святополк-Мирского, закончившего жизненный путь на Колымской зоне.

А. Бирюков полагает, что задание Л. Авербаха написать критическую статью на произведение Александра Фадеева «Последний из удэге» и рецензия Д. Святополк-Мирского явились причиной ареста Святополк-Мирского.

---

[1] *Бирюков А.М.* Колымское триединство. Часть первая — «Последний Рюрикович». — Магадан: МАОБТИ, 2001. С. 101—102.

А. Бирюков пишет: «Критик чрезвычайно резко обошелся с романом А. Фадеева. Более того, он как бы вообще зачеркнул прежние заслуги автора (вспомним, как высоко оценил тот же Мирский «Разгром» в статье «Почему я стал марксистом», опубликованной в «Дейли Уоркер» лишь три года назад) перед советской литературой: "Вырастая вместе с эпохой, советская литература достигла своего нынешнего высокого уровня без участия Фадеева. Чтобы подняться до этого уровня, Фадееву предстоит огромная работа, и едва ли не первым шагом в этой работе будет признание «Последнего из удэге» художественной ошибкой"»[1].

22 июля 1934 года в «Литературной газете» напечатана передовая статья «Съезд писателей и задачи критика». В этой статье указано, что «Литературная газета» признала свою ответственность за публикацию ошибочного утверждения о Александре Фадееве, высказанного в резком заявлении Святополк-Мирского.

23 июля 1934 года уже в партийной газете «Правда» критик-философ П.Ф. Юдин опубликовал статью «О писателях-коммунистах», в которой указал, что Александр Фадеев является выдающимся писателем, а «Статья некоего Д. Мирского в «Литературной газете»... является безответственной выходкой человека, которому равно ничего не стоит выбросить талантливого пролетарского писателя из литературы. Так легко может сводить счеты с писателем тот, кто не болеет за советскую литературу».

Однако Максим Горький поддержал Д. Святополк-Мирского, опубликовав 24 января 1935 года в газете «Правда» статью «Литературные забавы», в которой заявил: «Дм. Мирский разрешил себе появиться на земле от родителей-дворян, и этого было достаточно, чтобы на него закричали: как может

---

[1] *Бирюков А.М.* Колымское триединство. Часть первая — «Последний Рюрикович». — Магадан: МАОБТИ, 2001. С. 105.

он, виноватый в неправильном рождении, критиковать книгу коммуниста?.. Следует помнить, что Белинский, Чернышевский, Добролюбов — дети священников, и можно назвать не один десяток искренних и крупных революционеров, детей буржуазии, которые вошли в историю русской революции как честнейшие бойцы, верные товарищи Ильича»[1].

Будучи арестованным в 1937 году, из крепких рук НКВД Святополк-Мирский уже не вырвется на свободу. Его обвинили в том, что он лично был связан с Троцким, поддерживал связь с участниками антисоветской, троцкистской организации, был белогвардейским офицером и воевал против красных и проводил работу против СССР. Однако среди его близких и знакомых бытует мнение, что на его судьбе отразилась и оценка творчества Александра Фадеева, которого опекали некоторые члены ЦК ВКП(б).

Автор книги «Колымское триединство» уверен, что «и не был Мирский одинок в своей критике А. Фадеева и его не самого, может быть, удачного произведения. Означало ли это, что все активные критики того времени, немало чего допускавшие в своих статьях друг против друга и против замечательных (для других) советских писателей, в том числе и А. Фадеева, должны были быть арестованы? Вряд ли. Хотя и арестовывались — и те, кто был «за» Фадеева, и те, кто был «за» Авербаха, и те, кто были ни за того ни за другого и даже ни за третьего... В этом свете критическая статья Д. Мирского (а мало ли кому из тогдашних светил в его статьях доставалось?) не представляется мне возможной причиной для той злодейской расправы над ним. Тем более что у его литературных оппонентов было достаточно сил, чтобы поставить зарвавшегося «некто» на место»[2].

---

[1] *Бирюков А. М.* Колымское триединство. Часть первая — «Последний Рюрикович». — Магадан: МАОБТИ, 2001. С. 105—106.

[2] Там же. С. 123.

Одним из писателей, откликнувшихся на критику Святополк-Мирского, была Мариэтта Шагинян, по этому случаю она высказалась в декабре 1970 года на торжественном заседании, посвященном памяти А. Фадеева:

«...в это время появляется в «Литературной газете» статья некоего Мирского — человека образованного, но далекого от советской действительности. Эта статья, рожденная глубоким непониманием и нашей обстановки, и того, куда мы должны развиваться, утверждала, что Фадеев как писатель уже законченное явление; что он и его роман «Последний из удэге» как бы выпали из советской литературы, и советская литература развивается дальше — уже без Фадеева. Мы бурно реагировали на нее. Фадеев был для нас не только писателем, но и партийным руководителем. Но когда «Правда» напечатала редакционную статью, где резко и категорично выступила в защиту Фадеева, — мнения разделились.

Я в то время была беспартийная и наполненная старым интеллигентским хламом. Я страшно возмутилась тем, что писатель берется под защиту «Правдой», как бы в официальном, правительственном порядке, и тот час написала реплику, что нельзя административными мерами защищать писателя от критики, писатель должен сам защищаться своей литературой, а критика и писание должны быть свободными. Реплику напечатали.

...На этом, однако, дело не закончилось.

Когда я пришла в редакцию «Правды», негодующая на мой «разнос», мне совершенно неожиданно показали уже в гранках набранную в мою защиту статью Горького. Начиналась она словами: «Права Шагинян, когда...» Статью набрали, но не напечатали, она хранится в горьковском архиве.

...Так вот, товарищи, если бы мне пришлось сейчас отвечать на эту статью Мирского, то я не написала бы свою интеллигентскую труху, а написала бы совсем другое, — я написала

бы, что хотя Фадеев в эти годы и месяцы, кроме «Последнего из удэге», ничего не выдавал на-гора и как будто перестал писать, но он сделал все, чтобы писали мы, писатели, он вложил и душу, и силы, и энергию в нашу коллективную работу»[1].

В ноябре 1939 года следователь ГУГБ НКВД А. Иванов вынесет постановление об этапировании заключенного Святополк-Мирского из Севвостлага на новое следствие, как участника антисоветской организации и шпиона, и о привлечении его в качестве обвиняемого за измену Родине по ст. 58 УК РСФСР. Однако к этому времени заключенного Святополк-Мирского уже не было в живых, он умер в лагере, что спасло его от расстрела. Как бы то ни было, жизнь писателя была обречена. Однако Александр Фадеев долго будет вспоминать о его критике в свой адрес.

По заданию партии

Будучи по распоряжению ЦК ВКП(б) откомандированным из Ростова-на-Дону в Москву для работы в правление Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, Александр Фадеев со свойственной ему энергией включился в эту работу.

29 ноября 1926 года состоялся пленум ВАПП. «В новое бюро правления ВАППа вошли: Л. Авербах, Б. Горбатов, Ф. Гладков, В. Ермилов, А. Жаров, А. Зонин, В. Киршон, Ю. Либединский, М. Лузгин, И. Полосухин, В. Панский, А. Серафимович, А. Сурков, А. Фадеев. Из этой большой группы сложилось ядро нового напостовства — активных постоянных деятелей, которые определяли политику и тактику всего руководства ВАППа, — Л. Авербах, Ю. Либединский, А. Зонин, В. Ермилов, В. Киршон, М. Лузгин, А. Фадеев»[2].

---

[1] *Шагинян М.С.* Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 9: Статьи о литературе и искусстве. Путешествие по Советской Армении/Коммент. Л. Скорино. — М.: Худож. лит., 1989. С. 14—17.

[2] *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. Изд. 2-е. — М.: Худож. лит., 1984. С. 109.

Александр Фадеев окунулся в бурную литературную жизнь. Он избирается в состав редколлегии журнала «Октябрь», выступает с докладом 1-го Всесоюзного съезда пролетарских писателей в 1928 году. Данный обширный доклад содержит несколько вопросов развития пролетарской литературы. Уже с первых строк данного доклада понятно, что Александр Фадеев поднимает вопросы партийного развития литературного движения, отражающие социалистические идеи общественного строя. В дальнейшем он все чаще выступает со своими докладами, речами, статьями, излагая новые взгляды на развитие литературы и искусства, соответствующее линии партии большевиков. Часть этих документов Александр Фадеев опубликует в книге, изданной после его смерти в 1957 году «За тридцать лет», которая готовилась к выпуску при его личном участии.

Статьи и речи Александра Фадеева проникнуты временем, когда литература служила орудием политического воспитания народных масс в духе социалистической сознательности и преданности идеям построения коммунизма.

Очевидно, что Александр Фадеев считал себя уже не столько писателем, сколько теоретиком литературы и проводником социалистического реализма. «Фадеев не просто «входил в состав» того или иного руководящего органа. Он полностью отдавался общественной деятельности. Боролся за свои убеждения, горячо выступал на собраниях, конференциях, съездах. Теоретически отстаивал — устно и печатно — принципы партийности и народности литературы. Заботился об организации писательских сил, о воспитании талантов», — отметил Виталий Озеров в своем произведении о Фадееве[1].

Написав первые главы романа «Последний из удэге», Александр Фадеев в 12 номере журнала «Октябрь», заявил, что в 1928 году они будут печататься в журнале. В первые месяцы

---

[1] *Озеров В.М.* Избранные работы. В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т. II. Александр Фадеев. Творческий путь. 1980. С. 234.

работы над этим романом Фадеев мало занимается общественной работой, отдавшись литературной работе, но тяга к общественной работе берет верх, и он все больше и больше уходит в организационную работу в РАППе, полностью поддерживая позиции Леопольда Авербаха. После принятия постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАППа в 1932 году, Александр Фадеев на одном из заседаний сказал, что на протяжении всей работы РАППа Авербах умел наиболее четко выражать мысли, а он находил у него много нового и учился этому.

Александр Фадеев не мог предполагать, что скоро Леопольда объявят врагом народа, а 4 марта 1937 года он будет арестован. Л. Авербаху предъявят обвинение, что в 1923—1924 годах он вел троцкистскую работу и выполнял личные указания Троцкого, приходившегося ему близким родственником — дядей. Что по его указанию в 1928—1930 годах он проводил нелегальную работу совместно с лидерами левой оппозиции. Авербаха так же обвинили, что с 1934 по 37 год он поддерживал связи с участниками антисоветской троцкистской организации с целью совершения государственного переворота и ареста руководителей партии и правительства. 14 июля 1937 года Авербах комиссией НКВД был приговорен к расстрелу.

При этом тесная дружба Александра Фадеева с Леопольдом Авербахом, не вызывала подозрений со стороны НКВД о причастности Фадеева к «преступной» деятельности Авербаха. Александр Фадеев, как всегда, был вне подозрений.

В 1929 году застрелился оклеветанный троцкистом Богословским друг Александра Фадеева, Женя Хомяков. По материалам архивов НКВД были признаны врагами народа и расстреляны многие друзья Фадеева, воевавшие в рядах партизан, а затем ставших бойцами Красной армии, среди которых оказались Петя Нерезов и Гриша Билименко. Однако фамилия Фадеева-Булыги не упоминалась в материалах сфабрикованных уголовных дел на друзей Фадеева.

Занимая руководящие места в рапповском движении, Александр Фадеев искренне руководствовался чувством партийной ответственности за порученное дело. Однако, как отметил С. Шешуков в своей книге «Неистовые ревнители»: «Руководители РАПП были молодыми людьми с большими претензиями на руководящую роль в литературе, но теоретически незрелыми, не подготовленными. Они безбоязненно брались за разрешение самых сложных философско-теоретических проблем и полагали, что только им дано истолковать их правильно и двинуть вперед в свете задач пролетариата, в то время как достаточной теоретической базы у них не было. Они цитировали Гегеля, Белинского, Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, но основательно не изучили ни одного из этих великих мыслителей», и это устраивало руководство ЦК ВКП(б)»[1].

Впоследствии Александр Фадеев это осознал сам и в одном из своих писем в 1955 году высказался по поводу деятельности РАПП так: «До определенного периода она играла положительную роль. Но к ней примазывались и чуждые элементы, она допускала немало ошибок сектантского характера и в конце концов противопоставила себя большинству писателей, вышедших из интеллигенции и вставших к тому времени на позицию советской власти. Таким образом, РАПП и ВАПП стали тормозом в развитии советской литературы и были ликвидированы решением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года»[2].

Ликвидация ВОАППа, РАППа и объединение писателей, поддерживающих платформу советской власти, в Союз писателей, создаваемого при участии Максима Горького, группой Авербаха не поддерживалась. В этой ситуации Александр Фадеев, вовремя отошедший от авербаховцев и активно сотрудничавший по организационным вопросам с Максимом

---

[1] *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. Изд. 2-е. — М.: Худож. лит., 1984. С. 189.

[2] Журнал «Новый мир». 1966 г., № 4. С. 232.

Горьким, счел для себя необходимым прервать работу над романом «Последний из удэге» и ввязался по этому вопросу в дискуссию. Фадеев написал серию статей, которые были опубликованы в октябре—ноябре 1932 года в «Литературной газете» под названием «Старое и Новое». Это было неожиданным для недавних друзей Фадеева по РАППу.

В 2001 году издана книга поэта и публициста Феликса Чуева «Каганович. Шепилов», в которой он записал беседы с политическим деятелем, соратником Сталина, Лазарем Кагановичем. В разговоре с Кагановичем была затронута тема создания РАППа и Союза писателей. В ходе этой беседы Лазарь Каганович подтвердил факт создания Союза писателей по указанию ЦК партии:

«— Ваш Союз был создан в 1934 году.

— По инициативе Горького.

— Не по инициативе Горького, он создан по инициативе ЦК. Ведь была комиссия по РАППу, я был её председателем. Мы РАПП распатронили. Сколько еще было рабочих писательских организаций, и РАПП командовал всем этим делом. ЦК пошел на то, чтобы РАПП, так сказать, ликвидировать, и принял решение о ликвидации РАППа.

— Авербах был главным руководителем. Он был зять Ягоды, его сестра была женой Ягоды.

— А я об этом не знал.

— У него такая бритая голова была, — говорит Мая Лазаревна.

— Да, да, бритая голова. Маленький, невысокого росточка. Он был вожаком рапповцев. Авербах, Киршон, Кирпотин участвовал, правда, не активно. Фадеев их поддерживал.

— Я слушал лекции Кирпотина на Высших литературных курсах.

— Собрали съезд, большой съезд. Горький доклад делал. Я был на этом съезде, участвовал. Сталин был в отпуске как

раз. Я его информировал о ходе съезда. Стенограмма потом вышла. Видели ее? Не найдешь теперь.

— Бухарин выступал.

— Бухарин, Радек. Съезд был в тридцать четвертом году, это почти шестьдесят лет тому назад»[1].

По-разному складывались отношения рапповцев с другими писателями, которые не устраивали их. Основная масса писателей-интеллигентов была отвергнута членами РАППа, так как они враждебно относились к буржуазному классу, писатели этого сословия не вписывались в пролетарскую культуру. Были сложные отношения и между различными писательскими группами, созданными на местах. Вначале ЦК ВКП(б) активно проводил работу по созданию единой Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей, одним из проводников которой являлся Александр Фадеев, а затем, разочаровавшись в работе его руководства, реформировали РАПП и создали Союз писателей. Этот Союз был полностью подконтрольный партии и финансировался советским правительством.

Фадеев и Маяковский

Одним из известных революционных пролетарских поэтов был Владимир Маяковский. Отец Владимира, Владимир Константинович Маяковский, потомок вольных казаков, был лесничим, мать Александра Алексеевна — домохозяйка. После школы Владимир обучался в Кутаисской классической гимназии, где застали его революционные события 1905 года. Его увлечением было рисование карикатур. После смерти отца в 1906 году семья Маяковских была вынуждена покинуть гимназию и уехать в Москву, где жили его род-

---

[1] *Чуев Ф.И.* Каганович. Шепилов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 236—237.

Семья Фадеевых

А. Фадеев — ученик коммерческого училища. 1917 г.

А.А. Фадеев. 1924 г.

А.А. Фадеев с революционным поэтом Владивостока А. Богдановым (в центре) и писателем Ю. Либединским. 1928 г.

А. Фадеев, В. Маяковский, В. Ставский. На выставке В.В. Маяковского «20 лет работы». 1930 г.

Фадеев с женой Валерией Герасимовой. 1932 г.

А.А. Фадеев выступает на заседании оргкомитета Союза советских писателей СССР. Председательствует М. Горький. 1933 г.

М.А. Шолохов и А.А. Фадеев среди делегатов XVIII съезда ВКП(б). 1939 г.

Война. Западный фронт. Михаил Шолохов и Александр Фадеев осматривают трофейные орудия

Генерал-лейтенант И. Конев с писателями А. Фадеевым, М. Шолоховым, Е. Петровым. Район Смоленска. Август 1941 г.

А.А. Фадеев и писатель А. Чаковский в блокадном Ленинграде. 1942 г.

А. Фадеев с матерью — А.В. Фадеевой. 1949 г.

А.А. Фадеев с женой — А.О. Степановой, актрисой МХАТа, народной артисткой СССР, и сыновьями Мишей и Сашей (стоит справа от А. Фадеева). 1949 г.

А.А. Фадеев в президиуме Первой всесоюзной конференции сторонников мира. 1949 г.

А.А. Фадеев выступает на сессии Всемирного совета мира. Вена, 1951 г.

Дом-музей А. Фадеева в селе Чугуевка. 1974 г.

А.А. Фадеев после охоты

ственники. Для продолжения учебы Владимир поступил в 5-й класс гимназии.

С 1907 года он втянулся в революционную работу и в 1908 году вступил в ряды РСДРП(б).

В 1908 году 14-летнего подростка Владимира Маяковского арестовали за политическую деятельность, но в связи с малолетним возрастом выпустили, установив за ним надзор полиции.

В 1909 году Владимир Маяковский снова попадает в поле зрения полиции как участник революционного движения. Его задерживают, но по ходатайству матери, как несовершеннолетнего ребенка, освобождают на поруки. На свободе Маяковский находился не долго, 2 июля его арестовали третий раз и приговорили к ссылке в Нарымский край. В ожидании отправки в ссылку Маяковский содержится в тюрьме. Однако 9 января 1910 года уголовное дело в отношении него прекратили и Маяковский был освобожден. Он пишет стихи, обучается живописи в художественном училище, но через два года бросает учебу.

25 февраля 1912 года Маяковский впервые публично выступает на диспуте о современном искусстве, устроенном обществом художеств, где его выступление встречено с интересом. С этого периода его выступления перед слушателями стали носить регулярный характер, особенно нравились публике его стихи и манера их чтения самим автором. Читая стихи и лекции об искусстве, выпуская свои книги, Владимир Маяковский стал одним из популярнейших поэтов-футуристов в России и за рубежом.

Максим Горький в известной статье «О футуризме» отметил: «Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский... Вот возьмем для примера Маяковского — он молод, ему всего 20 лет, он криклив, необуздан, но у него несомненно где-то под спудом

есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи»

Октябрьскую революцию 1917 года Маяковский встречает в Смольном, где помещался штаб революционного восстания во главе с В.И. Лениным. В ноябре Маяковский участвует на заседании крестьянского съезда ЦИКа и Петросовета, на заседании Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусств, затем выезжает в Москву. Начинается его активная жизнь в сфере пролетарской культуры.

А. Метченко в своей работе о Маяковском «Родник сил неиссякаемой жизненности», отметил: «Партийность Маяковского можно было бы назвать вызывающе воинствующей, я бы даже сказал, ликующей, не мирящейся ни с какими отступлениями, уступками, лукавыми увертками, расчетом на «скидку». Партийность для него была не отвлеченной идейной категорией, а основой всего поведения, гуманистическим и нравственным критерием. Вспоминается рассказ одного литератора о том, как Маяковский, находясь в гостях, немедленно покинул хозяина, когда тот попытался развлечь поэта антисоветским анекдотом»[1].

Александр Фадеев впервые встретился с Владимиром Маяковским в марте 1921 года. Свидетель этой встречи учитель Фадеева — Степан Гаврилович Пашковский в своих воспоминаниях написал, что он, будучи в командировке, встретил Александра в Ленинграде, где после ранения Фадеев находился на лечении. Между ними шел разговор о Маяковском, на вечер которого они пришли вместе.

«О партизанских походах, — говорил он, — я когда-нибудь расскажу подробно, а может быть, и напишу. А писать хочется, вы ведь приучили меня записывать и описывать.

---

[1] Маяковский и современность. Сборник статей. — М.: Современник, 1977. С. 25.

А знаете, Степан Гаврилович, я не раз пробовал писать стихи — не нравились они мне. Вот стихи Маяковского мне нравятся. Вы не очень почтительно отзывались о стихах Маяковского тогда, во Владивостоке, а вот я читал его стихи, слышал Маяковского в Москве и считаю, что он наш, он не футурист, и он искренне принимает революцию. Кстати, Маяковский сегодня выступает в Доме учителя. Пойдемте, Степан Гаврилович, туда вечером, послушаем Маяковского».

Мне ни разу не приходилось встречаться с Маяковским, поэтому возможность услышать его представляла большой интерес, хотя у меня было настороженное отношение к «горлопану», который, как казалось тогда многим интеллигентам, носителям старых идеалов, опрокидывал традиции Пушкина, Лермонтова... В Доме учителя было людно, шумно. Многокомнатный и многозальный дворец (он раньше принадлежал князю Юсупову, именно здесь был убит Распутин) сохранил былую роскошь убранства: ковры, картины, мебель, обитую шелком, люстры... В маленьком домашнем театре собралось до двухсот человек — матросы, рабочие, студенты, учащиеся. За столом президиума сидело несколько молодых поэтов и между ними Маяковский. Александра я нашел за кулисами. Мы уселись на сцене, в стороне от стола президиума. Мелко тренькающий звонок в руках председательствующего не мог утихомирить шумную аудиторию. Маяковский поднялся, подошел к рампе и заявил: «Я Маяковский. Я читаю сегодня «Мистерию-Буфф» и еще некоторое своё. Кто потом будет выступать, — объявит председатель». Шум в зале затих. Маяковский ходил по сцене и как бы разговаривал с толпой слушателей. Его громкий голос покрывал случайные выкрики и возникавший порой шум. «А знаете, Степан Гаврилович, — тихо сказал мне Александр, — читает он хорошо, здорово, но фактура стихов Асеева мне больше нравится. Однако выводы воздержусь делать! Рано еще, ведь я так мало знаю Маяков-

ского...» Вдруг раздались голоса: «Довольно! Маяковский, тебя никто не слушает и не читает. Брось свое славословие, оно никому не нужно!»

— Не нужно? А где всё изданное? Где можно купить издание «Я!», «Маяковский», «Флейта-позвоночник», «Облако в штанах», «Человек», «Мистерия-Буфф»? Все изданное разошлось в первый год. Я читаю то, что выйдет в новом издании.

Когда вечер закончился, Фадеев подошел к Маяковскому и сказал ему:

— Я не поэт и не писатель, пока только солдат революции, но ценю в вас друга и последователя Асеева.

— Не друг и не последователь, а я сам по себе — Маяковский, — ответил поэт»[1].

Мог ли представить в это время Александр Фадеев, что пройдет совсем немного времени, и он будет запросто встречаться с Маяковским, участвовать вместе с ним в диспутах по обсуждению литературных произведений?

Жена министра народного просвещения А.В. Луначарского, с которым Александр Фадеев часто встречался, актриса Н.А. Луначарская-Розенель, в своих воспоминаниях описывает одну из таких встреч на квартире Владимира Маяковского.

«В этот вечер у Маяковского было особенно многолюдно, стульев не хватало, сидели на подоконниках, на ручках кресел.

На этом чтении поэмы «Хорошо!» в Гендриковом переулке был также А.А. Фадеев, молодой, стройный, в темно-синей кавказской рубашке с ремнями и множеством пуговок. У него были светло-каштановые волосы, какая-то еще юношеская угловатость. Чувствовал он себя явно не в своей тарелке. Когда мне приходилось видеть Фадеева среди «своих», он казался веселым, общительным, чудесно пел сибир-

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 23—24.

ские песни — здесь же он как-то присматривался и прислушивался; он был очень собран. В этот вечер его «прорабатывали» шибко и всем скопом, и ему не всегда удавалось парировать удары. Выступали главным образом теоретики «Лефа»; очень язвительно, слово за словом. Как в шахматной партии, они сначала учинили «разгром» «Разгрому», а потом всей оппозиции РАПП. Возникла жестокая перепалка с Асеевым. Маяковский ходил по комнате, курил и только изредка бросал короткие, меткие реплики, хотя Фадеев обращался главным образом к нему. Анатолий Васильевич (Луначарский. — *Примеч. авт.*) не вмешивался в спор, только слушал с большим, чуть насмешливым вниманием.

По дороге мы довезли Фадеева до его дома. Только в машине он начал постепенно оттаивать.

— Ведь я пришел слушать стихи, меня так любезно пригласили, и вдруг меня атаковали неожиданно-негаданно.

Анатолий Александрович, смеясь:

— Вы Александр Александрович, оказались одним воином в поле. Что ж, это почетно»[1].

Александр Фадеев и Владимир Маяковский относились друг к другу дружески, хотя их разделяла принадлежность к разным литературным течениям. П.И. Лавут — организатор выступлений В. Маяковского в своих воспоминаниях подтверждает это: «Как-то после выступления мы зашли поужинать в ресторан «Европейской». За соседним столиком сидели Л. Авербах, Ю. Либединский, А. Фадеев. Решили соединить столы.

После ужина (около часу ночи) Маяковский предложил Фадееву прогуляться, и мы долго бродили по Невскому. Разговор главным образом шел о советской литературе. Расска-

---

[1] *Луначарская-Розенель Н.А.* Память сердца. — М.: Искусство, 1975. С. 38.

зывали друг другу о творческих планах... Невский совсем опустел. Изредка встречались одинокие пешеходы...»[1]

Владимир Маяковский осознавал, что ему необходимо вступить в РАПП, так как иначе он невольно окажется в стороне от большевистского движения, за бортом литературы, принимающей ярко выраженную политическую окраску.

Друг Александра Фадеева, Юрий Либединский, вспоминая о периоде работы РАППа и касаясь творчества Маяковского, написал: «С 1925 года, примерно с появления фадеевского «Разгрома» и до прихода Маяковского в РАПП, Маяковский, с одной стороны, и мы, рапповцы, — с другой, были заняты развитием и разработкой творческих тенденций, которые казались нам противоположными. Мы не понимали друг друга. Маяковский, трибуной которого стала «Комсомольская правда», совершенно не понимал нашего интереса к реалистическому изображению психологии советского человека и отрицал эту задачу начисто. А для нас это было необходимым этапом развития. ...агитационные стихи Маяковского казались однодневками, которые, исполнив свою непосредственную политическую задачу, тут же умрут. А между тем его стихи этого периода живут, и мы, конечно, были неправы, а Маяковский прав»[2].

Владимир Маяковский вступил в РАПП 6 февраля 1930 года. В газете «Вечерняя Москва», вышедшей 8 февраля 1930 года, опубликована статья Александра Фадеева, который, комментируя факт принятия Маяковского в члены РАППа, писал: «В смысле своих политических взглядов он (Маяковский) доказал свою близость к пролетариату. Это, однако, не значит, что мы принимаем Маяковского со всем его теоретическим ба-

---

[1] *Лавут П.И.* Маяковский едет по Союзу. — М.: Издательство «Советская Россия», 1963. С. 89.

[2] *Либединский Ю.Н.* Избранные произведения. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. Воспоминания/Сост. Л.Б. Либединская. С. 313.

гажом. Мы будем принимать его в той мере, в какой он будет от этого багажа отказываться..Мы ему в этом поможем».

Решение Маяковского вступить в РАПП, было не легким, со слов О.М. Брик, Маяковский по этому поводу советовался с заведующим отделом печати ЦК ВКП(б) П.М. Керженцевым. Литературно-политическая обстановка того времени была сложной. В декабре 1929 года в газете «Правда» была напечатана статья «За консолидацию всех сил пролетарской литературы». Из текста данной статьи следовало, что перед литераторами стоял выбор: перейти в лагерь честных союзников пролетариата либо быть отброшенными в ряды буржуазных писателей. В связи с этим и сделано заявление Александра Фадеева в адрес Маяковского по поводу буржуазного багажа.

По поводу вступления Маяковского в РАПП Юрий Либединский вспоминал: «В феврале 1930 года я приехал на открытие конференции МАПП. В дверях зала меня встретил В.А. Сутырин, член секретариата РАПП, видный литературный критик. Вид у него был несколько растерянный.

— Мне надо посоветоваться с тобой по одному вопросу, — сказал он. — Знаешь, пришел Маяковский и говорит, что он сейчас выступит и заявит о своем вступлении в МАПП. Я ему сказал, что должен посоветоваться с кем-нибудь из своих товарищей, Фадеевым или Либединским.

— О чем же тут советоваться? — спросил я, хотя сам был несколько озадачен. Вступление Маяковского в МАПП меня обрадовало, но для меня было также неожиданным»[1].

Желание известного поэта Владимира Маяковского о вступлении в РАПП было для всех неожиданным. Но Маяковский раскаялся, что вступил в эту ассоциацию. Он не нашел здесь взаимопонимания, наоборот, ощутил враждебность со стороны руководства РАПП.

---

[1] *Катанян В.* «Маяковский. Хроника жизни и деятельности. — М.: Советский писатель, 1985. С. 590.

Александр Михайлов в книге «Жизнь Маяковского», давая оценку Маяковскому в связи с решением вступить в члены РАППа, указал: «Логической в общей цепи поступков последнего времени ошибкой оказалось его вступление в РАПП, организацию кастовую, наиболее нетерпимую ко всем инакопишущим и инакомыслящим, наиболее политизированную, легко воспринимавшую и переносившую в свою деятельность формы и опыт государственной авторитарно-бюрократической системы. В РАППе он не стал и не мог стать своим. Осуждающее «Октябрь» за публикацию «Бани» постановление заставило думать о судьбе тех сатирических произведений, которые он хотел и мог написать. Он видел, что РАПП имеет мощную поддержку ЦК ВКП (б) и политика РАППа в области литературы — это фактически политика партии»[1].

В этот период Владимир Маяковский ощущал чувство одиночества и неопределенности в жизни, разочарования в окружающих его людях. Виктор Важдаев, вспоминая встречи с Александром Фадеевым, записал его рассказ о Маяковском в последний год его жизни.

«Фадеев рассказал:

— Вот моя жена, Лина Степанова, мне говорила, — начал он, — что когда поставили «Баню», то случайно она и Яншин «подвернулись» Маяковскому, и он утащил их к себе домой ужинать. Они пришли на этот ужин, который был обычен: по традиции было принято, что автор после премьеры ужинал с друзьями.

Был накрыт стол человек на тридцать. А гостей было... двое: Степанова и Яншин!

— Это было страшно, — сказал Фадеев, — пустые стулья, пустой непочатый стол, кинутый друзьями Маяковский и случайно пришедшие — они оба это чувствовали — Степанова и Яншин.

---

[1] *Михайлов А.А.* Жизнь Маяковского. Я свое земное не дожил. — «Бессмертные имена». — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. С. 512.

Зазывать Владимир Владимирович не хотел, был самолюбив, а сами, и в этом вся соль, люди — не пришли...»[1]

Владимиру Маяковскому не пришлось долго сотрудничать с руководством РАППа, в апреле 1930 года он покончит жизнь самоубийством.

Существует предположение о контакте Владимира Маяковского с органами специальных служб царской России с периода юной революционной деятельности. Основанием для этого являются аресты Маяковского за участие в революционной деятельности и быстрого освобождения под предлогом несовершеннолетнего возраста. Из автобиографии Маяковского следует, что он: «В 1908 году вступил в РСДРП. Пропагандист. На общегородской конференции выбран в МК партии. 29 марта 1908 года арестован по делу подпольной типографии. Выпустили на поруки. Снова занялся партийной работой, и новый арест — в доме нашли оружие. Выручил друг отца, заявивший, что револьвер принадлежит ему. Выпустили на свободу.

Участвовал в подготовке побега каторжанок из тюрьмы. Арестован в третий раз. Возмущался, скандалил. Переводили из одной полицейской части в другую, пока не оказался в одиночной камере Бутырки. Светила трехлетняя ссылка в Туруханск. Отхлопотали. Суд по первому делу о подпольной типографии признал: «Виновен. Но летами не вышел». Выпустили на поруки матери... Пока сидел в Бутырке, передумал всю свою жизнь. «Хочу делать социалистическое искусство». Прервал партийную работу. Сел учиться»[2].

По этому поводу высказался историк Герман Смирнов: «Внимательно перечитывая документы об арестах Маяков-

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 417—418.

[2] *Демкин С.И.* Великие тайны спецслужб XX века. — М.: Мартин, 2002. С. 63.

ского в 1908—1909 годах, — писал он, – я был поражен загадочным обстоятельством: Володю пять раз выпускали на поруки родителей, ссылаясь на малость возраста, но при этом никто не верил, что он действительно несовершеннолетний!

Его допрашивали два следователя и околоточный надзиратель, освидетельствовали два тюремных врача — и все они в один голос заявляли: арестованному не 14—15 лет, как следовало из предъявлявшихся им метрик, а от 17 до 21 года. То есть год его рождения не 1893-й, а 1888-й.

Меня поразило то, что родственники юноши никак не объясняли это расхождение, а просто подтверждали: да, он выглядит много старше своих лет.

... – Создавалось впечатление, что в семье Маяковских было как будто два мальчика — Володя и еще один, на пять лет его старше.

И я нашел этого мальчика! Оказалось, что у Маяковских действительно было два сына. Старший — Костя — родился в 1888 году и, по словам родных, будто бы умер в трехлетнем возрасте. А младший — Володя — стал знаменитым поэтом. Но сопоставление всех фактов позволяет предположить, что умер в малолетстве, похоже, не Костя, а младший, Володя. Костя же стал жить с документами и именем Володи.

Искать причину этой подмены долго не пришлось, – продолжает историк. — В 1904—1905 годах Кутаиси стало центром революционных волнений в Западной Грузии. В них активно участвовали гимназисты-старшеклассники. В октябре 1905 года в городе было объявлено военное положение, учебные заведения закрыты, проводились аресты. Предполагаю, что гимназисту Константину Маяковскому угрожали серьезные неприятности, может быть, даже арест. И вот тогда тревога за сына побудила Александру Алексеевну переехать с семьей из Кутаиси в Москву, где Маяковских никто не знал...

К сожалению, кутаисский опыт ничему не научил юношу. Он снова занялся революционной деятельностью, сделав

свое настоящее имя своим партийным псевдонимом — «товарищ Константин».

Но ведь царские следователи тогда не были лопухами. Арестовав молодого человека, назвавшегося Владимиром Маяковским, они наверняка послали запросы не только в московскую, но и в кутаисскую гимназии. И конечно же выяснили, что перед ними не подросток Владимир, а вполне взрослый человек — Константин Маяковский, который должен отвечать за свои поступки по всей строгости закона. Есть основания полагать, что они сумели ему объяснить, что если он откровенно ответит на все интересующие полицию вопросы, то следствие поверит, что ему лишь четырнадцать лет и что «товарищ Константин» — это кличка, а не его настоящее имя»[1].

Те, кто знаком с оперативной работой, хорошо понимают, что означает перевод арестованного из одной полиции в другую. Сыскная полиция царского времени неплохо справлялась со своей работой по выявлению революционеров-подпольщиков, используя агентуру из числа завербованных революционеров, и часто переводила таких лиц из одного места в другое, для выявления различных конспиративных групп противников царского режима.

При установлении советской власти Владимир Маяковский не избежал и общения с чекистами. Его любовница Лиля Брик, жена Осипа Брик, являлась негласным сотрудником ВЧК, а после реорганизации ВЧК работала в ОГПУ. В связи с этим историки полагают, что Лиля Брик, выполняя задание спецслужб, контролировала и направляла деятельность Владимира Маяковского в его агентурной работе.

«Кто был куратором Маяковского в ОГПУ, неизвестно. Но то, что опекала его Лиля Брик, не вызывает сомнения.

---

[1] *Демкин С.И.* Великие тайны спецслужб XX века. — М.: Мартин, 2002. С. 65—66.

Видимо, поэт занимал важное место в планах чекистов, потому что ее муж Осип, тоже агент ГПУ, безропотно мирился с «тройственным союзом». Не разводясь с ним, Лиля открыто жила с Владимиром Владимировичем, причем все это происходило в одной квартире.

В мае 1922 года Лиля повезла своего подопечного в его первый заграничный вояж в Ригу и ввела поэта в круг нужных чекистам людей. Латвийская столица являлась удобным «окном» для засылки агентуры на Запад, и ГПУ стремилось прочно там обосноваться. В октябре того же года Лиля Брик сопровождала Маяковского в Эстонию и Германию, всюду знакомя его на будущее с нужными людьми — переводчиками, издателями, менеджерами, дипломатами»[1].

После этого В. Маяковский посещает с сестрой Лили Брик, Эльзой, Париж, следующая поездка в Мексику, затем в 1924 году в Америку, где он остановился в доме председателя акционерного общества «Амторг», занимающегося импортом американских товаров в СССР, Исай Хургина. В этот период в Америку приезжает первый заместитель Троцкого по Реввоенсовету Э. Склянский. Это происходило в период обострения борьбы Сталина с Троцким за власть в правительстве. В январе 1925 года Троцкий был снят с должности Председателя Реввоенсовета Республики.

Э. Склянский имел задание Троцкого установить связи с его сторонниками в Америке, так как Троцкий жил здесь до революции и имел хорошие отношения с влиятельными людьми. Склянский и Маяковский встречались на квартире Исай Хургина, так как последний был давним знакомым Склянского. В связи с этим Маяковский, возможно, был знаком с планами Троцкого, что интересовало Иосифа Сталина.

---

[1] *Демкин С.И.* Великие тайны спецслужб XX века. — М.: Мартин, 2002. С. 68.

«Вскоре Хургин и секретный агент Э. Склянский утонули при загадочных обстоятельствах, отправившись для того, чтобы посекретничать, катаясь на лодке. Их гибель настолько потрясла Маяковского, что он буквально заливался слезами на панихиде у праха утопленников и спешно вернулся в Москву, опасаясь за собственную жизнь»[1].

Некоторые историки предполагают, что после этого и началась травля поэта в СССР, в этом принимали участие и рапповцы. Будучи впечатлительным, Маяковский болезненно воспринимал это. В этот период семья Брик уехала в Лондон и на квартиру Маяковского, где он жил один, зачастили его знакомые и друзья, среди них сотрудники спецслужб Л. Эльберт, Я. Агранов, который участвовал в расправе над поэтом Н. Гумилевым.

Все вышеизложенное, а также драматические события того дня действительно вызывают сомнения в добровольном решении Маяковского уйти из жизни. Его предсмертное письмо, датировано 12 апреля 1930 года, то есть, за два дня до самоубийства:

«Всем

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля — люби меня.

Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят — «инцидент исперчен», любовная лодка разбилась о быт.

---

[1] *Демкин С.И.* Великие тайны спецслужб XX века. — М.: Мартин, 2002. С. 69.

Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
Взаимных болей,
бед
и обид.
Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский
12/IV -30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно — ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы доругаться.

В.М.

В столе у меня 2000 руб. — внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В.М.»[1]

Через несколько дней после смерти Владимира Маяковского руководители РАППа написали письмо И.В. Сталину. Письмо походило на политический донос руководству. В нем указывалось, что якобы в некоторых газетных публикациях была завышена роль Маяковского как пролетарского писателя. В письме осуждалась позиция журнала «Октябрь» за публикацию произведений Маяковского и Платонова. В письме была высказана просьба руководства РАППа вмешательства ЦК ВКП(б) в деятельность коммунистов, которые не только не исправляют свою ошибочную линию в связи с самоубийством Маяковского, но и намерены вести её дальше. В этом случае имелась в виду не только деятельность коммунистов, не устраивающих руководство РАППа, но и работа редакций газет и журналов. Данное письмо подписал и Александр Фадеев.

[1] *Демкин С.И.* Великие тайны спецслужб XX века. — М.: Мартин, 2002. С. 72.

до отдать должное, что со временем Александр Фадеенил свое отношение к Маяковскому. На заседании аторов, посвященном 10-летию смерти В.В. Маяков- в своем докладе, он сказал: «Маяковский яснее и е всех других поэтов понял, что новое в поэзии несет й сегодняшняя борьба за коммунизм, что даже малое борьбе есть частица великого. Идя в ногу с современо, не гнушаясь самой черной работой, он доводил ее до льного поэтического совершенства.

вершенно не случайно, что первым, кто почувствовал гуманизм Маяковского и его огромный талант, был ий Горький, все творчество которого — знамя нового, листического гуманизма»[1].

Максим Горький и А. Фадеев

мае 1928 года после своего шестидесятилетия в Моиз Сорренто приезжает Максим Горький. Он активно ается в общественную жизнь, выступает на торженых заседаниях, встречается с общественными и парми деятелями, совершает поездку по городам СССР. июня 1928 года Горький присутствует на собрании Фении советских писателей, где принимает участие Алек- Фадеев. В президиуме он сидел рядом с М. Горьким. Горький выступал перед участниками собрания, Алек- Фадеев внимательно слушал каждое слово великого еля, неотрывно смотря на него. Трудно сказать, что ывал в эти часы Александр, который совсем недавно а окраине страны у берегов Тихого океана, наслаждарасотой дальневосточной тайги и крутыми перевалами ов, слушал шум горных рек. Мог ли он предполагать,

---

Фадеев. А.А. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о туре и искусстве. — М.: Советский писатель, 1957. — С. 693, 686.

что пройдет немного времени, и он будет сидеть рядом с великим писателем.

Однако не всё руководство РАППа было в восторге от приезда Горького в СССР и оценивало величие известного писателя.

«С трибуны первого съезда пролетарских писателей в 1928 году, выражая мнение руководства, В. Ермилов в докладе «О творческом лице пролетарской литературы» попытался определить социальный облик великого писателя следующим образом: «Горький — пролетарский писатель в той степени и постольку, в какой степени и поскольку пролетариат осуществляет задачи буржуазно-демократической революции, которые должны были быть осуществлены русской буржуазией, если бы она у нас не была столь бездарна и бессильна...

Ермилов утверждает, таким образом, что Горький явился выразителем буржуазно-демократической революции... Горький был, видите ли, попутчиком пролетариата только в период Февральской революции, то есть в политическом отношении он неизмеримо ниже советских писателей, так как они явились попутчиками пролетариата уже в период социалистической революции»[1].

Не остался в стороне и Леопольд Авербах, который на статью М. Горького в газете «Правда» от 1 мая 1928 года «О возвеличенных и «начинающих» ответил «поучительной» резкой статьей «Пошлость защищать не надо!» В журнале «На литературном посту» был опубликован ряд статей, в которых рапповцы пытались очернить авторитет Максима Горького. «А. Фадеев был возмущен отношением журнала «На литературном посту» и его редактора к Горькому. Впервые произошла серьезная размолвка между Фадеевым

[1] *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. Изд. 2-е. — М.: Худож. лит., 1984. С. 216—217.

Авербахом. Большинство коммунистов правления ГАППа
ддержало Фадеева. Разобиженный генеральный секретарь
АППа подал заявление в ЦК ВКП(б) о переводе его на пар-
йную работу, не предупредив об этом руководство РАППа.
о инициативе Фадеева 14 июля 1928 года было созвано
стное совещание группы коммунистов — членов правле-
я ВАППа. На совещании присутствовали: Ю. Либедин-
ий, Б. Иллеш, В. Ермилов, Г. Айкуни, А. Исбах, Г. Кора-
льников, Б. Волин, Ф. Раскольников, Н. Шушканов, И. Но-
ч. Руководил совещанием А. Фадеев.

...Во вступительном слове Фадеев сказал, что с приездом
орького в СССР наблюдается подъем в среде писателей. На
браниях и митингах советские люди повсюду восторжен-
встречают великого русского писателя. «Мы, вапповские
ботники, упустили этот подъем настроений. Правые пи-
тели надеялись на Горького, высказывали ему некоторое
едовольство нашими условиями. Промежуточные группы
путчиков, недовольные отдельными извращениями, имею-
имися в литературно-издательской среде... частично идут
правыми в этом направлении. Горький же, в общем, зани-
ает довольно левую позицию. Мы не учли всех этих настро-
ний. Сюда же относится и то, что мы никак не реагирова-
и до сих пор на обращение ЦК партии о самокритике. Нам
ужно было широко использовать обращение ЦК, ответив на
его бешеным вскрытием недостатков в литературной среде,
орократизма в издательствах и т.д. Мы прозевали обраще-
ие, упустив момент. А что делает «На литпосту» в этих ус-
овиях? Мы раздуваем дискуссию о Горьком и Молчанове
«Свидании»). Я целиком согласен со статьями Авербаха
о Горьком, и против Астрова. Но в журнале все эти ма-
ериалы занимают непропорционально много места, превра-
аясь в политическую линию. Нужен решительный перелом
линии журнала, в частности в отношении Горького. Надо

вместе с Горьким пойти против правых настроений в писательской среде, широко осуществив лозунг самокритики»[1].

В литературной среде никогда не было и не может быть единства взглядов на творчество того или иного писателя и поэта. Но после революции травле подвергались талантливые творческие люди, в основном по классовому принципу. Часть писателей погибнет в ходе междоусобиц, многие будут вынуждены выехать и жить за границей, кто-то уцелел и остался в России, но умер в забвении. Но лидеры литературы и искусства приспособились к реальности новой политической жизни и исполнения формуляров, полученных сверху.

Это происходило и с Александром Фадеевым. Его друг Ю. Либединский в своих воспоминаниях отметил: «...для А.А. Фадеева борьба за свое художественное направление никогда не закрывала борьбы классовой, которая в то время шла на идеологическом фронте. Александр Фадеев никогда либералом не был. На идеологическом фронте он защищал партийные позиции, и когда в 1928 году из-под пера Пильняка и Замятина вышли пасквилянтские произведения, в прямой форме направленные против социализма, Фадеев не только резко осудил эти произведения, но также подверг основательной критике тех писателей, которые пытались взять под защиту этих идеологических противников»[2].

В одном из писем Розалии Землячке Александр Фадеев сообщает, что он прозевал и допустил возможность напечатать в журнале «Октябрь» рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар», за что ему поделом попало от Сталина. Пользуясь случаем, он жалуется ей на свое недомогание и нехватку времени заниматься писательским трудом:

---

[1] Шешуков С.И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. 2-е изд. — М.: Худож. лит.,1984. С. 220—221.

[2] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 180—181.

«В дом отдыха загнала меня неврастения в очень острой форме. Объясняется она все возраставшим и все более мучившим меня противоречием между желанием, органической потребностью писать, сознанием, что в этом состоит мой долг и той литературно-общественной нагрузкой, которая не дает возможности писать и от которой никак нельзя избавиться. Постоянные скачки, — только втянешься в творческую работу, надо бежать на одно из многочисленных заседаний, или выступать, или просматривать корректуру журналов, или чужие рукописи, заваливающие меня, — избавишься от этого всего и с мучительным трудом восстанавливаешь творческое равновесие, но опять нужно в ЦК, в редакцию, в издательство и т.п., — такие скачки вконец издергали меня психически. Главное, чувствуешь, что пишешь меньше, чем должно (причем это меньшее дается с большим напряжением), а в общественном отношении тоже работаешь хуже и невнимательнее, наскоком. Живой жизни, так сказать, плоти строительства, творчества масс почти не видишь, знаешь обо всем только по газетам, по собраниям ячейки (нерегулярно посещаемым) да по кратковременным выездам для различных выступлений или на местные районные конференции. Горький перед отъездом предупреждал меня самым серьезным образом, что если я не разгружусь и буду дальше жить так, то дело может кончиться просто гибелью дарования, ибо писатель должен работать систематически — нет писателя по одному нутру, без труда и технического совершенствования в своем деле.

В конце концов по совету Серафимовича я бросил все дела на том месте, на котором они находились в данный момент, и попросту спрятался от всех за городом. В Москве бываю только изредка, наездом, и чувствую, как под влиянием работы снова бодрею.

Через две недели сдаю в «Октябрь» вторую часть «Последнего из удэге» и одновременно 1-й том романа (из 2 частей)

сдаю в типографию для отдельной книги. 2-й том (фактически уже написанный) думаю подготовить к печати в «Октябре» и для отдельной книги в течение ближайших полутора месяцев. Но... на душе у меня все-таки неспокойно, потому что невозможно все время жить в доме отдыха, потому что я знаю, что меня ищут в РАППе, ищет Халатов, ищут мои редакции (в «Октябре» я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне поделом попало от Сталина, — рассказ анархистский; в редакции боятся теперь шагу ступить без меня), слабое мое участие в работе заводской нашей ячейки, которого я не могу сейчас усилить, тоже мне не по нутру»[1].

Из текста данного письма видно, что Александра Фадеева разрывают противоречия между литературой и общественной работой. Обстановка в РАППе напряженная и скандальная. Уж больно разношерстная публика входила в состав её руководства.

Как вспоминает Юрий Либединский: «...в ожесточенных спорах начала двадцатых годов, которые предшествовали самому возникновению РАПП, столкнулись две точки зрения. Одна уподобляла пролетарскую литературную организацию партии, другая — добровольному обществу, профсоюзу, имевшему беспартийный характер, но примыкавшему к партии и ставившему своей задачей бороться за линию партии в литературе.

Большинство товарищей, участвовавших в создании РАПП, в числе их А. А. Фадеев и я, придерживались второй точки зрения. Но хотя именно эта точка зрения восторжествовала и была декларативно закреплена в резолюциях и постановлениях, РАПП за время своего существования все в большей степени уродливо копировала партию и по методам своей работы и по своим организационным принципам.

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 189—190.

Создание единого Союза советских писателей должно было окончательно похоронить подобного рода копирование партии, и после ликвидации РАПП нам следовало создать литературную организацию нового типа, в основу которой были бы положены задачи творческие»[1].

Осенью 1931 года Александр Фадеев выезжает на отдых в Гагры, где работает над романом «Последний из удэге». Этому способствовало ходатайство Максима Горького, обратившегося в ЦК ВКП(б) с просьбой о предоставлении отпуска Фадееву. Максим Горький настоятельно советовал А. Фадееву работать над романом, не отвлекаясь на другие дела, так как срок завершения романа неоправданно затягивался. Он как никто другой понимал, что перерывы в работе над крупным произведением приводят к срыву работы в целом, так как со временем теряется значимость тех или иных событий и прерывается сценарий задуманного произведения.

В феврале 1932 года Александр Фадеев направляется в командировку в Башкирию, где знакомится с достопримечательностями республики и участвует в подготовке съезда Башкирских писателей. О своей поездке он сообщает матери в своих письмах: «...24-го я прибыл в Уфу, — сижу сейчас на даче, верстах в десяти, над рекой Белой и пишу «Последний из удэге».

Съезд башкирских писателей отложен на 20-е марта, в связи с кампанией по сбору семян (Башкирия сильно отстала, и ей сейчас не до писательских съездов), — я от этого только в выигрыше: в Москве мне совсем не удавалось писать. 4 марта 1932 г.»[2].

23 апреля 1932 года ЦК ВКП(б) опубликовал постановление, изменившее развитие литературной деятельности в СССР,

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 554.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 200—201.

постановление так и называлось «О перестройке литературно-художественных организаций». Теперь литературный процесс в СССР не мог осуществляться за рамками Союза писателей.

Александр Фадеев прерывает командировку и едет в Москву. Вместе с другими известными писателями: А. Толстым, Н. Тихоновым, П. Павленко, М. Слонимским, Л. Никулиным и др. прибыл на квартиру Горького в Москве, где прошло совещание, на котором стоял вопрос подготовки первого писательского съезда.

К 15 мая 1932 года был создан комитет Союза советских писателей РСФСР, в который вошли представители всех ранее существовавших писательских объединений. В этом большую роль сыграл Максим Горький, претворяя в жизнь идею И.В. Сталина, который не хотел выпускать из виду возможности влияния на литературу со стороны партии и ее использования как на оружие идеологии в государственной политике воспитания масс. С этого периода Александр Фадеев тесно работает с Максимом Горьким по подготовке к 1 съезду Союза писателей и организации работы Союза писателей.

В июле 1932 года А. Фадеев снова возвращается в Башкирию. В общей сложности здесь он пробыл почти полгода. В этой поездке с ним был поэт Владимир Луговской.

В одном из писем матери Фадеев писал: «...Задержал ответ на твое письмо от 29 июня, так как получил его в день отъезда по башкирским районам и уральским заводам, — вернулся только вчера. Поездка была исключительно интересна, — удалось побывать в башкирских кантонах: Стерлитамаке, Авроно-Петровском, а также на Белорецком металлургическом и сталепроволочном заводах и в Магнитогорске.

Мы ездили все время на машине, сделали около 1000 километров, проехали почти весь Южный Урал. Очень красивая природа, отчасти напоминающая Уссурийский край: крутые перевалы (местами приходилось автомобиль подталкивать

руками), хвойные и лиственные леса, горные реки, скалы. Всюду чувствуется, как изменилось лицо страны. Особенно сильное впечатление произвел Магнитогорск — город, выросший в степи, с передовой машинной техникой...

Насчет критики нас, бывших работников РАПП, ты права, что эта критика частенько носит групповой характер, но это неизбежный «накладной расход» перестройки и, в конечном счете, не опасен: важно, что решение ЦК в основе правильно и своевременно. Постепенно все образуется...»[1]

В августе 1932 года был создан Всесоюзный организационный комитет Союза писателей, почетным председателем которого был избран Максим Горький.

Вскоре в печати появилась серия статей А. Фадеева «Старое и новое», которые вызвали противоречивые отклики со стороны некоторых писателей. Отвечая на упрек в беспринципности П. Рожкова, Александр Фадеев сказал: «...я никогда не был беспринципным человеком, я шесть лет стоял на рапповской платформе. Мне как-то сказали, что я от кого-то «отошел». Зачем мне от кого-то отходить? Ведь это было и мое собственное, и наше коллективное, потому что и я разрабатывал теоретические статьи и писал. Был ли такой случай, чтобы я где-нибудь пошатнулся? Не было такого случая. Я стоял на своей линии. Партия поправила нас, сказала: неправильно. Не сразу мы это поняли, в том числе и я. А когда я понял, то неверно, что просто пересел с одной кобылы на другую. Я написал целый цикл статей «Старое и новое», в которых подверг пересмотру целый ряд своих взглядов под влиянием нашей критики. Например, лозунг «Союзник или враг». Я считал это правильным, и потому мне пришлось вылезти с его защитой... Но когда я сам пришел к выводу, что лозунг «Союзник или враг» совершенно

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 201.

неправильный, то я выступил и сказал, что и это неправильно. Тов. Рожков не может обвинить меня в беспринципности. Если ты в чем-нибудь убежден, стой на этом, защищай. Страдать — страдай. Бьют тебя, — если уверен, что прав, — бейся. Иначе ты не организуешь никаких людей. А если ты понял, что это ошибка, то откинь все обывательские соображения, — у нас дружба дружбой, а служба службой, и если ты большевик, то признай ошибку, проанализируй, дай возможность другим осознать ошибку»[1].

Александр Фадеев и Михаил Шолохов

Творческая жизнь Александра Фадеева и Михаила Шолохова началась в одно время, 1923 году, но условия, в которых им приходилось работать над своими литературными произведениями были разные.

В сентябре 1923 года московская комсомольская газета «Юношеская правда» опубликовала фельетон М. Шолохова «Испытание», после чего в прессе появились и другие публикации молодого писателя.

В декабре 1923 года в журнале «Молодая гвардия» была опубликована повесть Александра Фадеева «Против течения». В мае 1924 года в альманахе «Молодогвардейцы» опубликована повесть «Разлив», что побудило молодого писателя к работе над романом «Разгром».

Россия узнала о талантливых писателях, до этого проживающих в различных уголках страны.

Молодой коммунист Александр Фадеев прибыл в столицу для участия в работе партийного съезда.

Михаил Шолохов приехал в Москву с Дона для продолжения учебы и в поисках работы.

---

[1] *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1984. С. 327—328.

Если жизнь Фадеева устраивалась при содействии партийного аппарата, так как он был членом ВКП (б), то Шолохов, будучи беспартийным, должен был сам определять свою судьбу и искать источник своего существования.

Через биржу труда Михаил Шолохов в Москве находил временные работы, то грузчика, то каменщика, пока не подвернулась работа счетовода. Определившись с работой, он мог в свободное время посещать молодежные литературные кружки, где познакомился с московскими литераторами Василием Кудашевым, Георгием Шубиным, Марком Колосовым и вошел в литературную группу «Молодая гвардия». У Шолохова появилась возможность печатать свои произведения и получать гонорары, эти деньги были существенной добавкой к заработной плате. Теперь Михаил мог подумать и о создании своей семьи.

В конце 1923 года Михаил Шолохов, вернувшись в свою станицу Каргинскую, сообщил родителям о своем намерении сватать дочь бывшего станичного атамана Марию Петровну Громославскую. В январе 1924 года в станице отгуляли свадьбу, и молодожены уехали в Москву.

В Москве молодая семья сняла небольшую комнатку. Михаил днем работал, а ночами писал рассказы. Мария днем переписывала рассказы на чистовые листы для последующей передачи в редакции газет и журналов. Они посещали литературные вечера, где выступали писатели и поэты, слушали лекции, где часто выступали Маяковский, Луначарский и другие известные в литературных кругах лица.

В 1925 году Михаил Шолохов познакомился со своим земляком, писателем А.С. Серафимовичем. Серафимович оказал существенную поддержку молодому писателю, одобрив его произведения и помогая освоиться в литературной среде. В это время Михаил Шолохов активно публикуется на страницах газет и журналов. За короткое время был опубликован цикл его Донских рассказов: «Шибалково семя»,

«Пастух», «Нахаленок» и другие, вскоре эти рассказы вышли отдельными книгами. Шолохов написал повесть «Путь-дороженька» и задумал работать над романом.

Александр Фадеев, поступив в Горную академию, после ранения в Кронштадтском бою, написал повесть «Против течения», знакомится с писателем Юрием Либединским, который одобрил произведение молодого писателя. Впоследствии знакомство Фадеева и Либединского переросло в многолетнюю искреннюю дружбу. Фадеев стал членом литературной группы «Молодая гвардия» и вошел в руководство РАППа.

Михаил Шолохов не занимал каких-либо руководящих постов, вернувшись на свою малую родину, посвятил себя творчеству. В силу возможности он занимался общественной работой в интересах своего края, прожив все время на своей малой родине в станице Вешенской, куда переехал с женою в 1926 году. Михаил Шолохов кропотливо работал над романом «Тихий Дон». Уже первые публикации этого уникального художественного произведения принесли ему мировую славу.

Александр Фадеев, обосновавшись в столице и находясь в правлении Ассоциации пролетарских писателей, разрывался между желанием писать и руководить.

Михаил Шолохов неустанно работал над своими произведениями, перебиваясь случайными заработками. Два талантливых писателя находились в совершенно противоречивых жизненных ситуациях.

После публикации двух книг романа «Тихий Дон», которые были восторженно встречены читателем, Михаил Шолохов был озабочен требованиями правления РАППа переделать некоторые главы продолжения своего художественного произведения.

Он понимал, что его желание правдиво отразить жизнь казачества, события Гражданской войны на Дону, противоречия, раздирающие общество на различные группы, несправедливость, как со стороны белых, но и красных командиров, жестокость братоубийственной войны, будут восприниматься руководством правления РАППа как отклонения от курса, принятого ими в литературном движении. Но иначе писать он не мог.

На первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей в 1928 году Александр Фадеев выступил с обширным докладом «Столбовая дорога пролетарской литературы». Смысл его выступления заключался в том, что пролетарский писатель должен не сидеть в кабинете и выдумывать сюжеты своих произведений, а находиться в массах и познавать жизнь на местах. Александр Фадеев, как партийный функционер, конкретно указывал, какая литература нужна государству: «Нам нужна литература не цеха, не завода, а литература великого борющегося класса, ведущего за собой крестьянство и другие промежуточные слои...

...Основная задача культурной революции состоит в том, чтобы «простого» рабочего, угнетенного десятилетиями рабства, поднять на более высокую ступень, сделать его образованным, научить его быть и «предзавкома», и «женорганизатором», и художником, и руководителем хозяйства»[1].

После съезда Михаил Шолохов обратился с письмом к руководству Всероссийского союза писателей. Он писал, что живет далеко от Москвы, почту получает с большим опозданием, поэтому просил сообщить, может ли он в случае необходимости ознакомиться с жизнью колхозников, сам выбрать место, куда выехать для сбора материала. Шолохов был убежден, что он и так живет среди крестьян и казаков и имеет возможность наблюдать за происходящими процес-

---

[1] *Фадеев, А.А.* За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. — М.: Советский писатель, 1957. С. 42—43.

сами не из окна столичного кабинета, а непосредственно в селах, однако решил подстраховаться.

Не выходил из головы Михаила Шолохова доклад Фадеева, который вызывал недоумение и вопросы, связанные с критикой Льва Толстого и других классиков литературы в отсутствии в их произведениях общественной значимости простых людей, описания их в произведениях буржуазных классиков, схематично, неправдоподобно.

«Странно, думал Шолохов, вспоминая литературную Москву, где особенно остро шли идеологические бои, почему Фадеев и его единомышленники ни разу не сказали о степени талантов разных писателей, одни способны воссоздать истинную правду своего времени, докопаться до ее глубин, а другие лишь скользят по поверхности, видят только «вершки», не касаясь «корешков». Почему Фадееву кажется, что Лев Толстой не понимал первобытную мужицкую правду, а Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции»? Пусть Либединский или еще какой-нибудь рапповец поедет в самый передовой колхоз, который только начинает возникать, наберется непосредственных впечатлений от окружающей его конкретной действительности и напишет какую-нибудь политическую агитку, ничего общего с художественной литературой не имеющую...»[1]

Осенью 1928 года завистники таланта молодого писателя предприняли действия по его оговору. Появились клеветнические слухи о том, что Михаил Шолохов не мог сам написать роман «Тихий Дон», освещая так емко и правдоподобно события Первой мировой и Гражданской войн, в которых не принимал участия в связи с малым возрастом. Завистники утверждали, что данная рукопись написана другим человеком и случайно оказалась у Шолохова, а он этим воспользовался, опубликовав ее под своей фамилией.

---

[1] *Петелин В.В.* Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. — «Бессмертные имена». — М.: Центрполиграф, 2002. С. 224.

Началась проверка подлинности рукописей Михаила Шолохова, и он был вынужден выехать в столицу.

«В Москву приехал грустный. Понуро встретили его Кудашев, Артем Веселый, Андрей Платонов, Михаил Величко. Лишь Александр Фадеев, Леопольд Авербах настроены были оптимистически.

— Будем драться за правду и справедливость. Создадим авторитетную комиссию, возглавить ее согласна Мария Ильинична Ульянова, посмотрим черновики и беловики, дадим бой этим мерзавцам и негодяям, которые распространяют клеветнические слухи. Ты не робей. Мы докладывали товарищу Сталину об этом как об очередной вылазке классового врага… — твердо говорил Александр Фадеев»[1].

Клеветнические слухи о плагиате отразились на выпуске следующих глав романа «Тихий Дон», так как издательства журналов заняли выжидательную позицию до окончательной проверки рукописей писателя. В это время из журнала «Октябрь» ушел редактор Александр Серафимович, давний друг и учитель Михаила Шолохова. При новом редакторе затянулась публикация шестой части романа, которая была подготовлена редакцией для печати в ближайшем номере журнала. В новых главах романа «Тихий Дон» Михаил Шолохов вскрывал причины события Вешенского восстания и описывал новый поворот в судьбе главного героя Григория Мелехова, перешедшего на сторону белогвардейцев.

В марте 1929 года газета «Правда» опубликовала решение комиссии, проверявшей рукописи Михаила Шолохова на подлинность, в котором клеветнические слухи о плагиате опровергались.

Михаил Шолохов обратился к Максиму Горькому с просьбой принять его, так как узнал о его нахождении в Мо-

---

[1] *Петелин В.В.* Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. — «Бессмертные имена». — М.: Центрполиграф, 2002. С. 238.

скве. Через несколько дней встреча писателей состоялась на даче в Краскове, где остановился Горький.

Эта встреча запомнилась Шолохову на всю жизнь. Максим Горький хорошо отозвался о творчестве молодого писателя, и они расстались друзьями. В 1930 году Михаил Шолохов снова встретится с Максимом Горьким, но уже за границей в Сорренто, куда Горький переехал из Москвы. В этот период Михаил Шолохов уже работал над вторым объемным романом — «Поднятая целина».

Сплетни о плагиате романа «Тихий Дон» утихли, однако недруги писателя не унимались. В романе Шолохова усиленно выискивались изъяны, его политические недостатки. На этой волне и появилась в газете «Большевицкая Смена» статья Николая Прокофьева «Творцы чистой литературы», в которой были указаны вымышленные неприглядные сведения о Михаиле Шолохове. Прокофьев обвинил Шолохова и в покровительстве кулакам, церковным служащим, и в игнорировании политического курса страны, Михаил Шолохов мало участвует в общественной жизни. И снова начались разборки и выяснения отношений, доказывание своей правоты в различных инстанциях, что отвлекало его от любимой работы. Теперь уже правление Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей, проводившее проверку, опровергло клевету Прокофьева.

3 октября 1929 года Михаил Шолохов написал Александру Фадееву письмо.

В нем он сообщает, что в связи с тем, что он не успел закончить продолжение романа « Тихий Дон», печатать в журнале «Октябрь» он ничего не будет. Далее он продолжает: «У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгремели рулады той сплетни, а на носу уже другая… Тебе известна статья Прокофьева в «Больш. Смене», по поводу этой статьи я и нахожусь сейчас в Ростове. Со всей решительностью заявляю, что

обвинения, выдвинутые против меня Прокофьевым, — ложь, причем заведомая ложь. Я приехал, чтобы через отдел печати Крайкома и СКАППа вызвать комиссию для расследования этих «фактов» и глубочайше убежден в том, что это расследование переломает Прокофьеву ноги. Это дело еще более возмутительное. Прокофьев, будучи в Вешенской, наслушался сплетен, исказил их и... спаровал меня с Пильняком. Причем любопытная черта прокофьевских «деяний»: он не проверил эти факты ни в Вешенском райкоме партии, ни в райисполкоме и в результате конфуз, — райком опровергает их.

СКАПП посылает Макарьева. О ходе дела вас будет информировать. Черкну и я. Теперь вот что: после окончания этой муры я подаю в вешенскую ячейку заявление о вступлении в партию. Говорил по этому поводу со своим секр. окружкома, тот говорит, что мы спросим у фракции РАППа. Вам придется написать на сей счет окружкому.

Очень хочется потолковать с тобой. Накопилось много нужных слов и не мало всяческих вопросов... Ну, да о том с приездом в Москву... Буду у вас там, в 20-х числах октября. Ребятам всем привет. «Последнему из удэге» — здоровья и роста, тебе жму руку.

Надоела мине ета жизня очень шибко, — решил: ежели еще какой-нибудь гад поднимет против меня кампанию, да вот с этаким гнусным привкусом, объявить в печати, так и так, мол, выкладывайте все и вся, что имеете: два м-ца вам сроку.

Подожду два м-ца, потом начну работать. А то ведь так: только за перо, а «нечистый» тут как тут, пытает: «А ты не белый офицер? А не старуха за тебя писала романишко? А кулаку помогаешь? А в правый уклон веруешь?»

В результате даже из такого тонко воспитанного человека, как я, можно сделать матершинника и невежду, да еще меланхолию навесить на шею...

Ну, будь здоров, друг. Завидую тебе, ведь ни одно ослиное копыто тебя не лягнуло»[1].

У Шолохова были основания завидовать Александру Фадееву. Связи с влиятельными людьми в руководстве партии отводили от Фадеева, клеветнические слухи и неприятности связанные с его просчетами на занимаемой должности. Иногда были претензии со стороны грозного Иосифа Сталина, но все обходилось благополучно.

Так было с опубликованием в журнале «Красная новь» повести Андрея Платонова «Впрок», которая вызвала негодование Сталина: «...А. Фадеев был напуган, положение его было шатким, и только влиятельные в высших эшелонах власти друзья (Р.С. Землячка и др.) помогли ему остаться и главным редактором, и секретарем РАППа»[2].

Правление РАППа не решились публиковать 6-ю часть романа «Тихий Дон», о чем сообщил Михаилу Шолохову Фадеев, предложив переработать текст повествования, убрав из главы описание Вешенского восстания.

По этому поводу Михаил Шолохов обратился с письмом к А. Серафимовичу:

«...Вам уже, наверное, известно, что 6 ч. (шестую часть) «Тихого Дона» печатать не будут, и Фадеев (он прислал мне на днях письмо) предлагает мне такие исправления, которые для меня никак не приемлемы. Очень прошу Вас, оторвите для меня кусочек времени и прочтите сами 6 ч. (шестую часть). Страшно был бы рад получить от Вас хоть короткое письмо с изложением Ваших взглядов на 6 ч. (шестую часть). Мне не хочется говорить Вам о значении, какое имеет для меня Ваше слово и как старшого, и как земляка...

---

[1] *Петелин В.В.* Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. — «Бессмертные имена». — М.: Центрполиграф, 2002. С. 276—277.

[2] Там же. С. 444.

А вторая «радость» — «новое дело», уже начатое против меня. Я получил ряд писем от ребят из Москвы и от читателей, в которых меня запрашивают и ставят в известность, что вновь ходят слухи о том, что я украл «Тихий Дон» у критика Голоушева — друга Л. Андреева и будто неоспоримые доказательства тому имеются в книге-реквиеме памяти Л. Андреева, сочиненной его близкими. На днях получаю книгу эту и письмо от Е.Г. Левицкой. Там подлинно есть такое место в письме Андреева С. Голоушеву, где он говорит, что забраковал его «Тихий Дон». «Тихим Доном» Голоушев — на мое горе и беду — назвал свои путевые заметки и бытовые очерки, где основное внимание (судя по письму) уделено политическим настроениям донцов в 17 году. Часто упоминаются имена Корнилова и Каледина. Это и дало повод моим многочисленным «друзьям» поднять против меня новую кампанию клеветы.

Что мне делать, Александр Серафимович? Мне крепко надоело быть «вором». На меня и так много грязи вылили. А тут для всех клеветников — удачный момент. Третью книгу моего «Тихого Дона» не печатают. Это даст им (клеветникам) повод говорить: «Вот, мол, писал, пока кормился Голоушевым, а потом иссяк родник...»

Горячая у меня пора. Сейчас кончаю третью книгу, а работе такая обстановка не способствует. У меня руки отваливаются и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня в третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это все идет из литературных кругов.

P.S. Напишите поскорее, если можно. 1 апреля 1930 год»[1].

Одобрение содержания третьей книги романа «Тихий Дон» со стороны друзей и поклонников не повлияло на требования, выдвинутые Александром Фадеевым о переделке некоторых мест произведения.

---

[1] *Шолохов М.А.* Россия в сердце. Сборник рассказов, очерков, публицистики. М.: Современник, 1975. С. 16—17.

Михаил Шолохов, лишившись возможности публиковать продолжение романа, так как отверг замечания Александра Фадеева по поводу изменения его текста, обратится к Максиму Горькому.

«6 июня 1931 г. Алексей Максимович!

На днях я послал телеграмму Фадееву с просьбой передать вам первый экземпляр 6-й части «Тихого Дона». Этот экземпляр напечатан лучше, и мне хотелось бы хоть этим облегчить вам возможность чтения, так как перепечатано вообще неважно и бумага разношерстная. Но тут не только моя вина.....

Мне хочется узнать ваше мнение о 6-й части. Если вы найдете время прочитать, — очень прошу вас написать мне. В том случае, если вы сочтете необходимым поговорить со мной по поводу прочитанного, то дайте телеграмму в Вешенскую, и я с большой радостью примчусь на день в Москву.....

Но некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа, читавшие 6-ю часть, обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию.....

Буду с большим нетерпением ждать от вас письмо или телеграмму[1].

Максим Горький, получив от Александра Фадеева это письмо и рукопись главы романа «Тихий Дон», внимательно с ней ознакомился и уже сам рекомендовал Фадееву опубликовать рукопись.

Также, при очередной встрече с Иосифом Сталиным Максим Горький завел разговор о достоинствах продолжения романа «Тихий Дон».

«— Печатать роман будем, – решительно сказал Сталин, — он принесет нам больше пользы, чем вреда, а с Фа-

---

[1] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 8. — М.: Правда, 1980. — С. 29—33.

девым и Панферовым, я надеюсь, мы договоримся, ведь за границей заговорили о том, что мы травим не только Пильняка, но и Шолохова...»[1]

Вскоре пришла телеграмма от Максима Горького, он приглашал Шолохова на встречу и сообщил, что главы его романа будут опубликованы. Однако главы романа появились в печати только в сентябре 1931 года в журнале «Октябрь», Фадеев не торопился выполнять указания и просьбы высоких лиц.

Отношения Александра Фадеева и Михаила Шолохова не были враждебными, но они строились на чисто деловой основе, связанной с литературной деятельностью и задачами, которые ставила партия, что являлись обязательным для РАППа, а затем и Союз писателей.

«Несмотря на то что «Тихий Дон» получал все большее признание, и не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами, рапповцы не воспринимали Шолохова как пролетарского писателя. Но они вынуждены были включить его имя на XVI съезде партии в число лучших, по их мнению, имен пролетарских писателей — таких, как А. Жаров, А. Безыменский, В. Киршон, М. Чумандрин и другие; вынуждены были согласиться на публикацию третьей книги; вынуждены были дать положительную характеристику при вступлении Шолохова в конце 1930 года в партию — вынуждены, потому что не могли не считаться с быстро растущей популярностью писателя, с признанием его заслуг в партийной прессе, потому что (а это им было известно) И.В. Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени», потому что, наконец, в 1931 году высокий авторитет Горького начал признаваться даже рапповцами. Но все же вплоть до 1932 года, когда из кандидатов Шолохов был уже переведен

---

[1] *Петелин В.В.* Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. — «Бессмертные имена». — М.: Центрполиграф, 2002. С. 459.

в члены партии, когда вышла «Поднятая целина», то есть, по существу, вплоть до ликвидации РАППа, руководители этой организации считали автора «Тихого Дона» еще далеким от коммунистической идеологии писателем»[1].

Иосиф Сталин по-отечески относился к Михаилу Шолохову и Александру Фадееву, часто встречался с ними, что оградило знаменитых писателей от террора карательных органов всесильного НКВД, а затем МГБ.

После смерти И.В. Сталина Александр Фадеев лишился всесильной поддержки. Его выбил из равновесия XX съезд КПСС, который разразился изобличением культа личности И.В. Сталина.

Среди делегатов этого съезда находился и Михаил Шолохов, он высказал свое мнение о работе Союза писателей и ее руководителе Александре Фадееве, также прямо и правдиво, как писал в своих романах, опираясь на свои наблюдения и знания жизненной обстановки.

Михаил Шолохов не скрывал своего недовольства работой Союза писателей, руководство которого связывало свободу литературного творчества: «На что мы пошли после смерти Горького? Мы пошли на создание коллективного руководства в Союзе писателей во главе с тов. Фадеевым, но ничего путевого из этого не вышло. А тем временем постепенно Союз писателей из творческой организации, какой он должен бы быть, превращался в организацию административную, и, хотя исправно заседали секретариат, секции прозы, поэзии, драматургии и критики, писались протоколы, с полной нагрузкой работал технический аппарат и разъезжали курьеры, — книг все не было. Несколько хороших книг в год для такой страны, как наша, — это предельно мало.

---

[1] *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1984. С. 255—256.

В писательский обиход вошли довольно странные, на мой взгляд, выражения: например, «творческая командировка». О какой творческой командировке может идти речь, когда писатель всю жизнь должен находиться в атмосфере творчества! Или еще хлестче: «Секретарь союза такой-то получил годичный творческий отпуск». Да что же это такое, как не прямое признание того, что писатель до «творческого отпуска» занимался черт знает чем, только не творчеством! Ну, и пошла писать губерния… Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. Пятнадцать лет тянулась эта волынка. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя. А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: «Властолюбие в писательском деле — вещь никчемная. Союз писателей — не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке «смирно» никто из писателей перед тобой не будет, товарищ Фадеев. Ты — умный и талантливый писатель, ты тяготеешь к рабочей тематике, садись и поезжай-ка годика на три-четыре в Магнитогорск, Свердловск, Челябинск или Запорожье и напиши хороший роман о рабочем классе».

Не беда, если бы мы в то время потеряли генсека Фадеева, но зато с какой огромной радостью мы обрели бы потом Фадеева-писателя, с новой книгой, возможно, равной по значимости «Разгрому».

Чем занимался Фадеев на протяжении этих пятнадцати лет? Идейно и политически руководил Союзом писателей? Нет, мы всегда и не без оснований считали и считаем, что руководит нами партия. Долгие годы Фадеев участвовал в творческих дискуссиях, выступал с докладами, распределял квартиры между писателями и ничего не писал. Некогда ему

было заниматься такими «пустяками», как писание книг. Но достаточно было Фадееву с 1944 года на несколько лет освободиться от секретарских обязанностей, и он за короткий срок создал прекрасное произведение о молодогвардейцах Краснодона. Пожалуй, как никто из нас — прозаиков, Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и взволнованно писать о молодежи, и в «Молодой гвардии» в полную меру раскрылась эта черта его большого таланта.

Прошло несколько лет, и снова не стало Фадеева-писателя, снова появился Фадеев — деятель от литературы. Бывают же такие поистине сказочные превращения! И эта страна чудес не так уже далека: до улицы Воровского отсюда — рукой подать.

Неужто для административно-хозяйственной работы не нашлось у нас в партии человека масштабом поменьше? Что касается того, что Фадеев был художественным руководителем писательского ансамбля, если можно так выразиться, то и это не отвечает действительности. Ни Федин, ни Гладков, ни Леонов — никто из крупных прозаиков не ходил к Фадееву учиться писать романы. У каждого из нас своя манера письма, свое видение мира, свой стиль, и Фадеев не мог быть и не был для нас непререкаемым авторитетом в вопросах художественного мастерства. К Фадееву не ходили точно так же, как в настоящее время не идут к Суркову учиться, как писать стихи, ни Якуб Колас, ни Рыльский, ни Тычина, ни Твардовский, ни Тихонов, ни Маршак, ни Исаковский, ни Щипачев — никто из крупных поэтов. И они, да и сам Сурков, отлично понимают, что в оркестре, кроме барабана и медных тарелок, существуют и другие, неударные инструменты. Чему же им учиться у Суркова? А вот к Горькому шли и поэты, и прозаики, и критики, и драматурги.... Если же к таким литературным руководителям, как Фадеев или Сурков, никто из их товарищей по профессии за решением

творческих вопросов не ходил, не ходит и ходить не собирается, то спрашивается, зачем же нам такие руководители нужны?»[1]

Шолохов сожалел, что Александр Фадеев растратил свою энергию на административной работу, по существу не реализовав свой талант писателя в полную силу. Откровенная оценка деятельности Александра Фадеева на поприще литературы и руководства литературным процессом была для него неожиданной. Да и не привык Фадеев к такой критике. Однако он не оправдывался и продолжал работать, пытаясь закончить работу над задуманными произведениями. Так же в последние годы Фадеев занимался составлением книги «За тридцать лет», куда включил свои статьи, выступления, письма о литературе и искусстве.

Пережил и Шолохов откровенную клевету и игнорирование его произведений со стороны некоторых литераторов того времени и руководства Союза писателей. Его произведения заняли достойное место не только в России, но и в мировой литературе.

---

[1] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 8. — М.: Правда, 1980. С. 263—265.

Глава 4. К ВЕРШИНАМ ОЛИМПА

Дела семейные

В 1932 году Александр Фадеев расторгнул брак с Валерией Герасимовой. В письме Асе Колесниковой в июле 1949 года Александр Фадеев писал, что после женитьбы в 1925 году, его личная жизнь в браке стала распадаться уже с 1929 года. Ему было трудно обустроить личную жизнь, так как любовь «найти» нельзя, и он откровенно жаловался подруге юности: «Это очень плохо — человеку быть одиноким в течение многих лет в самом расцвете сил...»

«Жена моя, Валерия Анатольевна Герасимова, была человеком хорошим, незаурядным, — когда мы сходились, она уже была известна как писательница... Очень многое от её характера я вложил в Лену Костенецкую («Последний из удэге»), довольно точно описал ее наружность (только к моменту нашего знакомства она уже не носила косу и была на 4 года старше Лены), и кое-что в описании биографии Лены я заимствовал из ее биографии. Она, правда, не потеряла матери в детстве, как Лена, — мать ее умерла, совсем недавно, — но, будучи дочерью ссыльного революционера с превратной судьбой, свойственной этой «профессии», она воспитывалась не в своей семье, а у богатых родственников на Урале. Ее путь к революции, если взять его не с фактической стороны, как он дан в романе, а психологически, более или менее сходен с путем Лены...

В 1932 году... мы разошлись навсегда... У меня сохранились с ней на всю жизнь дружеские отношения, но видимся мы очень редко, случайно.

Я же все эти годы — 1930 по 1936-й — скитался по свету и окончательно, как мне казалось, не мог никого полюбить», — писал Фадеев Асе Колесниковой в мае 1950 года[1].

Валерия Герасимова в период брака с Александром Фадеевым старалась быть независимой от мужа, она не желала иметь детей, что в тот период было нормальным явлением среди комсомольских и партийных работников, когда ценность личной свободы считалась выше семейных уз. Она занималась литературной деятельностью и стала известной писательницей.

Дальний Восток

Семейную трагедию Александр Фадеев пытается скрыть от других, проводя время за работой над романом «Последний из удэге». Он много времени уделяет общественной и партийной работе. «В то же время его авторитет как писателя и организатора, теоретика литературы, особенно после публикаций статей «Старое и новое», еще более вырос и в среде литераторов, и в высоких партийных инстанциях. И.В. Сталин видел в нем того человека, который может быть у Горького лучшим помощником, комиссаром в сложной ситуации подготовки к Первому писательскому съезду страны. Но в результате чудовищных общественных перегрузок, замешанных на столкновении обоснованных и необоснованных претензий, амбиций, у Фадеева все чаще появлялось желание исчезнуть из виду, скрыться в «пустыне», зарядиться новой энергией»[2].

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 45—46.

[2] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Мол. гвардия, 1989. С. 176—177.

Максим Горький, вернувшись из-за границы в СССР, активно занялся работой по развитию литературного движения в стране. По его инициативе был открыт Литературный институт, начали издаваться журналы: «Литературная учеба», «Наши достижения», «За рубежом», «Колхозник» и др., с его легкой руки было учреждено издание серии книг: «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта», «История гражданской войны» и т. д.

Максим Горький активно участвует в различных конференциях, съездах, посещает собрания учреждений, часто выступает в печати, публикуя свои статьи о литературной деятельности, занимается подготовкой 1-го Всесоюзного съезда советских писателей.

Работоспособность и инициатива Александра Фадеева в подготовке проведения первого съезда писателей была оценена Горьким. Однако Фадеев устал от суеты многочисленных дел и нашел предлог для осуществления желания уехать на Дальний Восток. Он добился временного освобождения от обязанностей ответственного секретаря оргкомитета по подготовке съезда писателей под предлогом необходимости командировки на Дальний Восток.

Это была поездка с группой кинорежиссера А.А. Довженко, которая решила приступить к работе над фильмом «Аэроград», в Комсомольске-на-Амуре.

После нескольких лет Александр Фадеев вернулся в места своего детства и юности, где кипела уже совсем другая жизнь. Да и он не был юношей, который с азартом когда-то встретил революцию. Он достиг вершины творчества, имел большой авторитет, его имя знала вся страна.

6 сентября 1933 года Хабаровск встречал гостей из столицы. Для дальневосточного города это было большим культурным событием, и поэтому на перроне вокзала было много встречающих: писателей, интеллигенции, рабочих.

Дальневосточный писатель Семен Бытовой о деятельности Александра Фадеева в Хабаровске упоминает в своих воспоминаниях так: «...В начале сентября 1933 года, после пятнадцатилетней разлуки с Дальневосточным краем, в Хабаровск приехал Фадеев. Вместе с ним прибыли кинорежиссер Довженко с женой Юлией Солнцевой. О цели их совместной поездки Фадеев тогда писал: «Завтра с кинорежиссером Довженко выезжаю на Дальний Восток, сроком на полтора месяца для работы над современным дальневосточным сценарием»[1].

С первого же дня приезда Александра Александровича окружили местные литераторы, желая пообщаться с земляком. Да и в крайкоме партии, где они были приняты с Довженко, Фадеева просили местным писателям организационно оформиться.

Сергей Бытовой перечисляет литераторов, встречавших Фадеева: Борис Кисин, Оскар Эрдберг, Петр Кулыгин, Иван Шабанов, Елпидифор Титов, поэт Петр Комаров, Григорий Кравченко, Трофим Борисов, Вячеслав Афанасьев, Анатолий Гай и др. ...

На первое краевое совещание, созванное по предложению Александра Фадеева, съехались дальневосточные писатели, сотрудники местных газет, библиотекари, преподаватели, студенты. Лекционный зал горсовета едва вместил всех желающих увидеть и услышать Фадеева. Он выступил с докладом о состоянии советской литературы, задачах писательских объединений, подготовке к первому съезду писателей СССР. Многие из выступивших на совещании говорили о необходимости создать краевой журнал, который бы стал средоточием дальневосточной литературы, на что Фадеев выразил свое согласие. Он пообещал помочь землякам в создании журнала.

---

[1] *Бытовой С.М.* Долгие грозы: Повесть. — Л.: Сов. писатель, 1986. С. 245—247.

И Александр Фадеев сдержал свое обещание, согласовав с партийным руководством выпуск на Дальнем Востоке литературно- художественного журнала.

Этому журналу по предложению А. Фадеева дали название «На рубеже», впоследствии он будет переименован в «Дальний Восток».

В 2003 году журналу «Дальний Восток» исполнилось 70 лет. По инициативе редактора этого журнала, писателя Вячеслава Сукачева, было выпущено репринтное издание первого номера журнала «На рубеже», вышедшего в 1933 году. В предисловии этого выпуска Вячеслав Сукачев написал: «А началось все 70 лет назад, в октябре 1933 года. Первый номер журнала «На рубеже» (а именно так назывался тогда наш журнал) вышел как альманах, затеянный по инициативе «группы писателей». Первым его редактором на общественных началах стал редактор «Тихоокеанской звезды» Иосиф Шацкий — так что между журналом и популярной краевой газетой была самая настоящая «кровная» связь, которая не прерывалась многие годы. Что любопытно, в выходных данных было означено, что это «Дальневосточный литературно-художественный и общественно-политический альманах», место его издания определялось как «Москва — Хабаровск». А это видимо от того, что ответственным редактором и главной движущейся силой организации издания был все-таки Александр Александрович Фадеев.

Согласно постановлению правительства, альманах «На рубеже» с 1933 года обрел статус журнала, его редактором стал и оставался вплоть до 1937 года Александр Фадеев».

В первом номере журнала «На рубеже» опубликованы «Заметки о художественной литературе, посвященной ДВК», автор которых Елпидифор Титов. В данной статье Е. Титов дает оценку творчества Александра Фадеева. Эта оценка довольно прямолинейная и никак не хвалебная, Е.Титов писал:

«Даже у такого мастера, как Фадеев, в его «Последнем из удэге» люди действуют как бы в обезличенной обстановке. Его пейзаж ничему не учит и с Приморьем, где происходят описываемые события, никак не связан».

«Первая книга романа А.Фадеева «Последний из удэге» появилась еще в 1930 году. Сейчас печатается в «Красной нови» третья книга. Роман пережил взгляды самого автора на искусство, и сейчас Фадеев, считая что «Последний из удэге» начат неудачно, заново переделал первую и вторую часть романа, объединив их в одну (см. Литературная газ. от 23 июля 1933 года). Таким образом, мы по существу дела еще не знаем нового романа Фадеева: перед нами текст книги, от которой автор сам отказался. Но «Последний из удэге» почти три года находится в широком читательском обороте, — влияние книги было значительным и особенно, надо думать, на читателя Дальневосточного края. Поэтому о романе приходится говорить даже и после «отречения» самого автора».

«В качестве материала для выполнения своего замысла Фадеев взял данные из этнографии народа удэге, воспользовавшись «прекрасными исследованиями» В.К. Арсеньева, некоторых других и собственными наблюдениями, скопленными в течение двенадцатилетнего пребывания автора в Дальневосточном крае».

«Микроанализом психологии юных героев Фадеев отдал дань рапповской литературной традиции и этим испортил роман: замедлил действие повествования, загромоздил его длиннотами, которые отвлекают читателя от событий и лиц более важных, чем переживания гимназистов Костенецких».

«Фадеев забыл при этом также о своих векселях, выданных читателю в предисловии к первой книге романа: дело с темой о родовом быте, на протяжении всей второй книги и девятнадцати глав третьей книги не продвинулось ни на шаг».

«“Последний из удэге”, по мере нарастания новых глав и книг, превращается в роман из истории партизанского движения в Дальневосточном крае, а тема об удэгейцах входит в роман как эпизод, подчиненный этой истории, но не раскрывающий её социальной генеалогии».

«Причем элементы родового быта у туземцев Дальневосточного края, в частности, у народа удэге, уже в то время, к которому относятся события, описываемые в романе Фадеева, находились в состоянии угасания, влияние капиталистической социализации проникло в среду «первобытных коммунистов», вытесняя взаимопомощь конкуренцией, родовое сотрудничество — классовой борьбой, пережитки натурального обмена — развернутым денежным оборотом. Фадеев от изображения всего этого устранился, полагая, очевидно, что из противоречий, которыми полна общественная жизнь тех же удэгейцев, «внутреннего облика человека времен родового быта» не получишь. Общественный строй первобытных коммунистов в изображении Фадеева выиграл с точки зрения схемы, склеенной из собранных отовсюду кусочков, зато проиграл в смысле правдоподобия и, в конечном счете, в отношения художественности, которая без правдоподобия не мыслима. Надо думать, что ошибку свою Фадеев сделал не без влияния «прекрасных исследований» В.К. Арсеньева».

Александр Фадеев не мог не ознакомиться с данными высказываниями, так как, по воспоминаниям Семена Бытового: «В оставшиеся перед своей поездкой по краю дни Фадеев успел прочесть несколько повестей и с десяток рассказов, намеченных для публикации в первых номерах будущего журнала. Часть материалов рекомендовал, часть отверг»[1].

---

[1] *Бытовой С.М.* Долгие грозы: Повесть. — Л.: Сов. писатель, 1986. С. 248.

Однако этот материал не затронул Александра Фадеева, что не вяжется с реакцией Фадеева на критику Святополк-Мирского, которая глубоко его затронула.

Елпидифор Титов родился в Забайкалье в 1896 году в семье священника-миссионера. Окончив историко-филологическое отделение Иркутского университета, занимался изучением фольклора местных народов, литературой. В 1924 году Е. Титов приезжает во Владивосток, где знакомится с В.К. Арсеньевым, который работает директором краеведческого музея и принимает участие в двух экспедициях Арсеньева по Уссурийскому краю. В результате их совместной работы в период с 1926 по 1928 год созданы две научные работы: «Население как производительный фактор» и «Быт и характер народностей Дальневосточного края». В 1924 году Е. Титов проживал в Хабаровске, где работал в газете «Тихоокеанская звезда». В 1926 году Е. Титов жил в Иркутске, откуда переехал в Харбин, где жила его семья, работал в библиотеке при КВЖД. В 1932 году вернулся в Хабаровск, где заведовал международным и литературным отделами краевой газеты «Тихоокеанская звезда». После учреждения Александром Фадеевым журнала «На рубеже» в 1933 году является ответственным секретарем этого журнала. В 1934 году Е. Титов, один из первых журналистов Дальнего Востока, стал членом Союза советских писателей. В августе 1937 года Е. Титова по доносу в антисоветской деятельности и связях с заграницей арестовали в кабинете редактора журнала «На рубеже». В тот же период был арестован и редактор журнала Иосиф Шацкий, оба они были расстреляны как враги народа.

В 2005 году Амурский краеведческий музей Хабаровского края издал книгу «Я сын земли… из творческого наследия Елпидифора Титова[1].

---

[1] *Титов Е.И.* Я сын земли... (Из творческого наследия). — Амурск: Амурский городской краеведческий музей, 2004.

В данной книге родственниками Е.И. Титова и сотрудниками музея обобщили статьи, очерки, рецензии дальневосточного этнографа.

Е. Титов в своих замечаниях по поводу романа Александра Фадеева «Последний из удэге», высказал предположение, что он неверно отразил быт народов удэге, и эта ошибка не обошлась без влияния «прекрасных исследований» В. Арсеньева. У каждого исследователя имеется своя точка зрения на те или иные процессы окружающего мира. Были разногласия по некоторым вопросам, связанным с исследованиями Дальнего Востока, между Е.Титовым и В. Арсеньевым.

Критиков работ исследователя Владимира Арсеньева было достаточно много. Некоторые из них старались причислить путешественника к врагам народа, так как он не являлся выходцем из сословия крестьян или рабочих, что уже само по себе являлось в то время преступлением.

Владимир Арсеньев при всей его предусмотрительности и осторожности не избежал бы участи своих соотечественников быть расстрелянным в годы тотальных доносов и репрессий. Одним из таких недоброжелателей Арсеньева являлся А.Н. Липский, который работал в экспедиции В. Арсеньева в 1917 году, где числился среди участников экспедиции под именем Григорий Дмитриевич Куренков.

А.Н. Липский сотрудничал с органами ВЧК и одно время являлся штатным сотрудником этого учреждения, участвовал в судах так называемой «тройки» и жаждал добиться ареста и расстрела как шпиона В.К. Арсеньева. Многие звали Липского, «ученый с наганом».

А. Липский после работы в ВЧК занимался научно-исследовательской работой и даже после смерти В. Арсеньева, пытался очернить имя путешественника и писателя в шпионаже и предательстве.

Из Хабаровска Фадеев и Довженко выехали в Биробиджан, откуда прилетели в Николаевск-на-Амуре. О своей поездке Александр писал родным и знакомым, делясь впечатлениями.

24 сентября 1933 года. Из письма А. Фадеева Э.И. Шуб: «...Сидим в Николаевске-на-Амуре, куда прилетели на самолете, — над совершенно дикими и дьявольски красивыми местами мы летели, а завтра отъезжаем морем во Владивосток. Все, что здесь в крае творится, настолько необыкновенно, — не похоже ни на что российское, что писать об этом в письме — это профанация, это почти невозможно. На этом материале можно делать десятки сценариев и романов, но факты действительности бьют всякий вымысел...»

14 ноября 1933 года из письма матери — А.В. Фадеевой: «... Дня три тому назад я был в Чугуевке. Изложить все перемены, которые там произошли, в письме совершенно невозможно. Я испытываю к этому селу необыкновенную привязанность, и пребывание там взволновало меня чрезвычайно. Столько нового, хорошего и столько плохого! И по-прежнему страшная заброшенность и оторванность от всего. Я поставил своей целью добиться от областных организаций постройки электростанции в Чугуевке, кардинального ремонта дороги от Яковлевки до Чугуевки и организации МТС в Улахинской долине. ...Тут тебя все, все помнят и так хвалят, что я просто горжусь тобой. Именно потому, что я твой сын, меня в Чугуевке так приветливо встретили, так обласкали, так все звали к себе, что я не могу об этом без слез вспоминать...»

14 ноября 1933 года. Из письма Э.И. Шуб:

«...Лазим по таким дебрям, откуда, по-моему, никакие письма не доходят и дойти не могут. Вот тебе беглое изложение нашего маршрута: Москва — Хабаровск, из Хабаров-

ска поездом в Биробиджан и — на машинах — по еврейским колхозам. Далее: Хабаровск — Николаевск-на-Амуре самолетом (да, пропустил еще поездку к гольдам по реке Тунгуске на моторной лодке!) — здесь несколько дней разъезжали на катерах по Амурскому лиману (смотрели рыбные промыслы и консервные заводы) и — верхами — по сопкам смотрели наши военные укрепления. Далее: пароходом во Владивосток с заездом на Сахалин (смотрели рыбные промыслы). Из Владивостока — катером — в звероводческий (олений, енотовый, песцовый) совхоз, потом — дрезиной — на ст. Капгауз (строится новая ж.-д. ветка через страшеннейшую тайгу и сопки) и в угольной вагонетке (вымазались как черти) на Сучанские рудники. С Сучана пошли таежными тропами (общей сложностью километров 300) в Улахинскую долину, в которой я вырос. Это таежное путешествие длится уже более месяца. В тайге нас захватила зима, но дух у всех бодр. Сейчас сидим в селе Кокшаровке у староверов, в шубах с мужичьего плеча, седые, с интеллигентными лицами, похожие на декабристов в ссылке. Едим рябчиков и зайцев собственного убоя и предполагаем на днях с бригадой местных охотников пойти на несколько дней в тайгу — охотиться на крупного зверя. В одном из сел к нам пришвартовался в качестве постоянного спутника известный уссурийский охотник, спутник Арсеньева и друг гольда Дерсу Узала, — крестьянин с. Варваровки Василий Тарасович Глушак. Это старый тигролов и медвежатник (он поймал в своей жизни до 30 тигров живьем, а перебил, как он сам говорит, «и счету нет»). Мы в нем души не чаем. Представь себе пятидесятилетнего богатыря с необыкновенно ясными детскими глазами, руками, как сковороды, — скромного и какого-то чистого — и физически и морально. После этой охоты мы поедем, очевидно, по границе с Кореей и с Китаем, потом вернемся в Хабаровск и — на собаках — поедем на север, в строящийся

новый город Комсомольск, а уже потом — в Москву. В Москве будем к 1 января...»[1]

В этой поездке Александр Фадеев увидел не только красоты природы, его шокировали бедность и убогость колхозов, где от недостатка кормов падал скот, голодные лица людей, разваливающиеся деревни и многое другое.

Обращаясь в ЦК ВЛКСМ к секретарям Косареву и Салтанову и рассказывая о быте строителей города Комсомольска, Фадеев пишет: «У ребят нет радиоприемника, радиоузел гор. Комсомольска в состоянии принять только Хабаровск. В городе нет библиотеки, нет у ребят никаких физкультурных принадлежностей, нет ни рабфака, ни техникума, ни каких-либо вечерних технических курсов, которые могли бы хоть в десятой степени удовлетворить тягу ребят к повышению своего технического и общеобразовательного уровня»[2].

Александр Фадеев, находясь на Дальнем Востоке, принял участие в работе Дальневосточной партийной конференции, состоявшейся в январе 1934 года в городе Хабаровске, на которой был избран делегатом на XVII Всероссийский съезд Коммунистической партии. После конференции он выехал в Москву.

I съезд советских писателей

17 августа 1934 года открылся Первый Всесоюзный съезд советских писателей. На этом съезде Горький выступил с обширным докладом, в котором отразил развитие всемирной литературы и литературы в СССР, он высказал свою точку зрения о влиянии литературы на развитие общественных отношений в стране, строящей социализм, о цели создания Союза писателей. Максим Горький высказал свое мнение о

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 99—101.

[2] Там же. С. 101.

работе Союза писателей: «Партийное руководство литературой должно быть строго очищено от всяких влияний мещанства. Партийцы в литературе обязаны явиться не только учителями идеологии, организующей энергию пролетариата всех стран на последний бой за его свободу, — партийное руководство должно явить всем своим поведением морально авторитетную силу. ... Советская литература, при всем разнообразии ее талантов и непрерывно растущем количестве новых даровитых писателей, должна быть организована как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры.

Союз писателей создается не для того, чтоб только физически объединить художников слова, но чтобы профессиональное объединение позволило им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всею трудо-творческой энергией страны.

Союз должен в какой-то мере взять на себя руководство армией начинающих писателей, должен организовать ее, распределить ее силы по различным работам и учить работать с материалом прошлого и настоящего»[1].

На съезде с докладом «Еще о социалистическом реализме» выступил Александр Фадеев. Это была небольшая речь, в которой Фадеев отметил недостатки советской художественной литературы и критики. Он призвал описывать более правдиво происходящие события и находиться в гуще этих событий, ощущать реальность перемен социалистической действительности и жизни простых людей и их взаимоотношений.

Общим голосованием делегатов Александр Фадеев был избран в президиум Союза писателей СССР. По поручению

---

[1] *Горький М.* О литературе. Литературно-критические статьи. — М.: Советский писатель, 1953. С. 717—720.

президиума А. Фадеев отвечал за редакцию печатных органов, издаваемых в стране, проводя линию партийного курса в литературе. Председателем правления Союза Советских писателей избрали Максима Горького.

Замедленная работа над продолжением романа «Последний из удэге» в связи с многочисленными партийными поручениями раздражала Фадеева, он не может полностью сосредоточиться над сюжетами произведения, постоянно отрываясь от работы на другие дела. Кроме того, критическая статья Дмитрия Святослава-Мирского «Замысел и выполнение», опубликованная в «Литературной газете», накануне съезда писателей, зацепила его самолюбие, несмотря на защиту со стороны авторитетных писателей, а также Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева, выступившего на общем собрании молодых поэтов и писателей в его поддержку. Он не привык к критике в свой адрес.

Александр Фадеев забыл, как совсем недавно он и его друзья беспощадно критиковали «буржуазных писателей» и писателей советской эпохи: В. Маяковского, Б. Пильняк, Е. Замятина, А. Платонова, Ф. Панферова и др. После съезда писателей Александр Фадеев еще более увлекся административной работой.

Вторая поездка на Дальний Восток

В сентябре 1934 года Фадеев вторично прибыл на Дальний Восток с писателями: П. Павленко, Р. Фраерманом, венгерским поэтом А. Гидашем. На этот раз Александр Фадеев рассчитывает прожить здесь более длительное время и завершить третью книгу романа «Последний из удэге». И действительно прожил в Приморском крае до 19 августа 1935 года.

Ознакомившись с деятельностью местного отделения Союза писателей в Хабаровске, Фадеев оказал помощь в ре-

дактировании журнала «На рубеже», провел работу с молодыми писателями, а также активно включился в общественную и политическую работу в городе.

В ноябре Александр Фадеев с группой писателей прибыл во Владивосток.

О своей жизни на Дальнем Востоке он сообщил маме Антонине Владимировне:

«3 ноября 1934 года. Пишу тебе из санатория РККА на 19-й версте под Владивостоком, где обосновался на некоторый срок, чтобы писать роман и написать два-три рассказа для «Правды». Все предыдущее время ушло у меня на различные поездки: побывал в пограничных районах Амурской области, а потом в районе Барабаша и Славянки, — все это места, в которых я не бывал никогда. Я прекрасно отдохнул и чувствую себя вполне бодро...

Как и в прошлый раз, меня (и всю нашу группу писателей) встречают с исключительной теплотой и вниманием, — даже неловко. Мы провели громадное количество докладов о съезде, — всюду такой интерес, что диву даешься. Сейчас на Дальнем Востоке жизнь значительно улучшилась. Колхозы почти повсеместно встали на ноги — особенно в Амурской области. Чугуевка, в которой я еще собираюсь побывать, имела в прошлом году по 5 килограммов на трудодень, а в этом будет иметь по — 12. А меду — хоть залейся!..»[1]

Проживая у берега моря, недалеко от Владивостока, Александр Фадеев закончил писать третью часть романа «Последний из удэге».

«Там, на даче со скрипучими половицами, в девятнадцати верстах от Владивостока, Фадеева уже и критик Д. Мирский, и злые наветы драматурга В. Киршона и Л. Авербаха совершенно не тревожат. А Мирского ему даже жаль.

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 106.

Этот образованный литературовед, в недавнем прошлом эмигрант, искренне раскаялся в своих ошибках, вернулся в Россию «ни павой, ни вороной», но человеком, твердо убежденным, что правда именно здесь, на его Родине. Но жизнь он познает по-прежнему из книг, потому бывает неловок и смешон. Превознося «Поднятую целину», находит дюжину слабостей в «Тихом Доне» — в пору хоть переписывать, исправлять роман, где каждая страница дышит, как думает Фадеев, «чудовищной жизненной хваткой». А сюжеты «Последнего из удэге» критик поверял не событиями гражданской войны, а страницами «Войны и мира»: Наташа Ростова — Лена Костенецкая, Петя Ростов — Сережа Костенецкий... Фадеев живо представил себе этого добросовестного литературоведа в библиотеке. Листаются страницы романа Толстого, изыскивается нечто в первых частях «Последнего из удэге». Мирский от азарта треплет аккуратную бородку, глаза зажигаются как у любителя-рыболова при виде ушедшего в воду поплавка: попался, мол. Попался? Ну, нет, не возьмешь. Вам еще придется корректировать себя, Дмитрий Петрович. Последнее слово за Фадеевым». Так описал состояние Александра Фадеева в период жизни во Владивостоке Иван Жуков в своей книге «Фадеев»[1].

К этому периоду Фадеев уже достаточно сильно «увлекался» спиртными напитками, что влияло на его поведение, хотя окружающие его люди старались это не замечать. Венгерский писатель, друг Александра Фадеева, Антал Гидаш, принимавший участие во второй поездке Фадеева на Дальний Восток, отрицательно относился к частым выпивкам Александра, и как истинный друг, пытался отвлечь его от этого. Однако эти попытки Фадеевым пресекались и порою даже агрессивно[2].

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Мол. гвардия, 1989. С. 191.

[2] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 500—558.

В письмах, отправленных с Дальнего Востока своей маме и сестре Татьяне, Фадеев пишет, что работает над романом «Последний из удэге». В ЦК ВКП(б) ему разрешили остаться в крае только до осени, и он приступил к написанию четвертой части романа.

В этот период Александр Фадеев написал рассказ «Землетрясение». О строительстве железной дороги в Приморье, который был опубликован в журнале «На рубеже» в № 4—5 в 1934 году.

О своих чувствах и переживаниях, ностальгии по друзьям юности в период проживания во Владивостоке Александр Фадеев излагает в письмах Асе Колесниковой, написанных в 1949—1950 годах.

«Милая Ася! Если бы знали Вы, как я вспоминал Вас и все, что связано с Вами, в 1933 — 34 — 35 годах! В эти годы я дважды ездил на Дальний Восток — после такого многолетнего перерыва! — и жил там (главным образом под Владивостоком, на 19-й версте) первый раз — около полугода, а второй раз — целый год. В те годы Владивосток еще очень мало строился. Я застал его почти таким же, каким покинул.

Я ходил по знакомым дворам и улицам, и все, все оставалось еще прежним. Но людей моего детства и моей юности во Владивостоке уже не было или почти не было. Мне некому было сказать: «А помнишь?» Я мог часами бродить по городу с грустно стесненным сердцем, предаваясь воспоминаниям в полном одиночестве. Боже мой, сколько раз я проходил мимо домика, где столько прошло безвозвратного, счастливого! Я подолгу стоял возле него — над этим обрывом, над этим заливом, с которыми тоже так многое связано в моей душе, и мне жалко было уходить, потому что не хотелось разрушать того грустного, чистого, как в детстве, строя души, который овладевал мною. Если бы я мог предполагать, что Нина Сухорукова по-прежнему живет в этом

домике! Мне доставило бы столько счастья просто увидеть ее лицо. Но я никогда не мог предположить, чтобы человек, знающий меня с детства, не постарался встретиться со мной. Меня очень легко было найти: я часто выступал с докладами, лекциями во многих местах, газеты об этом писали — во Владивостоке меня буквально все узнавали на улицах, так долго я там прожил в те годы...»[1]

Вчитываясь в эти строки письма, хочется понять, а что мешало Александру Фадееву постучаться в двери этого домика и войти в дом, где они проводили много времени с друзьями. Со слов Фадеева, он много раз, в одиночестве, стоял у этого дома и вспоминал своих друзей, но не принял попытки узнать об их судьбах.

«К тем годам (1933—1935), о которых я Вам здесь написал, я остался совершенно одинок, детей у меня от первого брака не было, я не имел никаких должностей, кроме своей профессии, и — совершенно свободный, несколько «разочарованный», что меня красило, — я вернулся на родину с намерением навсегда остаться в крае. И как же кровоточило мое сердце от невыносимого одиночества там, где каждый камень дома, поворот улицы, деревцо в саду напоминали мне о самых чистых днях, о поре самых больших мечтаний и надежд! Тогда еще купальня клуба «Динамо» была абсолютно такой же, какой она была, когда принадлежала Камнацкому. Я помню, у меня сердце забилось, когда я покупал билетик. Я мог часами лежать под солнцем на горячих досках, закрыв глаза, ощущая все тот же, что и в детстве, особенный, неповторимый — от обилия водорослей — запах тихоокеанской волны, с невыносимо щемящим сердцем — оттого, что я был абсолютно один в своих ощущениях и воспоминаниях. Я жил на девятнадцатой версте, бродил одиноко по

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 11.

Океанской. Иногда я пешком ходил во Владивосток, через Седанку, Вторую речку, мимо дома, где жил Саня Бородкин. Я выходил на Комаровскую, заходил во двор домовладения, где жил в детстве у Сибирцевых. И все было таким же, как в детстве (только на пустыре против дома, где мы играли в футбол, поставили цирк). Да, все было таким же, только я уже был другим, и рядом со мной не было решительно никого из тех людей, которых я любил...»

«Я нашел своих сверстников только в деревне и очень много встретил в разных концах края соратников по гражданской войне на Дальнем Востоке — главным образом среди колхозников. Это необыкновенно много дало мне как человеку, и особенно как писателю, что, впрочем, неотделимо одно от другого, если речь идет о писателе настоящем. Но, оставаясь в области личной жизни одиноким, я был не очень счастливым тогда. Примерно с ноября 1934 года и по август 1935-го я уже мало ездил по краю, больше писал и жил абсолютно один на даче, на 19-й версте, вблизи от залива. Как порою грустно мне было! Залив замерз. Метель мела. Иногда все оттаивало, как это бывает в наших краях уже в феврале, я много гулял один и жил, можно сказать, воспоминаниями. Я работал тогда над романом «Последний из удэге», над его третьей частью, которую критика находила наиболее удачной. И правда, мне работалось трудно, но хорошо, что я объясняю тем состоянием душевной раскрытости, которая естественно возникла от соприкосновения с «корнями»[1].

Осенью 1934 года Фадеев, так и не окончив работу над романом «Последний из удэге», возвращается в Москву. Здесь он снова в гуще событий и принимает активное участие в работе Союза писателей. Однако его друзей все боль-

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 13—15.

ше и больше беспокоит пристрастие Фадеева к алкоголю. Поэт Антал Гидаш, по этому поводу писал:

«Надо сказать, что болезнь, принявшая позднее такой трагический оборот, уже и в ту пору наседала на него иногда. Многих близких людей это, естественно, тревожило, и они, из лучших побуждений, пытались предпринять кое-какие шаги. Дескать, если Саша сам не хочет образумиться, так пусть его «сверху» образумят. Иначе он погибнет. Хотели и меня вовлечь в это дело. Но я почему-то всегда чуждался таких мер, пусть даже душеспасительного свойства, и отказался наотрез. Считал, что так поступать не надо. Что, кроме обиды, это ни к чему не приведет»[1].

В конце 1934 года Фадеев уезжает на лечение в Сухуми, откуда 11 января 1935 года пишет письмо маме: «Как ни соскучился я здесь в Сухуми, если учесть, что ведь целый год до этого я был на Дальнем Востоке, — все-таки мне сидеть здесь пока что полезней и лучше, чем в Москве. Я очень продуктивно работаю. Я надеюсь в феврале закончить 4-ю часть. Это было бы вполне «по-стахановски», если бы удалось сдать через месяц-полтора 4-ю часть, когда 3-я только-только выйдет. Единственное, что может помешать, это нападающие на меня изредка полосы самой черной меланхолии, которую мне трудно бывает развеять, потому что сама работа моя связана с одиночеством и психическими процессами. В такие периоды я не могу ни писать, ни читать. Если бы это было в Москве или на Дальнем Востоке, я, конечно, развеял бы все общением с людьми или охотой. Но, к счастью, такие состояния не длятся долго, свидетельством чему является моя уже довольно солидная (за два месяца) писательская продукция... »[2]

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 532—533.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 205.

Максима Горького в Горках навестили писатели Ромэн Роллан, Герберт Уэллс, здесь его навещали Иосиф Сталин, а также известные композиторы, писатели. В августе 1934 года Максим Горький с родными и друзьями посещает город, названный в честь его, Горький. Из города Горький они совершают путешествие по реке Волге. Пароход, на котором Горький совершает поездку, назван «Максим Горький». Поездка сопровождалась встречами с советскими и партийными руководителями, читателями. В конце сентября 1934 года Максим Горький уезжает в город Тессели, где намерен закончить свой роман «Жизнь Клима Самгина».

1 декабря 1934 года был убит С.М. Киров, Максим Горький потрясен этим и в письме Александру Фадееву выразил свои переживания: «Я совершенно подавлен убийством Кирова, чувствуя себя вдребезги разбитым и вообще — скверно. Очень я любил и уважал этого человека»[1].

В 1935 году Максим Горький проживает то в Москве, то в Горках, то в Тессели. Он ведет большую общественную работу в СССР, восхищается методами «трудового перевоспитания» в лагерях ОГПУ, воспел труд заключенных Беломорско-Балтийского канала, поддержал коллективизацию и раскулачивание крестьян. В марте 1935 года М. Горький выступил на 2-м Пленуме Союза советских писателей, в этом же месяце избран директором Института русской культуры. Однако при этом Максим Горький уклонился от работы над книгой биографии Сталина. Он продолжает дружбу с Бухариным и Каменевым, хотя знает, что они в опале у вождя.

На этой почве отношение Сталина к Горькому стало охлаждаться. Сталин уже решил для себя, что эта «глыба миро-

---

[1] *Нефедова. И.М.* Максим Горький. Биография писателя. — Просвещение, 1971. С. 254.

вой литературы» роль в укреплении его авторитета, как вождя пролетариата, сыграл. Строптивость Максима Горького являлась помехой в его дальней деятельности, и последние годы его жизни проходят под бдительным контролем чекистов, обеспечивших по возможности скрытую изоляцию писателя от внешнего мира. Сталин понимает, что возникла необходимость провести ротацию в управлении литературной деятельностью. Более подходящая кандидатура у Сталина, это молодой, преданный партии большевиков, коммунист Александр Фадеев.

В стране начался новый виток репрессий и загадочных смертей выдающихся людей. В 1936 году на правительственной даче в Горках-10 скончался Алексей Максимович Горький. Обстоятельства его смерти были загадочны, а сводки о болезни противоречивы. Ходили слухи, что выдающегося писателя убили.

В преступлении о вредительских методах лечения М. Горького обвинили врача Д.Д. Плетнева, которого приговорили к 25 годам лишения свободы. Во время отбывания срока заключения Дмитрий Дмитриевич Плетнев был расстрелян в городе Орле 11 сентября 1941 года, когда были уничтожены все осужденные при отступлении Красной армии и сдаче города немецким войскам. Впоследствии все лица по этому делу были реабилитированы.

В 1935 году Александр Фадеев кроме различных выборных должностей являлся редактором журнала «Красная новь».

Поэт Сергей Васильев, вспоминая свое первое посещение редакции журнала, написал: «Познакомился я с Александром Александровичем Фадеевым весной 1935 года, в редакции журнала «Красная новь», который он тогда редактировал и куда я забрел на счастье с тетрадкой стихов за пазухой.

Знакомство наше произошло необыкновенно весело.

Фадеев потряс меня, нет, не то слово — удивил своей задушевной простотой, пристальным, но таким необременительным вниманием, так умело и незаметно сократил расстояние между собой, известнейшим писателем, и мною, безвестным начинающим поэтом, что с первых же минут нашего разговора я почувствовал полную раскованность.

— Так что, молодой человек, посидим рядком и поговорим ладком. Изучим ваши сочинения, что называется, в четыре глаза! — решительно сказал редактор «Красной нови», усадив меня на диван и, придвинувшись ко мне вплотную, вслух, почти скандируя, пропахал всю тетрадку от корки до корки.

Закончив чтение, без паузы, сделал короткий, неожиданный вывод:

— Как ни странно, тут у тебя не все плохо. Вот, например, стихотворение «Голубь моего детства» можно изобразить типографским способом и даже заплатить за него автору энную сумму денег. Денег у тебя, конечно, нету? Ну, так они у тебя будут. А как делают деньги? А делаются они вот так! — с этими словами Фадеев взял телефонную трубку и распорядился насчет аванса.

На прощание Александр Александрович сказал очень серьезным тоном:

— Будем считать, что мы в основном остались довольны друг другом. Если что не так, если будут претензии, просьба направлять их в письменном виде!

И тогда-то я первый раз услыхал громкий, неожиданно заливистый, знаменитый заразительный смех Фадеева и выбежал на улицу, ошеломленный и счастливый»[1].

В 1935 году Александр Фадеев, в составе делегации участников Комитета борьбы за мир посетил Чехословакию.

---

[1] *Васильев С.А.* Зарубки на память. — М.: Современник, 1975. С. 85—86.

В первой половине 1936 года Александр Фадеев отдыхает в Сухуми, где провел несколько месяцев с друзьями. Об этом периоде вспоминал Юрий Либединский: «Весной 1936 года я приехал в Сухуми, где провел несколько месяцев с Сашей и еще некоторыми своими друзьями.

В Абхазии А.А. Фадеев, верный своему неизменному жизненному правилу, уже установил самые дружеские отношения и с абхазскими писателями и с интеллигенцией, с местными советскими и партийными работниками. Он рассказал мне о выдающемся абхазском поэте и ученом, знатоке истории своего народа Димитрии Иосифовиче Гулиа, познакомил меня с Нестором Лакобой, тогда председателем Совнаркома Абхазской АССР, крупным и интересным человеком...

После Сухуми мы с А.А. Фадеевым побывали в Сочи, где посетили Николая Островского, — об этом я написал в очерке-портрете, посвященном этому замечательному, на века юному коммунисту-писателю»[1].

О том, что после смерти Максима Горького его преемником в руководстве Союзом писателей СССР станет он, Александр Фадеев наверняка знал, что следует из воспоминаний его друга Юрия Либединского: «Нет, я не хочу сказать, что Фадеев был лишен честолюбия. Но о том, какого «качества» было это честолюбие, свидетельствует другой эпизод, который произошел, если мне не изменяет память, на общемосковском писательском собрании, вскоре после смерти Алексея Максимовича Горького.

Кто-то в пылу литературной полемики сказал, обращаясь к Саше:

— Мы знаем, Саша, чего ты хочешь! Ты хочешь в нашей литературе заменить Горького!

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 201—202.

И Саша ответил:

— Да, я хочу заменить Горького и не вижу в этом ничего такого, что порочило бы меня...»[1]

Фадеев действительно считал, что он достиг того уровня, когда можно учить и направлять других писателей на пути развития партийной литературы, и он к этому времени был неплохим администратором.

Это подтверждает и Илья Эренбург в воспоминаниях о Фадееве: «Как вы провели последний вечер в Париже?» — спросил меня А.А. Фадеев. Я ответил, что был со старыми друзьями. Он сказал: «А меня замучил американский писатель — хотел, чтобы я ему все объяснил.... Эх, Илья Григорьевич!.. — Он оборвал себя: — Давайте лучше выпьем коньяку». Я поглядел на него и увидел не те глаза, что привык видеть на собраниях и заседаниях, а мягкие, печальные.

О Фадееве говорят, что он был талантлив, умен, что он обладал железной волей, что его ценил Сталин. Все это правильно: но слово «талантлив» не справка в послужном списке, оно связано с сотнями помарок на листе рукописи, с внутренними терзаниями, с душевной природой, не всегда подходившей для общественной работы, которую выполнял Фадеев, выполнял не только старательно, но и с увлечением. Все писатели, да, кажется, и все руководители Движения сторонников мира знали его глаза — ясные, холодные, его эрудицию, память, умение придать в статье или в докладе короткой фразе Сталина глубину, блеск, спорность литературного эссе и бесспорность закона»[2].

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 551.

[2] *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Люди, годы, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Том 9. — М.: Художественная литература, 1967. С. 596—597.

Глава 5. ОПРАВДЫВАЯ ДОВЕРИЕ

Годы репрессий

Массовые репрессии имели несколько этапов на протяжении всего XX столетия. Десятки тысяч людей, среди которых были и преданные коммунисты, и люди, преданно поддерживающие советскую власть, и командиры Красной армии и партизанских отрядов, рядовые бойцы, рабочие, крестьяне, интеллигенция и т.д., были осуждены, а иногда без суда и следствия расстреляны и направлены в лагеря. Репрессии не коснулись А. Фадеева и членов его семьи, но уничтожили многих друзей, знакомых, писателей из его окружения.

Александр Борщаговский по этому поводу в своей книге «Записки баловня судьбы», сказал: «В тридцатые годы сотни и сотни писателей отправились на тюремную или лагерную плаху, и Фадеев не мог не знать, что каждый из них был обвинен в терроризме и в шпионаже в пользу одной или нескольких иностранных разведок»[1].

Конечно он знал, однако, вряд ли мог помочь кому-либо в этом кровавом и жестоком разгуле силовых структур и правосудия. Эти люди с корочками карательных ведомств с азартом боролись с «врагами народа», которыми становились любые лица, каким-либо образом, оказавшиеся в поле их зрения.

---

[1] *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991. С. 178.

Фадееву дали понять, что он не должен вмешиваться в иные дела, кроме литературы, о чем он говорил друзьям, когда ему задавали вопросы по поводу арестов и судов.

В 1937 году на партийном собрании московских писателей исключили из партии друга и родственника Александра Фадеева, писателя, Юрия Либединского.

Александр Фадеев на собрании горячо выступил в его защиту, заявив, что он много лет знает Либединского и поручается за него как своим партбилетом, так и головою. Однако большинством голосов писателей, для которых свое благополучие было дороже совести и чести, Юрий Либединский был исключен из партии большевиков. Несмотря на это, Фадеев продолжал дружить и верить своему другу.

В декабре 1939 года была арестована жена Юрия Либединского, Марианна Анатольевна Герасимова, с которой он к этому времени развелся. Она была работником спецслужбы

Марианна Герасимова вступила в ряды ВКП(б) в 17-летнем возрасте. Когда Марианне было 25 лет, она пришла работать в органы ОГПУ. В 1931 году Герасимову назначили на должность начальника секретно-политического отдела. В обязанности этого отдела входило и наблюдение за настроением творческой интеллигенции, а также выявление антисоветских настроений среди лиц, причастных к литературе и искусству. В 1935 году она ушла из органов, которые к этому времени именовались НКВД. После ареста она была приговорена к пяти годам лагерей.

Известный критик и литературовед Корнелий Зелинский в своей публикации привел рассказ Александра Фадеева о случившемся с Марианной Герасимовой: «Красивая женщина была и замечательная коммунистка. Она в НКВД занималась как раз делами культуры. Но к тому времени, когда Берия ее арестовал, она уже ушла из этого ведомства. Я написал ему письмо. Проходит месяц, другой, третий — нет

ответа. А ведь я — Фадеев, член ЦК, как же так? Ну, думаю, я сделал ошибку, что опустил письмо в общий ящик в приемной на Кузнецком, куда жены опускали свои письма со слезами. Я передал ему новое письмо другим способом. В нем я писал, что считаю Марианну кристально честным коммунистом и готов ответить за нее, как за себя, партийным билетом. Опять идет неделя за неделей. Недели через три, а может быть, и через месяц раздается звонок.

— Товарищ Фадеев?

— Да.

— Письмо, которое вы написали Лаврентию Павловичу, он лично прочитал и дело это проверил. Человек, за которого вы ручались своим партийным билетом, получил по заслугам. Кроме того, Лаврентий Павлович просил меня — с вами говорит его помощник — передать вам, что он удивлен, что вы, как писатель, интересуетесь делами, которые совершенно не входят в круг ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя.

Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая моего ответа. Мне дали по носу, и крепко. Марианну в общем порядке послали в «Алжир»[1].

Александр Фадеев переживал за друзей, но был бессилен что-либо сделать, у него практически не было никакой власти, поэтому он прибегал к проверенному способу «забыться» и исчезал неведомо куда.

Сергей Михалков, будучи много лет знакомым с Александром Фадеевым и которому Фадеев доверял, вспоминал: «В самые ответственные моменты Саша, как мы привыкли называть его в нашей семье, мог на несколько дней исчезнуть из поля зрения кремлевского начальства, и тогда его искали по всей

---

[1] *Бережков В.И., Пехтерева С.В.* «Женщины-чекистки». — СПб.: «Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2003. С. 164—165.

Москве. Иной раз он мог завалиться к нам на улицу Горького посреди ночи, и моя жена Наташа укладывала его спать в маленькой комнате при кухне». Касаясь отношения Фадеева к периоду репрессий, Михалков сказал: «Повинен ли он был лично в том, что писателей, поэтов, критиков сажали и отправляли в ГУЛАГ? Я лично не верю в то, что с его согласия как руководителя Союза писателей были искалечены десятки судеб ни в чем не повинных литераторов. Но что-то тяготило его. Я знал, что он верил Сталину. Но что же тогда терзало его душу?»[1].

И отвечая на этот вопрос, ссылается на текст предсмертного письма Фадеева, в котором он указал причину ухода из жизни.

Известный историк и литератор Вадим Кожинов, касаясь обстановки в периоды репрессий, открывает закулисную жизнь писателей и причин трагической судьбы многих из них. Не секрет, что часть писателей была связана с органами ОГПУ-НКВД.

«На первый взгляд может показаться, что это «перескакивание» от ОГПУ-НКВД к ССП неоправданно. Но можно привести целый ряд доводов, убеждающих в логичности такого сопоставления. Для начала вспомним хотя бы о том, что среди деятелей литературы того времени было немало людей, имевших опыт работы в ВЧК-ОГПУ-НКВД, — скажем, И.Э. Бабель, О.М. Брик, А. Веселый (Н.И. Кочкуров), Б. Волин (Б.М. Фрадкин), И.Ф. Жига, Г. Лелевич (Л.Г. Калмансон), Н.Г. Свирин, А.И. Тарасов-Родионов и т.д.

Далее, своего рода «единство» с ОГПУ продемонстрировала большая группа писателей, побывавшая в августе 1933 года в концлагере Беломорканала, чтобы воспеть затем работу «чекистов» в широко известной книге, где выступили тридцать пять писателей во главе с А.М. Горьким.

---

[1] *Михалков С. В.* От и до... — М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ — ЛТД», 1997. С. 63.

Уместно привести также позднейшие (конца 1950-х — начала 1960-х годов) рассуждения писателя В.С. Гроссмана о И.Э. Бабеле и других: «Зачем он встречал Новый год в семье Ежова?.. Почему таких необыкновенных людей — его (Бабеля. — *В.К.*), Маяковского, Багрицкого — так влекло к себе ГПУ? Что это — обаяние силы, власти?»

Особой «загадки» здесь нет, ибо Бабель сам служил в ВЧК, одним из наиболее близких Маяковскому людей был следователь ВЧК-ОГПУ и друг зампреда ОГПУ Агранова Осип Брик, Багрицкий же с чувством восклицал в стихах:

Механики, чекисты, рыбоводы,
Я ваш товарищ, мы одной породы...»[1]

В. Кожинов упоминает, что М. Кольцов был приятелем заместителя главы НКВД в 1936—1937 годах, начальником ГУЛАГа М.Д. Бермана, арестованного в 1938 году, когда арестовали и Михаила Кольцова. Кольцов также дружил и с Ежовым и бывал у него в качестве гостя дома.

Бабель был многолетним другом начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимова, которого арестовали в одно время с Бабелем. Вадим Кожинов своей книге приводит различные сведения непростых взаимоотношений людей в литературных кругах:

«Далее, вероятным доносчиком, передавшим в ОГПУ текст мандельштамовской эпиграммы на Сталина, был еврей Л. Длигач, а «подсадной уткой», помогавшей аресту поэта, Надежда Яковлевна (вдова поэта. — *Примеч. авт.*) называет Давида Бродского»[2].

Приводя эти примеры, Вадим Кожинов делает весьма интересный и, на мой взгляд, правильный вывод, который

---

[1] *Кожинов В.В.* Россия. Век XX. (1901—1939). — М.: Эксмо Алгоритм, 2005. С. 338—339.

[2] Там же. С. 353.

можно отнести и к настоящему времени в некоторых жизненных ситуациях: «Самая, пожалуй, тяжкая, даже чудовищная «особенность» ситуации 1937 года — смертельное столкновение не различных и чуждых друг другу людей, а, напротив, людей самых близких, подчас даже в прямом смысле слова «родных». Перед нами, в сущности, самоуничтожение, самопожирание...»[1]

В письме Асе Колесниковой от 1 июня 1949 года о друзьях юношеской поры Фадеев сообщал: «...Но мы с годами все растеряли друг друга. Саня Бородкин погиб еще в гражданскую войну.

...Что касается остальных, то вскоре по окончании гражданской войны жизнь разбросала нас настолько и территориально, и профессионально, и семейно, и морально, что мы встречались все реже, все случайнее, пока и вовсе не потеряли друг друга из виду — настолько, что если бы вздумал я теперь, к примеру, кого-нибудь искать, то даже не мог бы найти кончиков оборванных нитей, кончики эти совершенно затерялись»[2].

Александр Фадеев на момент составления этого письма знал о трагических судьбах многих друзей юности, которые уже были расстреляны или отбывали срок в лагерях в результате репрессий, той, советской власти, за которую они боролись и готовы были пожертвовать жизнью. И эта власть «отблагодарила» их за это.

Когда Александр Фадеев писал это письмо Асе, еще был жив его кумир, Иосиф Сталин, поэтому он проявил осторожность, сославшись, на то, что ему неизвестны судьбы репрессированных товарищей.

После смерти Сталина в письме Н.К. Ильюхову от 5 февраля 1956 года, то есть накануне своего ухода из жизни, Фадеев

---

[1] *Кожинов В.В.* Россия. Век XX. (1901—1939). — М.: Эксмо Алгоритм, 2005. С. 366.

[2] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С.12.

пишет более откровенно: «Из той группы молодежи, о которой ты вспоминаешь, остался в живых лишь я один. Саня Седойкин (Бородкин) погиб еще в 1921 году под Хабаровском; Пронозу (Гришу Билименко, работавшего до 1937 года инженером под фамилией Судакова, — последняя его партизанская фамилия), а также Петра Нерезова загубили враги народа. Зюк, с которым до Отечественной войны я иногда встречался (Исаак Дольников), работал на различной партийной и советской работе и погиб в народном ополчении Ленинграда в первый год Отечественной войны»[1].

Александр Фадеев уже открыто называет представителей власти, осуществляющих с легкой руки Иосифа Сталина репрессии, врагами народа.

Друг Александра Фадеева венгерский поэт Антал Гидаш прошел все круги ада ГУЛАГа, которого арестовывали и отправляли в лагеря, затем освобождали и снова арестовывали. Его после отбытия срока лагерей приютил и поддержал Александр Фадеев. В воспоминаниях Гидаш описал, как в начале тридцатых годов он с Фадеевым посетил Дальний Восток, вспомнил теплые встречи жителей этого отдаленного от столицы края.

Гидаш вспоминает о редакторе Хабаровской газеты «Тихоокеанская звезда» Шацком, об их встречах во Владивостоке. Гидаш вскоре снова вернулся во Владивосток, но уже под конвоем, под лай овчарок. Они встретятся с Шацким, но уже в лагерной одежде на далекой Колыме, где Шацкий вскоре умрет от непосильного труда и голода.

Гидаш вспоминал: «Фадеев еще осенью 1937 года пытался что-то предпринять для меня. Но не удалось ему. Кое-кого он спас. И видно, этим исчерпал свои возможности. Ведь и он не мог не опасаться того же, чего опасались все, за исключением, быть может, одного человека.

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С. 164.

...Из лагеря я обращался к Фадееву через свою жену. Отвечать письменно он, конечно, не мог. Но сколько же я получал писем телеграмм из дома, и почти в каждом из них стояло имя «Саша». То он просил передать привет, то просил крепиться, не терять надежды, быть уверенным, что он сделает все, что может. ...И это живые свидетельства товарищества и дружбы.

...В апреле 1940 года в Большом театре на вечере, посвященном десятилетию со дня смерти Маяковского, выступал Фадеев.

Тогда я был уже «далеко от Москвы».

По барачному радиорепродуктору я услышал голос Фадеева. Страшно разволновался и решил: будь что будет, но я напишу ему письмо и отправлю «налево». В письме я напомнил о том, что пять лет назад, в том же зале председательствовал я и говорил о безвременно погибшем поэте. «Скажи, Саша, пока поэт жив, за него никто не подымет голос?»

Фадеев получил это письмо.

И в том же году семь поэтов и писателей-коммунистов обратились с заявлением к известным органам — по тому времени это был героический шаг — и попросили пересмотреть мое дело. Эти семь имен я должен назвать: Фадеев, Сурков, Щипачев, Панферов, Жаров, Ставский и Джек Алтаузен.

...в один из весенних дней 1944 года, почти шесть с половиной лет спустя, я был освобожден...»

«...Нет, нелегко было Фадееву, как он осторожно выражался, в «суровые времена». Я уверен, что, будь кто-нибудь другой на его месте, «суровое время» унесло бы еще гораздо больше писателей. Толчки землетрясений — я выступаю тут как свидетель — Фадеев смягчал как мог, во всяком случае, не раз пытался смягчить.

Часто не удавалось ему защитить людей, которых он, бесспорно, хотел защитить. И не раз мешали этому и дурные свойства многих писателей, те самые, что идут от психоло-

гии кустаря-одиночки, от зависти, соперничества, от того, что иные писатели, клеймя своих товарищей, думали таким образом утвердить себя, набить себе цену. Если сейчас эти свойства, как говорится, «пережитки», причиняют «терпимые неприятности» — я говорю вовсе не об идейной борьбе, — то в «суровые» или, по выражению Леонида Мартынова, в «крутые времена» они несли в себе настоящую опасность, могли стать причиной трагедии, да и становились не раз.

Фадеев это отлично понимал. Потому, быть может, и сердился он так, когда кто-нибудь сплетничал или недоброжелательно отзывался о своем товарище-писателе»[1].

Константин Симонов, вспоминая о периоде репрессий в отношении литераторов, журналистов, работников культуры и искусства, привел эпизод разговора с Александром Фадеевым в период командировки в Китай, где он обмолвился по поводу ареста Михаила Кольцова.

«В сорок девятом году, когда мы ездили с первой делегацией деятелей советской культуры в Китай, Фадеев руководителем делегации, а я его заместителем, как-то поздно вечером в Пекине в гостинице Фадеев в минуту откровенности — а надо сказать, что на такие темы, как эта, он редко говорил, очень редко, со мной, пожалуй, только трижды — он после того, как я, не помню, по какому поводу, заговорил о Кольцове и о том, что так до сих пор и не верится, что с ним могло произойти то, что произошло, сказал мне, что он, Фадеев, тогда же, через неделю или две после ареста Кольцова, написал короткую записку Сталину о том, что многие писатели, коммунисты и беспартийные, не могут поверить в виновность Кольцова, и сам он, Фадеев, тоже не может в это поверить, считает нужным сообщить об этом, широко распространенном впечатлении от происшедшего в литературных кругах Сталину и просит принять его.

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 534—547.

Через некоторое время Сталин принял Фадеева.

— Значит, вы не верите в то, что Кольцов виноват? — спросил его Сталин.

Фадеев сказал, что ему не верится в это, не хочется в это верить.

— А я, думаете, верил, мне, думаете, хотелось верить?

Не хотелось, но пришлось поверить.

После этих слов Сталин вызвал Поскребышева и приказал дать Фадееву почитать то, что для него отложено.

— Пойдите, почитайте, потом зайдете ко мне, скажете о своем впечатлении, — так сказал ему Сталин, так это у меня осталось в памяти из разговора с Фадеевым.

Фадеев пошел вместе с Поскребышевым в другую комнату, сел за стол, перед ним положили две папки показаний Кольцова.

Показания, по словам Фадеева, были ужасные, с признаниями в связи с троцкистами, с поумовцами.

— И вообще чего там только не было написано, — горько махнул рукой Фадеев, видимо, как я понял, не желая касаться каких-то персональных подробностей.

— Читал и не верил своим глазам. Когда просмотрел все это, меня еще раз вызвали к Сталину, и он спросил меня:

— Ну как, теперь хотите верить?

— Приходится, — ответил Фадеев.

— Если будут спрашивать люди, которым нужно дать ответ, можете сказать им о том, что вы знаете сами, — заключил Сталин и с этим отпустил Фадеева.

Этот мой разговор с Фадеевым происходил в сорок девятом году, за три с лишним года до смерти Сталина. Разговор свой со Сталиным Фадеев не комментировал, но рассказывал об этом с горечью, которую, как хочешь, так и понимай. При одном направлении твоих собственных мыслей это могло ощущаться как горечь оттого, что пришлось удостовериться в виновности

такого человека, как Кольцов, а при другом — могло восприниматься как горечь от безвыходности тогдашнего положения самого Фадеева, в глубине души все-таки, видимо, не верившего в вину Кольцова и не питавшего доверия или, во всяком случае, полного доверия к тем папкам, которые он прочитал. Что-то в его интонации, когда он говорил слова: «Чего там только не было написано», — толкало именно на эту мысль, что он все-таки где-то в глубине души не верит в вину Кольцова, но сказать это даже через одиннадцать лет не может, во всяком случае, впрямую, потому что Кольцов — это ведь уже не «ежовщина». Ежов уже бесследно убран, это уже не Ежов, а сам Сталин»[1].

Аркадий Ваксберг в № 18 «Литературной газеты» за 1988 год опубликовал очерк «Процессы», в котором описал уголовный процесс над Михаилом Кольцовым и другими участниками «шпионской группы».

«Человека, которого первым ввели в «зал заседаний», судьи знали отлично. Впрочем, совсем никому не знакомых туда вообще не вводили: Ульрих судил знаменитостей. Но этого подсудимого знали не только судьи — знала страна. И по имени, и в лицо. Его снимки множество раз публиковались на газетных страницах, кинохроника, заменявшая тогда телевидение, из журнала в журнал представляла его — на борту самолетов-гигантов, на испанской земле — под фашистскими бомбами, на полях и в шахтах, на солдатских учениях и театральных премьерах.

Это был Михаил Кольцов, известный публицист, член редколлегии «Правды», депутат Верховного Совета РСФСР, член-корреспондент Академии наук СССР. Бывший, бывший... Ибо теперь он был заурядным шпионом. Агентом трех разведок — германской, французской, американской. Членом антисовет-

---

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине / [Составитель и автор предисловия Л. Лазарев.] — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. С. 72—73.

ского подполья с двадцать третьего года, «пропагандировавшим троцкистские идеи и популяризировавшим руководителей троцкизма», террористом с тридцать второго, намеревавшимся убить неизвестно кого, как, когда и за что. Признавшимся абсолютно во всем. Так было сказано в обвинительном заключении, уместившемся на двух с половиной страницах.

— Желаете чем-нибудь дополнить? — спросил подсудимого Ульрих.

— Не дополнить, а опровергнуть, — сказал Кольцов. — Все, что здесь написано, — ложь. От начала до конца.

— Ну как же ложь? Подпись ваша?

— Я поставил ее... После пыток... Ужасных пыток...

— Ну вот, теперь еще вы будете клеветать на органы... Зачем усугублять свою вину? Она и так огромна...

— Я категорически отрицаю... — начал Кольцов, но Ульрих прервал его:

— Других дополнений нет?

Он укладывается в двадцать минут. Даже чуть сэкономил.

Когда 14 лет спустя подполковник юстиции Аракчеев проводил проверку этого дела, его поразила не просто полнейшая безосновательность обвинения, но отсутствие малейшей попытки создать даже видимость доказательств. Свести хоть как-то концы с концами. Оставить в деле какие-то признаки следственных поисков.

В постановлении на арест, составленном через сутки после того, как Кольцов уже находился в тюрьме, указана такая причина ареста: его «родной брат, историк Фридляндер, расстрелян как активный враг народа...» Хотя родство с кем бы то ни было само по себе вообще не может быть преступлением, горькая ирония заключается в том, что известный историк, декан исторического факультета МГУ и М. Кольцов, настоящая фамилия которого Фридлянд, не доводились друг другу никем. И нигде ни разу ни словом единым в обо-

их томах имя профессора, «родство» с которым послужило причиной ареста, больше не упомянуто. О нем забыли.

...Сотрудница «Правды», писательница Тамара Леонтьева, арестованная на несколько месяцев раньше, «призналась» под пыткой следователю Макарову, что вместе с Кольцовым состояла в какой-то троцкистской группе. Но особое совещание НКВД (даже оно!) дело против Леонтьевой прекратило: ей выпал счастливый билет»[1].

Как мы видим, система репрессий могла раздавить унизить почти каждого, кто попадал в ее руки. Стойких и мужественных были единицы, не каждому по силам выдержать адские пытки и изуверские издевательства.

Трудно было Александру Фадееву на высоком посту в литературной деятельности Советского Союза, и по-разному относились к его деятельности писатели. Кто-то был ему благодарен за помощь и поддержку, кто-то осуждал Фадеева за «несправедливые» решения. Как говорится, «каждому не угодишь».

Поэт, писатель Сергей Михалков, вспоминая об Александре Фадееве, приводит случай, который мог бы вызвать у него обиду на Фадеева: «Наша дружба длилась двадцать пять лет. Мы часто бывали на охоте. Ездили обычно одной и той же компанией: художник, актер, доктор и еще один-два человека из близких знакомых. Это были незабываемые поездки! Фадеев полностью отключался от городской сумятицы с ее нескончаемыми совещаниями и заседаниями, растворялся в природе, и не было веселее собеседника за чайным столом в натопленной избе, когда наступает традиционная минута охотничьих рассказов, забористых шуток и воспоминаний. Фадеев умел слушать других, и его искренний заливистый смех был достойною наградой тому, кто, в свою очередь, сумел занять компанию своей байкой.

---

[1] Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. — 2-е изд. — М.: Юрид. лит., 1989. С. 190—191.

...Теперь иные с упорством мажут память о нем черной краской. Не соглашусь. Маленький частный пример.

В 1949 году на сцене Большого театра Союза ССР с успехом шла комическая опера Б. Сметаны «Проданная невеста». Спектакль был выдвинут на соискание Сталинской премии. В числе коллектива участников и создателей спектакля стояла и моя фамилия как автора русского текста. На одном из решающих заседаний Комитета по Сталинским премиям по предложению Фадеева, являвшегося председателем Комитета, моя кандидатура, ко всеобщему удивлению, была снята с голосования. Я был участником этого заседания как член Комитета по премиям.

После заседания Александр Александрович как ни в чем не бывало пригласил меня к себе. Мы сидели у него дома вдвоем за обеденным столом, и я, естественно, не удержался, чтобы не вернуться к этому вопросу. Ведь я, автор русского текста «Проданной невесты», наряду с балетмейстером и художником спектакля, режиссером и исполнителями мог считаться полноправным кандидатом на соискание высокой премии.

— И не думай! — сказал Фадеев. — Ты можешь, писать оригинальные произведения, а этот твой текст, может быть, сам по себе и хорош, да не самостоятелен! За эту работу премии тебе не полагается, и ты ее не получишь! Да, да! Вот так! Пиши больше для детей!..

В списке удостоенных звания лауреата я себя и не искал. Но Фадеева зауважал еще больше»[1].

Писатель и театральный критик Александр Борщаговский в своих воспоминаниях, вышедших отдельной книгой, пишет, что он не согласен с критикой Александра Фадеева в отношении драматургии, высказанной им на XII пленуме

---

[1] *Михалков С.В.* От и до... — М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ — ЛТД», 1997. С. 61—63.

Правления Союза писателей СССР в декабре 1948 года, и изложил свой взгляд на его деятельность: «К этой поре личность Фадеева уже вполне сложилась: позади жесткая рапповская школа, разгром критики в 1940 году, привычка к имперским нравам и жестам, уверенность в безнаказанности любого слова, если оно, пусть и лживое, прибавлено необходимой фразеологией, стереотипами верности и преданности. Чего стоит корнейчуковская «Мечта», он понимал; что я сказал правду, тоже признал, — сопровождавший его слова «матерок» выразил только одобрительное удивление; что «Зеленая улица» и «Московский характер» — пустышки, пошлость, пытающаяся угнездиться в святом храме русского театра, — и это он понимал не хуже любого из нас. Но позади у него было нечто пострашнее: необходимость принять, а то и освятить своим именем истребление в 1937 году сотен честных писателей, его коллег. А случалось, и друзей. Такое сгубит любую душу, любую натуру, даже и прекрасно сложенную природой, взыскующую изначально красоты, правды, гармонии; такое ввергнет в тяжкие запои и подтолкнет, когда станет невмоготу, к выстрелу в сердце»[1].

«Кто-то скажет, Фадеев предал товарищей во имя высокой цели. Он был близким другом Альтмана, издавна дружил с Гурвичем, был на «ты» с Мацкиным, совсем недавно читал им — Александру Мацкину и Абраму Гурвичу — главы еще не опубликованной «Молодой гвардии». Видимо, как художник он нуждался в их понимании, поддержке или критике. А спустя год они — враги, вроде бы давние враги, закоренелые клеветники, злопыхатели, заматеревшая агентура растленной буржуазной культуры. Абсурд, все это никак не вяжется, но сталинская формула «самокритики» свяжет и не такое, а Фадеев возвысится до античного героя; ведь «исти-

---

[1] *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991. С. 54.

ны» ради, во имя партийности он пожертвовал не первыми встречными, а вчерашними друзьями»[1].

Высокий пост Александра Фадеева, его неоднократное выдвижение в ЦК ВКП(б), в Верховный Совет СССР многому обязывали его, особенно беспрекословно выполнять постановления и решения высших органов власти. Он говорил своим друзьям о сомнениях в правильности некоторых решений в руководстве, но это были всего лишь его личные сомнения, а решение принимало большинство, значит, он в своих сомнениях в чем-то не прав.

Вадим Кожинов приводит пример борьбы с «низкопоклонством» перед заграницей в литературе: «Но вернемся в 1947 год. К его середине борьба с «низкопоклонством» перед заграницей, то есть, иначе говоря, с «антипатриотизмом», стала одним из главных идеологических направлений. 13 мая Сталин, приняв по их просьбе руководителей Союза писателей — генерального секретаря Фадеева, его 1-го заместителя Симонова и секретаря партийной организации Правления СП Б.Л. Горбатова, — неожиданно для них решительно заявил, что в широких кругах интеллигенции «не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия... Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов» и т.д. Фадеев, не мешкая, стал реализовывать указания Сталина и на состоявшемся в июне 1947 года пленуме Правления СП резко выступил против «низкопоклонства», объявив при этом его «родоначальником», великого русского филолога Веселовского (1838—1906)[2].

Когда в 1949 году было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной крити-

---

[1] *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991. С. 227—228.

[2] *Кожинов В.В.* Россия. Век XX. (1901—1939). — М.: Эксмо Алгоритм, 2005. С. 293—294.

ке» и шло систематическое преследование «космополитов», Александр Фадеев выступил в газете «Правда» с критикой книг И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», назвав их содержание ничем иным, как «пошлые замечания в духе издевки и зубоскальства по отношению к историческому материализму к учителям марксизма, известным советским деятелям, советским учреждениям».

Причастность Александра Фадеева к репрессиям пытались доказать некоторые писатели, так как после смерти Сталина, когда каждый старался откреститься от своего участия в доносах, обвиняя в этом других. Порою такие обвинения были голословными и несправедливыми, но иногда документы выплыли из железных недр массивных сейфов спецслужб и открывали истину.

В книге «Доносчики в истории России и СССР» говорится о том, что в марте 1949 года по доносу своего знакомого был арестован писатель Дмитрий Стонов (Влодавский). Постановление на его арест Абакумов согласовал с председателем Союза писателей Александром Фадеевым, что говорит о том, что некоторые аресты согласовывались с руководителем Союза писателей.

«Во времена хрущевской оттепели стало известно, как руководители Союза писателей Ставский, Павленко и Гронский отправили за решетку и на смерть поэтов Осипа Мандельштама и Николая Клюева.

Стала известна и роль в судьбе многих писателей и многолетнего руководителя Союза писателей Александра Фадеева. В 1956 году с трибуны XX съезда КПСС его деятельность была подвергнута жесткой критике М.А. Шолоховым. Фадеева прямо называли одним из виновников репрессий в среде советских писателей. После XX съезда конфликт Фадеева со своей совестью обострился до предела. Он призна-

вался своему старому другу Юрию Либединскому: «Совесть мучает. Трудно жить, Юра, с окровавленными руками»[1].

В. Игнатов в своей книге указывает о причастности Александра Фадеева к репрессиям в отношении писателей, ссылаясь на текст автобиографической повести-исповеди Александра Авдеенко «Наказание без преступления». Действительно в книге А. Авдеенко вспоминает эпизод из своей жизни, когда в 1938 году он был исключен из партии и Союза писателей в связи с тем, что его повесть «Государство — это я» и сценарий к фильму «Закон жизни» были признаны вредными для общества.

Он был вызван в ЦК ВКП(б), где присутствовали члены Президиума Союза писателей Тренев, Катаев, Фадеев, Асеев и др., в президиуме находились Сталин, Жданов, Андреев, Маленков, на совещании присутствовали и другие представители культуры. На данном совещании работы Авдеенко были подвергнуты острой критике со стороны Сталина и Жданова, после выступили писатели.

«По словам Асеева выходило, что я не признаю необходимости кропотливо трудиться над рукописью, считаю пригодным для печати все, что выходит из-под моего пера.

Потом вышел на трибуну Николай Погодин. Он махнул на меня рукой — в буквальном смысле слова — и с таким же полным пренебрежением сказал:

— Такие люди меня не интересуют. И я не буду о нем говорить.

Фадеев не пробился на трибуну. Говорил, вернее, пытался говорить с места. Короткой была его речь. Он успел сказать, что нужно освободить Союз от таких людей, как Авдеенко. И вообще надо провести генеральную чистку Союза писателей.

---

[1] *Игнатов В.Д.* Доносчики в истории России и СССР. — М.: Вече, 2014. С. 236.

Сталин не дал ему довести мысль до конца, вышел из-за колонны, встал посредине зала между дубовым возвышением и столами, где сидели приглашенные, строго посмотрел на Фадеева и сказал:

— Ишь какой! Слон в посудной лавке. Ишь как разошелся! Чистка Союза писателей ему понадобилась.

Фадеев смертельно побледнел и сел.

Я сидел к Сталину ближе всех и неотрывно смотрел на него. Я считал его великим, гениальным. Преклонялся перед ним. Но выражение рябого, желто-смуглого лица поразило неумолимой жестокостью, надменностью, высокомерием. Я почувствовал и увидел, что Сталин не уважает ни одного из тех, кто находился в зале, никого не считает способным понимать жизнь. Он изрекал всем известные истины, как великие открытия. Говорил медленно, с частыми паузами, нисколько не смущаясь долгим молчанием. Не говорил, а размышлял вслух, не замечая присутствующих. Произнесет две-три фразы и замолчит, прохаживаясь вдоль дубового возвышения, сосредоточенно глядя в пол. Остановится, пыхнет дымком, скажет что-нибудь и опять прохаживается. Почти слово в слово повторяет то, что напечатано в «Правде», в редакционной статье «Фальшивый фильм».

За все время, пока Сталин говорил, никто из присутствующих не шелохнулся.

Теперь же, когда Сталин лично расправлялся со мной, я понял, как возникали обвинения в период массовых репрессий, как беззащитны были обвиняемые...

— По-моему, Авдеенко пишет не о том, о чем думает, что чувствует. Он не понимает, не любит Советскую власть. Авдеенко — человек в маске, вражеское охвостье.

Андреев, секретарь ЦК, до сих пор не произнесший ни одного слова, вдруг оживился и сказал:

— Авдеенко дружил с таким заклятым врагом народа, как Кабаков, бывший секретарь Уральского обкома партии.

Сталин, продолжая расхаживать и дымить трубкой, говорил:

— Сегодня, перед заседанием, мы звонили в Донбасс. Там очень хорошо знают барахольщика Авдеенко.

Страшно прозвучали слова «человек в маске», «вражеское охвостье», но слово «барахольщик» почему-то показалось еще страшнее и обиднее.

И я вдруг посмотрел на себя глазами Сталина. Он в глухом сером мешковатом френче, в широких штанах, вобранных в сапоги, а я... На мне хорошо сшитый пиджак из темно-серой фланели, черные замшевые туфли, темно-синяя рубашка с накрахмаленным воротничком, шерстяной серый галстук...

Около двенадцати ночи еще раз выступил Сталин. Его лицо почему-то стало мягче, добрее, голос почти беззлобный. И он не прохаживался, а взошел на трибуну, внимательно посмотрел в зал и сказал, как бы подводя итог всему, что говорил раньше:

— Может быть, я и ошибаюсь в отношении товарища Авдеенко. В душу человека не влезешь.

Впервые прозвучало это великое слово: «товарищ». Никто до Сталина и сам он за эти часы ни разу не назвал меня товарищем. А тут — назвал...

Сталин сошел с трибуны и, держа трубку на уровне груди, медленно направился за колонну, открыл дверь и скрылся»[1].

В свое книге Александр Авдеенко описывает свою встречу с Александром Фадеевым после заседания в ЦК.

«Я явился раньше назначенного времени... Фадеев и Поликарпов пришли через час или полтора...

Я поднялся наверх. Фадеев и Поликарпов приняли меня в маленьком кабинете, который находился напротив большого, горьковского, то есть того, где когда-то работал Горький, будучи главой Союза писателей.

---

[1] *Авдеенко А.О.* Наказание без преступления. — М.: Советская Россия, 1991. С. 215—221.

Фадеев погасил верхний свет, включил настольную лампу, расположился в кресле, в центре стола. Поликарпов сидел сбоку, поставив локти на кипу папок. Я сел напротив Фадеева.

Фадеев, по-видимому, куда-то спешил, не собирался со мной долго разговаривать. Я видел это по нетерпеливому выражению его лица.

— Ну, рассказывай!

— Что именно я должен рассказывать?

Фадеев удивился или сделал вид, что удивился:

— Как, ты не знаешь, о чем должен говорить? Неужели не понял ничего? Не дошло?

— Дошло! — сказал я. — Писатель Фадеев превратился в следователя.

У Фадеева побледнели губы, а глаза стали темно-синими.

— Скажи, почему ты написал «Закон жизни», «Государство — это я», «Миллиардершу»? Кто на тебя влиял?

Что ж, вопрос не так уж и плох. Пожалуй, даже хорош.

Кто влиял?.. Перед моим мысленным взором пронеслась, пролетела вся моя жизнь с того дня, как помню себя…

Кто влиял?.. И ты, Саша Фадеев, когда-то повлиял на меня своим «Разгромом», жизнерадостным смехом, юным, красивым лицом, каким оно было в начале тридцатых годов. Ты влиял на меня и добрыми словами, и дружеским локтем, когда мы смотрели с тобой пьесу Михаила Светлова «Глубокая провинция». Ты влиял на меня, когда мы с тобой сидели в грузинском подвальчике на Тверской, напротив телеграфа, и пили доброе вино. Почему же теперь ты стал жестоким, бесчеловечным? Наивно спрашивать? Конечно! Ты поверил, что я «человек в маске», «антисоветский писатель»!

Фадеев напряженно смотрит на меня, всем видом показывает, что у меня осталась последняя возможность покаяться и тем самым хоть немного облегчить свою участь.

Ну что ж, если это действительно последняя возможность произнести человеческие слова, то я в полной мере воспользуюсь ею.

— Вы только для этого и позвали меня сюда, чтобы спросить, какие враждебные силы влияли на меня?

— А хотя бы и для этого, – сердито сказал Фадеев.

— Ну, если так, тогда с этим вопросом пусть ко мне обращаются в НКВД.

Фадеев побагровел.

— А что, разве НКВД не советская организация?

— Почему же не советская? Очень даже советская. Но всякому свое. Следователям НКВД привычнее, чем вам, товарищ Фадеев, задавать подобные вопросы.

И Фадеев, и Поликарпов мгновенно утратили ко мне всякий интерес. Заторопились уходить. Но я все-таки успел кое-что сказать, прежде чем они меня выдворили. Сказал, что не считаю себя конченым человеком и не собираюсь отправляться на тот свет. Люблю жизнь, как никогда. Хочу жить, как никогда. Буду бороться за жизнь.

— Подумаешь! — издевательски засмеялся Фадеев. – Червяк тоже любит жить, судорожно хватается за нее. Видели мы таких борцов, сверхчеловеков.

Да, так, именно так и сказал писатель Фадеев. «Прекрасный и ужасный», по словам Ольги Берггольц. Я ничего не могу ни изменить, ни смягчить, хотя знаю, как он прожил последний день своей жизни»[1].

Авдеенко не арестовали, но исключили из Союза писателей и партии большевиков. Пройдет время, в 1944 году, на фронте он снова вступит в ряды партии, но осадок от последних встреч с Александром Фадеевым останется.

---

[1] *Авдеенко А.О.* Наказание без преступления. — М.: Советская Россия, 1991. С. 238—240.

«И передовую «Литературки», и невинно оклеветанных, безвременно погибших писателей, и бешеную кампанию против так называемых «космополитов», и многое-многое другое вспомнил я в ту минуту, когда мой сын, друживший с сыном Фадеева, однажды в воскресный полдень ворвался в дом с криком: «Только что застрелился Фадеев!»

Прекрасный!..

Многое искупил этот выстрел из старого, времен гражданской войны, нагана.

Я был на кладбище, когда хоронили Фадеева. Прощаясь с ним, бросал землю в его могилу и не вспоминал зла.

Потом неподалеку от того места, где похоронили Фадеева, на скамейке у какого-то памятника я увидел Юрия Либединского, его жену и Валерию Герасимову, бывшую жену Фадеева. Они подозвали меня и не скоро отпустили. Либединский часа два рассказывал о субботней встрече с Фадеевым накануне его гибели.

Трудно жить, – сказал Фадеев своему старому другу, — после того, что мы узнали о Сталине, после того, как поняли, что вынуждены были делать по его указаниям. Совесть мучает. Трудно жить, Юра, с окровавленными руками»[1].

Был такой разговор Авдеенко с Либединским или нет, можно только предполагать, так как в воспоминаниях Юрия Либединского о таком раскаянии Александра Фадеева не упоминается.

В среде творческой интеллигенции, было достаточно «бдительных» людей, на письма и сообщения которых быстро реагировали спецслужбы.

Лауреат Сталинской премии забайкальский писатель Константин Седых написал заявление уполномоченному Союза советских писателей по Иркутской области Молчанову о том,

---

[1] *Авдеенко А.О.* Наказание без преступления. — М.: Советская Россия, 1991. С. 241.

что к нему на квартиру в нетрезвом состоянии пришли поэт И. Трухин и поэт Рябцовский. В разговоре Трухин допустил контрреволюционный выпад против Сталина. Секретарь Иркутского отделения Союза советских писателей Молчанов направил данное письмо в НКВД, добавив собственные подозрения в отношении других писателей, в произведениях которых он обнаружил контрреволюционные высказывания. Последовала реакция на данные сигналы, к врагам народа причислили многих писателей Восточной Сибири, среди которых оказались И. Гольдберг, П. Петров, А. Балин и др. «В союзе писателей после арестов остались два члена: И. Молчанов и К. Седых...»[1]

Зависела ли судьба вышеуказанных писателей от Александра Фадеева? Конечно же, нет? Доносы друг на друга писали многие и по разным причинам. Одним — это доставляло удовольствие, другие — писали из чувства страха за свою судьбу и судьбы своих родных, третьих заставляли оклеветать других, используя компромат или просто запугивая их.

Для следственных органов не существует понятие человечность, там руководствуются статистикой проведенных дел по выявленным преступлениям и четким выполнением приказов, что применяется и до настоящего времени, а человек — это материал для работы. А так как правоохранительные органы имеют дело с человеческим материалом, то были, есть и будут погрешности привлечения к ответственности невинных людей. При этом их совесть чиста, не они выносят приговор, окончательное решение по делу выносит суд. Отмена смертной казни в нашей стране оправдывалась гуманистами и тем, что это исключит возможность казни невинного человека на основании ошибочного приговора, вынесенного судом. Если по ошибке можно расстрелять человека, что тогда говорить о приговорах, не связанных с применением смертной казни.

---

[1] *Игнатов В.Д.* Доносчики в истории России и СССР/В.Д. Игнатов. — М.: Вече, 2014. С. 230—232.

В период репрессий людей арестовывали группами на основании утвержденного властными структурами лимита, что подтверждается архивными документами.

Согласно Докладной записке о выполнении оперативных приказов НКВД СССР, начальник УНКВД по Читинской области майор государственной безопасности Хорхорин писал: «В соответствии с Вашими оперативными приказами, по данным на 1-е января 1938 года, по УНКВД Читинской области всего арестовано — 8627 человек (сюда не входят 405 чел. — участников право-троцкистской организации и участников антисоветского военно-троцкистского заговора в Забайкальском Военном округе)...

Итоги проведенных операций показывают об исключительной засоренности области, поэтому полагал бы необходимым:

В целях полного разгрома базы японской и иных разведок продлить действие Ваших оперативных приказов и работу Особой тройки до 1-го марта, дополнительно увеличив лимит на 3000 чел., из коих первой категории — 2000.

Это вызывается ещё тем, что широкое изъятие началось только последние полтора месяца, с момента организации УНКВД, а отдаленность районов, плохая связь между ними — являлись значительным тормозом»[1].

В число данного лимита людей на уничтожение и отправление в лагеря мог попасть любой гражданин, что и было на самом деле. Лимиты по расстрельным спискам, составленным ретивыми исполнителями на местах, выполнялись полностью и в срок, после чего шли ходатайства о дополнительных лимитах на расстрел.

Обвинения в причастности к репрессиям в отношении писателей и других лиц со стороны Александра Фадеева со-

---

[1] Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Том 4. — Чита: Поиск, 2006. С. 244—245.

мнительны, так как он не относился к той категории лиц, которые занимались расследованиями и судами, и, навряд ли, мог что-либо сделать, хотя в некоторых случаях аресты с ним согласовывались.

Однако достаточно много свидетельств приводится в воспоминаниях писателей и их родственников доброго, дружественного отношения Фадеева к тем, кто пострадал от «судебного» произвола.

В книге «Реабилитирован посмертно», выпуск 1—2, опубликован очерк о репрессии в отношении сотрудника аппарата ЦК ВКП(б), руководителя золотодобывающей промышленности СССР Александра Мильчакова. Будучи осужденным Военной коллегией ВС СССР к 15 годам и этапированный на Север в 1939 году Александр Мильчаков был реабилитирован в 1948 году и вернулся домой. Ему был восстановлен партийный стаж, вернули награды, была предоставлена работа и организовано лечение.

Мильчаков в своих воспоминаниях написал:

«Как-то днем раздался телефонный звонок:

— Здравствуй, Саша! Говорит Фадеев.

— Какой Фадеев?

— Нехорошо, друг, не узнавать. Как-никак я отгрохал «Молодую гвардию»...

— А, здравствуй, дорогой. Рад слышать твой голос. Откуда?

— Из бюрократической канцелярии Союза писателей. Приехал на заседание секретариата. На днях заеду за тобой. Мы уедем ко мне за город и хорошо поговорим. Ох, есть о чем поговорить, милый ты человек!

— Я очень, очень рад, Саша, быть твоим гостем...

— Я звоню тебе, чтобы сказать: это — счастье, что ты жив. Недавно за городом я встречался с Молотовым и Ворошиловым. Заговорили о тебе. Отзывались с похвалой. Воро-

шилов рассказал, что ты вернулся, что он подписывал Указ о возвращении тебе ордена. Молотов вспоминал, как при поездке на Урал в 1938 году играл с тобой в вагоне в домино и ты не раз выигрывал... Вспоминать-то вспоминали и отзывались с похвалой, а встретиться до сих пор не удосужились. Ты бы им рассказал «почем фунт лиха». Стыдно им должно быть, если стыд они вовсе не утратили...

— Саша, дорогой! Встретимся, поговорим...

— Обязательно встретимся. Мне надо видеть тебя, слушать тебя и самому выговориться. А они, вожди, с позволения сказать, так и не пожелали встретиться, а ведь отлично знают, что ты вернулся, лечился и стал теперь работать где-то с ремесленниками и фабзавучениками.

Фадеев прибавил к этим словам резкую характеристику поведения Молотова и Ворошилова, что им, видно, не по душе возвращение людей «с того света», людей, к расправе над которыми они приложили руку.

Не пришлось нам с Фадеевым встретиться. В марте 1956 года я лежал пластом в Кремлевской больнице после повторного инфаркта. Оказывается, этажом ниже лежал Фадеев. Я пробыл в больнице до июня. Фадеев оборвал свою жизнь сам...»[1]

С Таней Цивилевой Александр Фадеев был знаком с детства. Затем были встречи в Москве, где они работали. Вспоминая о Фадееве, она отзывается о своем друге с большой теплотой.

«Был в моей жизни тяжелый период, когда мне пришлось узнать, как говорится, «почем фунт лиха». Друзья познаются в беде. В этой беде меня не оставили мои верные товарищи, не отвернулись от меня. Среди этих самых лучших моих товарищей был и Саша Фадеев. Несмотря на мое «опальное»

---

[1] Реабилитирован посмертно. Вып. 1,2. — 2-е изд. — М.: Юрид. лит., 1989. С. 384—385.

положение, он прислал мне «Молодую гвардию» с теплой дружеской надписью»[1].

Татьяна Константиновна Цивилева весной 1917 года принимала вместе с Александром Фадеевым участие в работе Красного Креста во Владивостоке, была агитатором в Никольске-Уссурийском, член ВКП(б) с 1918 года, находилась на подпольной работе, арестовывалась колчаковской контрразведкой. После освобождения в 1920 году восставшими рабочими и партизанами направлена на работу в Москву, где работала в Министерстве иностранных дел.

Вера Кетлинская вспоминает о попытке Фадеева помочь ей в трудной ситуации:

«Следующая встреча с Фадеевым произошла в 1949 году, когда на меня обрушилось много бед, порожденных искусственно созданным Берией и Маленковым «ленинградским делом». Некоторые мои очерки были объявлены вредными, а я сама «певцом попковщины». Меня чуть было не исключили из партии, фактически отстранили от депутатской работы и закрыли мне доступ на заводы, где я постоянно бывала, собирая материал для «Дней нашей жизни». Роман был на три четверти написан, причем, выверяя судьбы и взаимоотношения героев, я оставляла «на потом» чисто производственные детали — и вот теперь они оказались недоступными!

В самом удрученном состоянии я поехала в Москву и все рассказала своему другу Борису Горбатову.

— Это же чепуха! — сказал Борис. — Чем мы можем оправдаться? Только работой. Надо поговорить с Сашей.

Горбатов повел меня к Фадееву, посидел при начале разговора, следя за тем, чтобы я рассказала все главное, а затем оставил нас вдвоем. Было часов шесть вечера — рабочий день кончался, союз опустел. Фадеев сидел за своим пись-

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 304—305.

менным столом, я — в кресле напротив. Расспросив, у кого я была и кто что ответил мне, Фадеев задумался. Его обычно оживленное, на редкость обаятельное лицо сейчас казалось почти старым, тусклым. Не глядя на меня, он тихо сказал:

— Понимаете, в чем беда: мне предложено в такие дела не вмешиваться. Категорично предложено»[1].

Евгений Долматовский описывает случай его поездки в командировку на Дальний Восток в 1937 году в своей книге «Было».

«Я уже имел на руках «командированное удостоверение» (тогда так писали), когда ко мне домой без предупреждения явился сам Фадеев…

Среди разных напутствий Фадеева было и такое:

— Постарайся быть сдержанным, будь осторожен, укороти свои мальчишеские шуточки, чтоб их не истолковали превратно. Распространилась опасная подозрительность. Не восторгайся людьми с первого взгляда. Ты теперь ответственный уполномоченный, придется иметь дело со всяким начальством. Кстати, прибывших в город уполномоченных начальники обычно приглашают к себе ночевать. Не поддавайся, ночуй в гостиницах, в Доме колхозника. — Уловив мое недоумение, добавил: – Ночью могут за ними прийти, вот и придется тебе вставать с раскладушки и подписывать протокол.

…Я приехал в полночь в город (тот, который в песне «Штурмовые ночи Спасска»), гостиницы не нашел; дежурный по горкому доложил по телефону о моем приезде секретарю. Тот попросил меня к телефону, сказал, что живет рядом — заходи, переночуешь.

Секретарь был молодой (тогда все были молодыми), коренной дальневосточник. Я знал еще от своих новых владивостокских друзей, что мальчишкой он в партизанском от-

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 333.

ряде состоял разведчиком. Я внутренне загордился: вот с какими людьми я здесь на равных!

Я поздно уснул на раскладушке, но меня разбудили: мой гостеприимный хозяин стоял между двумя военными в туго застегнутом кожаном пальто. Жена с остановившимися очами что-то ему собирала, какие-то вещи…

А он успокаивал: ничего не надо, а главное — не волнуйся, это недоразумение, все выяснится, я на днях вернусь.

Тогда многие так говорили…

В 1938 году я почувствовал, что тучи сгущаются и надо мной. Причины? Их не было, но разве это могло иметь значение — период был смутный. Клевета бушевала, как стихия.

Пришло из Москвы несколько странных косноязычных телеграмм, подписанных Фадеевым и Владимиром Ставским. До сути их добраться было сложно, а все напрашивался вывод — меня не то чтобы отзывают, но советуют мне побывать на Гоголевском бульваре (то есть вернуться домой). Я, еще по-пионерски дисциплинированный, вошел в крайком посоветоваться, но агитпропа уже не было на месте, а секретарша сидела заплаканная. Я не вернулся на квартиру, а отправился прямо на вокзал, и через девять дней в Москве на Ярославском меня встретил Константин Симонов с горестными вестями. Клевета ударила и по нашей семье. Фадеев и Ставский своими телеграммами, конечно же, настаивали на моем возвращении»[1].

Александр Фадеев откликался на обращения знакомых и друзей, попавших в беду, хотя ему советовали не вмешиваться в эти дела. Задача председателя Союза писателей ограничивалась руководством и направлением литературной деятельности, организации политической пропаганды коммунистических идей. Находясь на этом посту, он много знал и пытался помочь своим друзьям предостережениями и советами.

---

[1] *Долматовский Е.А.* Было: Записки поэта. Новые страницы. — М.: Советский писатель, 1988. С. 110—112.

Давая оценку отношения Александра Фадеева к периодам репрессий, Вера Кетлинская написала: «Бесспорно, что в отношении к Сталину Фадеев был сыном своего времени, что он верил всему тому, что ему сообщали как члену ЦК и руководителю союза. Теперь мы знаем, как он много раз пытался вступиться за того или иного писателя, как мучительно болезненно воспринимались им репрессии, вырывавшие из литературы талантливых людей. В тех случаях, когда речь шла об осуждении той или иной книги или творчества писателя в целом, независимо от того, был ли он согласен с этим осуждением, Фадеев бережно заботился о том, чтобы талантливый человек не сломился, не терпел лишений. И от самого М. Зощенко, и от других товарищей я знаю, что Фадеев часто справлялся о нем, заботился, чтоб у него была работа по переводам, чтобы новые рассказы Зощенко печатались. Если Фадеев ошибался в оценке и понимал свою ошибку, он не стеснялся признать ее публично, как в случае с В. Гроссманом. Когда он заблуждался — он заблуждался искренне и, во всяком случае, не больше, чем другие. Но Фадеев относился к самому себе крайне требовательно и чувствовал себя ответственным в полной мере за все ошибки и искривления периода культа личности Сталина, и судил он себя с такой строгостью, с какой не стал бы его судить никто другой[1].

В годы репрессий, которые происходили волнообразно, сметая один слой населения страны, через некоторое время другой, выжили наиболее осторожные граждане. Александру Фадееву приходилось также соблюдать эти правила, порою даже отмежеваться на некоторое время от своих друзей, что видно из его письма, другу-дальневосточнику Григорию Цапурину: «28 октября 1955 год. Дорогой Гриша!

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С 342.

Не обижайся на меня за такое длительное молчание, несмотря на ряд твоих писем. В те «злые» для тебя времена я, конечно, не мог тебе писать, как ты это сам понимаешь. Ведь проверить в те времена правду и неправду в таких делах, как твое, было совершенно невозможно. И, конечно, ты можешь себе представить, как я был рад, когда получил первую твою весточку о том, что все оказалось неправдой, что все уже позади, что отношения мои к одному из друзей молодости могут оставаться не омраченными»[1].

Григорий Хрисанфович Цапурин, один из организаторов комсомольской ячейки в городе Владивостоке в 1917 году, участник большевистского подполья и партизанского движения на Дальнем Востоке, друг А. Фадеева. После окончания Ленинградского института работал на партийной и профсоюзной работе.

Сталин и Фадеев

Александр Фадеев попал в поле зрения Иосифа Сталина благодаря усилиям Розалии Самойловны Землячки, которая являлась весомой фигурой на политическом олимпе, и Анастаса Ивановича Микояна.

Евгений Долматовский вспоминает: «Фадеев однажды — уже в иные времена, после войны, — рассказывал мне о своих встречах со Сталиным. Они не были частыми и, если можно так выразиться, каждый раз посвящались какой-то одной теме, одному вопросу. «Просто так» Сталин не вызывал к себе Фадеева. Но в свою маленькую квартиру на обед по случаю шестидесятилетия (присутствовали только те, кого официально называли «соратниками») Сталин пригласил Фадеева и неожиданно объявил, что не хочет слушать угодливых речей, потому что

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 109.

заранее знает, кто и что скажет. Но здесь находится Фадеев, писатель, он один способен поднять оригинальный тост.

— Я растерялся и произнес банальнейшие слова! — весело рассказывал Фадеев. — Вообще мне не везло. Однажды я в присутствии «самого» расчихался ужасно, Сталин даже всерьез спросил: не надо ли врача? Был и такой случай: меня вызвали «наверх», когда я... мыл голову. (Седина Фадеева имела одну особенность — она быстро приобретала неровный желтый оттенок. Почему-то Фадеев очень стеснялся этого. Борьба с желтизной его седины велась при помощи обыкновенной хозяйственной синьки.) В тот раз я не имел возможности домыть голову и предстал перед Сталиным. Он все время посматривал на меня с ухмылкой, и только потом, вернувшись домой, я понял, что комически синеголов!»[1]

«В начале 1939 года Фадеева и Петра Павленко вызвал Сталин. Поднят был вопрос о награждении писателей орденами, руководителей союза спрашивали, кого они считают достойными. Петр Павленко потом, уже при фронтовых встречах, восхищенно рассказывал, как Александр Александрович с побагровевшим от волнения лицом вдруг сказал Сталину, что некоторые поэты и прозаики поставлены под подозрение, а у других репрессированы родственники. Сталин сурово молчал, но не отводил предложенные Фадеевым кандидатуры.

Так некоторые писатели, и я в их числе, оказались в Указе и получили ордена, что было для нас не только полной неожиданностью, но и временным спасением от надвигающихся на нас бед, хотя эта награда не могла ничего изменить в общей тяжелой обстановке»[2].

Александр Фадеев регулярно обращался к Иосифу Сталину для решения организационных вопросов деятельности Союза писателей и, как правило, получал его поддержку.

---

[1] *Долматовский Е.А.* Было: Записки поэта. Новые страницы. — М.: Советский писатель, 1988. С. 113.

[2] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Молодая гвардия, 1989. С. 212.

Константин Симонов, являясь членом правления Союза писателей, не раз присутствовал на этих деловых встречах.

Так, для решения вопросов об улучшении материального положения писателей и штатах правления Фадеев подготовил в мае 1947 года письмо Сталину. Сталин принял А. Фадеева, К. Симонова и Б. Горбатова 13 мая того же года.

«Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись нам навстречу. Лицо у Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу. Молотов приветливо поздоровался, поздравил нас с Фадеевым с приездом, очевидно, из Англии, откуда мы не так давно вернулись...

Разговор начался с вопроса о гонораре.

— Вот вы ставите вопрос о пересмотре гонораров, — сказал Сталин. — Его уже рассматривали.

— Да, но решили неправильно, — сказал Фадеев и стал объяснять...

Выслушав его, Сталин сказал:

— Мы положительно смотрим на пересмотр этого вопроса. Когда мы устанавливали эти гонорары, мы хотели избежать такого явления, при котором писатель напишет одно хорошее произведение, а потом живет на него и ничего не делает. А то написали по хорошему произведению, настроили себе дач и перестали работать. Нам денег не жалко, — добавил он, улыбнувшись, — но надо, чтобы этого не было. В литературе установить четыре категории оценок, разряды. Первая категория — за отличное произведение, вторая — за хорошее и третья и четвертая категории, — установить шкалу, как вы думаете?

Мы ответили, что это будет правильно...

Следующий вопрос касался писательских жилищных дел.

Фадеев стал объяснять, как плохо складывается сейчас жилищное положение у писателей и как они нуждаются в этом смысле в помощи, тем более что жилье писателя это, в сущности, его рабочее место.

Сталин внимательно выслушал все объяснения Фадеева и сказал, чтобы в комиссию включили председателя Моссовета и разобрались с этим вопросом. Потом, помолчав, спросил:

— Ну, у вас, кажется, все?

— Если у вас все, тогда у меня есть к вам вопрос. Какие темы сейчас разрабатывают писатели?»[1]

Вот еще одна запись приема Сталиным, сделанная К. Симоновым:

«Как мне помнится, заседание это происходило уже не в кабинете Сталина, а в небольшом зале заседаний. В сущности, это был не зал, а довольно большая комната, в которой стояло несколько рядов кресел с пюпитрами, перед ними небольшой стол для председательствующего, слева от него (если смотреть от нас) маленькая трибунка для выступающих. Не помню, чтобы когда-нибудь в другой раз кто-то пользовался этой трибункой, выступал с нее. Но на этот раз Сталин пригласил Фадеева как докладчика от Комитета по Сталинским премиям на эту трибунку. Фадеев докладывал, стоя за нею. Продолжая еще в это время работу над переделками и новыми главами второго варианта «Молодой гвардии», Фадеев, как мне помнится, одновременно с этим начал собирать материалы для своего, впоследствии так и оставшегося ненаписанным романа «Черная металлургия». Он ездил на Урал, его срочно накануне этого заседания вытащили из поездки, он полдня летел оттуда в Москву, там,

---

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине/ [Составитель и автор предисловия Л. Лазарев.] — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. С. 124—128.

в Магнитогорске, он, как выражался на этот счет Твардовский, похоже, основательно, водил медведя, плюс к этому минимум времени на то, чтобы прийти в себя, час или два на подготовку к докладу — и вот он здесь, на заседании Политбюро, перед Сталиным, за этой шаткой, не по росту ему, трибункой. Он стоит за ней, прихватил ее как-то неловко руками, перед ним — листы доклада или заметок к докладу, пиджак на нем какой-то коротковатый, куцый, тесный; лицо кирпично-бурое, а голос в диапазоне его физического состояния — от хрипотцы до дисканта, прорывающегося сквозь эту хрипотцу недавней опохмелки.

Сталин, сидящий за столом, как мне кажется, все это прекрасно видит, понимает и наблюдает за Фадеевым со смешанным чувством любопытства (как-то он выйдет из этого положения) и некоторого даже любования Фадеевым (смотри-ка, оказывается, выходит из положения, да еще как выходит). Стоять там, за этой трибункой, под наблюдающим взглядом Сталина Фадееву было, наверное, физически тошно и нравственно мучительно, но он, как он умел это делать, собрал в кулак всю свою волю, сделал доклад и даже ввязался в спор со Сталиным по поводу романа Коптяевой, который ему, Фадееву, решительно не нравился.

Что говорил по поводу романа Коптяевой Сталин, у меня записано, но в диалоге с Фадеевым все это выглядело несколько иначе. Сталин перечислял достоинства романа, главным образом упирая на то, что так бывает в жизни. Фадеев, не споря с ним, гнул свое, говоря, что, конечно, так бывает, но это все плохо написано. И треугольники бывают, но тут он плохо написан, этот треугольник. И быт Якутии верно дан, но и это тоже с художественной стороны написано плохо, худо написано.

— И все-таки я считаю, что премию роману надо дать, — сказал в заключение Сталин, относившийся к возражениям Фадеева терпеливо и с долей любопытства.

Услышав это, Фадеев впервые, кажется, за все время оторвал от трибунки свои вцепившиеся в нее руки, беспомощно развел ими в стороны и упрямо, не желая согласиться с тем, что роману Коптяевой надо дать премию, сказал: «А это уж ваша воля». И немножко подержав свои, беспомощно и удивленно раскинутые руки в воздухе, опять вцепился ими в трибунку»[1].

Будучи требовательным и властным, Иосиф Сталин сам не был трезвенником и к пьющим относился снисходительно, если не теряли грань дозволенного в поведении.

В своих воспоминаниях Никита Сергеевич Хрущев пишет о посещении дома Сталина: «Входишь, поздороваешься, он говорит: «Хотите кушать? «Садитесь», а «садитесь» — это значит бери тарелку (тут же стоял супник), наливай себе, сколько хочешь, и ешь. Хочешь выпить — бери графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то решай сам, как говорится, душа меру знает. Не хочешь, можешь и не пить.

Уже потом мы вспоминали, каким было доброе старое время… Но наступило и такое время, когда ты не только не хочешь пить, а тебя просто воротит, тебя же накачивают, наливают тебе нарочно. Да и это умел делать Сталин»[2].

Константин Симонов, принимавший участие во многих заседаниях, наблюдавший со стороны за Александром Фадеевым и Сталиным, принимая активное участие в работе Союза писателей, в своих воспоминаниях не только описывает различные события того периода, но и делает свои определенные выводы взаимоотношений Сталина и Фадеева.

«Думаю, как это ни странно звучит, что в Сталине было некоторое сходство с Фадеевым — в оценках литературы. Прежде всего он действительно любил литературу, считал

---

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине/ [Составитель и автор предисловия Л. Лазарев.] — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988. С. 195—197.

[2] *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Том 1. — М.: Вече, 2016. С. 75.

ее самым важным среди искусств, самым решающим и в конечном итоге определяющим все или почти все остальное. Он любил читать и любил говорить о прочитанном с полным знанием предмета. Он помнил книги в подробностях. Где-то у него была — для меня это несомненно — некая собственная художественная жилка, может быть, шедшая от юношеского занятия поэзией, от пристрастия к ней, хотя в общем-то он рассматривал присуждение премий как политик, как дело прежде всего политическое, и многочисленные его высказывания, которые я слышал, подтверждают это»[1].

Об отношении Александра Фадеева к Иосифу Сталину высказался Илья Эренбург в своих воспоминаниях: «Фадеев свято верил в то, что Сталин умело руководит государством, знает, что нужно делать, видит далеко вперед. Порой Александр Александрович не мог удержаться: в Пензе он заговорил со мной о судьбе Мейерхольда, потом, незадолго перед смертью Сталина, припомнил Якира, Штерна, повторял: «Его обманывают...» В конце сороковых годов многое ему претило, и опять-таки он находил объяснение: «Мутная волна... Сталин ее удерживает...» К вере примешивался страх. Раз полушутя он сказал: «Я двух людей боюсь — мою мать и Сталина. Боюсь и люблю...»[2]

Александр Фадеев являлся проводником идей Сталина в литературной деятельности, и фактически его карьера писателя закончилась после романа «Разгром», в котором сохранилась чистота жизненного восприятия окружающего мира, воплощенная в художественное произведение. В дальнейшем Фадеев был писателем-администратором, писате-

---

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине/ [Составитель и автор предисловия Л.Лазарев.] — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. С. 205.

[2] *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Люди, годы, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Том 9. — М.: Художественная литература, 1967. С. 602.

лем-политиком, писателем-исполнителем, претворяющим в жизнь идеи своего кумира-вождя Иосифа Сталина.

«Фадеев иногда говорил о какой-либо книге: «Конечно, талантливо... Но поймите меня правильно — дело не в абсолютных оценках. Есть государственная точка зрения, и в этом плане книга вредная...»[1]

И эта позиция ценилась руководством страны. По мнению Александра Борщаговского: «Сталин, как умел, ценил Фадеева, относил его к числу серьезных писателей, случалось, щадил в обстоятельствах, в которых был бы беспощаден к другим. В конфликтах, случавшихся у Фадеева с Комитетом по Сталинским премиям, неизменно принимал сторону Фадеева. (Так случилось, к слову сказать, с не состоявшимся из-за возражения Фадеева — его одного! — присуждением Г. Мдивани Сталинской премии за одну из его пьес. Случилось однажды и другое: назначенный главой Совинформбюро, Фадеев куда-то запропастился, «выпал» на несколько дней, а Сталину понадобились документы из сейфа Совинформбюро — и сейф особой сложности пришлось резать автогеном; любому другому это могло стоить если не жизни, то карьеры навсегда, Фадеев был «тихо» отстранен от должности, несовместимой с его недугом.)»[2].

Тяжкий недуг

«Нет, он не был алкоголиком в обычном смысле этого слова, не получал удовольствия от вина. К вину чаще всего толкали душевные травмы, как к средству забыться, а это средство оказалось ядом, расслаблявшим волю и обострявшим бо-

---

[1] *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Люди, годы, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Том 9. — М.: Художественная литература, 1967. С. 602.

[2] *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991. С. 21—22.

лезни. Как рассказывал Ю. Либединский, в конце 20-х годов в жизни Фадеева произошел трагический случай, когда он под влиянием сознания своей вины перед любимым человеком впервые сильно запил. Так началась эта его болезнь. Сперва периоды ее проходили довольно быстро, а потом стали затягиваться. Накануне войны болезнь была уже сильнее Фадеева. Долгое время он сам не осознавал этого, а когда с ужасом убедился, что это так, возник новый источник душевных страданий. Не удавалось сделать уже назначенные доклады. Пропускал важные заседания. И, как свидетельствовал тот же Ю. Либединский, Фадеев очень мучился и казнил себя за эти срывы, хотя и старался делать вид, что ничего не произошло.

Да и как могло быть иначе! Ведь страдал авторитет Фадеева, ревностно думавшего о своей репутации руководителя, организатора литературной жизни. Росло чувство стыда за такой, по сути дела, антиобщественный порок. Приходило в упадок творчество, алкоголь ненадолго отвлекал от жизненных бед, чтобы отомстить с особой жестокостью: немедленно обострялась болезнь печени, приходилось — в который раз! — оставлять работу над романом.

Все переплеталось в один клубок. Фадееву порой уже казалось, что он ничего путного не совершил в прошлом и не может совершить в будущем»[1].

Касаясь этой темы, Илья Эренбург заметил: « Говорили также, что Фадеев мало пишет, потому что много пьет. Однако Фолкнер пил еще больше и написал несколько десятков романов. Видимо, были у Фадеева другие тормоза»[2].

В 1934 году в период поездки Александра Фадеева на Дальний Восток, участник этого турне, венгерский поэт

---

[1] *Озеров В.М.* Избранные работы. В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т. II. Александр Фадеев. Творческий путь. 1980. С. 526—527.

[2] *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Люди, годы, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Том 9. — М.: Художественная литература, 1967. С. 598.

Антал Гидаш обратил внимание на пристрастие Фадеева к алкоголю и рассказал о попытке помешать этому. Он предлагал Фадееву лечь спать, так как утром им нужно ехать на встречу с военными моряками.

«Поэтому я решил: подожду еще, авось да уговорю его. И вот в три часа ночи я приступил к «решительным мерам».

— Саша! Довольно!

Темные огонечки замелькали в его голубых глазах.

— Не мешай!

Но я отставил бутылку. И тогда, даже не поднявшись со стула, он яростно схватил меня за горло:

— Поставь на место! Слышишь!

Этого я не ожидал. Встал и пошел в комнату, где нас устроили на ночлег».

Прошло много лет. Февраль 1956 года. Антал Гидаш, дочь Бела Куна, Агнеш, в больнице навестили Александра Фадеева.

«Стемнело. Все трое сидели мы словно пригвожденные к стульям. Фадеев у стены, резко похудевший в больнице, как и всегда (там он уж вовсе неукоснительно соблюдал диету). Но сейчас больно было смотреть на него. Шея красная, морщинистая, старая. Даже второй подбородок висит мешочком. А в глазах ни капли голубизны — выцветшие, усталые, ускользающие. Видно, ему было очень нелегко.

Агнеш встала и спросила его с той прямотой, от которой в подобных случаях он был готов бежать на край света:

— Александр Александрович, будете вы еще пить?

— Буду, — ответил Фадеев, даже не рассердившись, и тоже встал.

— Да ведь врачи говорят, что у вас цирроз печени, — решила Агнеш огорошить его, испугать, применить очередные «воспитательные меры». — Вы же умрете тогда...

— Никакого цирроза у меня нет, это только врачи пугают. И не беспокойся, не от этого я умру...

Агнеш попыталась еще что-то сказать. Я оборвал ее:
— Перестань воспитывать Сашу!»[1]

Вторая семья

В июле 1937 года Александр Фадеев в составе делегации советских писателей выехал в Испанию на 2-й Международный конгресс писателей в защиту культуры. После конгресса заехали в Париж. Француженка Эльза Триоле, знакомая с Александром Фадеевым, вспоминает: «...В Париж он приехал сначала в 1935 году на 1 Международный конгресс писателей в защиту культуры; затем он побывал там в 1937 году во время поездки в Испанию группы писателей всех стран. Я была в то время тяжело больна и поехать не смогла. Вернувшись в Париж, Саша ежедневно приходил посидеть у моей постели, приходил завтракать и обедать.. Свою первую прогулку после болезни я совершала, опираясь о его руку. В эту же поездку он встретил свою будущую жену, актрису Художественного театра Ангелину Степанову; он был молод, влюблен и счастлив»[2].

Возможно, Эльза Триоле ошиблась, указав, что Фадеев познакомился с Ангелиной Степановой в 1937 году, так как в своем письме Асе Колесниковой Фадеев сообщает: «Мне было как-то особенно тяжело жить (в смысле жизни личной) вот в эти тридцатые годы, годы самого большого моего одиночества. Но, конечно, жизнь все-таки взяла свое, и в 1936 году я женился — женился по любви... У нас — дети, которых я так несправедливо и жестоко был лишен в молодые годы и о которых я так мечтал. Жена моя — актриса Московского Художественного театра Ангелина Осиповна Степанова, актриса очень талантливая, всю свою духовную

---

[1] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С. 528, 549.

[2] Газета «Советская культура» от 25 октября 1990 года, С. 15.

жизнь отдающая этому своему любимому делу. В быту она мало похожа на «актрису» в привычном понимании, она — большая семьянинка, страстно любит детей, просто одевается, штопает носки своему мужу и «пилит» его, если он выпьет лишнюю рюмку водки...»[1]

14 декабря 2011 года в газете «Владивосток» была опубликована статья Владимира Коноплицкого «Верной осталась только жена» (Женщины в жизни Александра Фадеева). В данной статье были приведены неверные сведения о некоторых лицах, порою прямой вымысел: «К концу 30-х годов в жизни Фадеева наступает крутая перемена — он вновь женится. Будучи в Париже в командировке, познакомился с актрисой гастролировавшего во Франции МХАТа Ангелиной Степановой.

Яркая, обворожительная красавица сводила с ума московский бомонд. Однако была замужем — за режиссером МХАТ Николаем Гончаровым, одновременно была у нее тайная любовь с популярным драматургом Николаем Эдманом (недавно в Москве издана их переписка, вызвавшая в театральных кругах сенсацию). Тем не менее, первенство в этом своеобразном четырехугольнике осталось за Фадеевым. Сближению способствовало помимо всего прочего и то обстоятельство, что были они земляками. Степанова родилась в Николаевске-на-Амуре, ее мать одно время жила во Владивостоке. В самый канун 1938 года они обвенчались. К слову, у Степановой был уже сын Саша, родившийся за год до свадьбы с Фадеевым.

Они прекрасно подходили друг другу. В том смысле, что сквозь пальцы смотрели на частые производственные отлучки. Степанова была вся поглощена работой в театре, гастролями, Фадеев все больше погружался в общественно-литературный мир. Впоследствии он станет играть видную роль во Всемирном совете мира. В 1938 году по предложению

---

[1] *Фадеев А.А.* ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961. С.47.

Сталина возглавит Союз писателей СССР, в дальнейшем станет его генеральным секретарем. На творчество времени практически не останется. Еще, наверное, и потому, что по-прежнему востребован «налево».

Он увлекается знаменитой московской леди Ольгой Булгаковой, женой автора «Мастера и Маргариты». Их отношения зашли так далеко, что вынужден был вмешаться ЦК КПСС. Секретарь ЦК Щербаков, руководивший в военное время Совинформбюро и бывший непосредственный начальник Фадеева предлагал крайнюю меру — исключить из партии, что автоматически вело к уходу с поста главы Союза писателей и вообще краху политической карьеры. Но тут вмешался Сталин, предложивший ограничиться строгим выговором по партийной линии».

У Михаила Булгакова не было жены по имени Ольга. Он был женат три раза, его первая жена Татьяна Николаевна Лаппа, вторая жена — Любовь Евгеньевна Белозерская, третья — Елена Сергеевна Шиловская-Булгакова. «29 июля 1937 года Ангелина Иосифовна Степанова, жена Фадеева, вместе с Московским Художественным театром впервые уехала на гастроли за границу, в Париж»[1].

Из данных сведений следует, что Степанова впервые выезжает за границу на гастроли, уже будучи женой Александра Фадеева.

«Ангелина Иосифовна до брака с Фадеевым жила на Огарева с матерью Марией Владимировной и сыном, маленьким Шурой. Когда они поженились, то переехали в новую квартиру в Большом Комсомольском переулке. Обживалась дача, полученная в Переделкине…

Разъезды Александра Александровича, Ангелины Иосифовны вошли в привычку на всю жизнь. Весну или лето театр

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Молодая гвардия, 1989. С. 213.

проводил на гастролях, и, качаясь на рессорах вагона, Ангелина Иосифовна знала, что, приехав в город, она застанет письмо Александра Александровича. Пройдут годы, и Фадеев по-прежнему будет писать письма жене с приходом лета или в конце весны», — пишет в своей книге Иван Жуков[1].

В книге Ивана Жукова приводятся тексты многочисленных писем Александра Фадеева своей жене, содержащие любовь и тоску по ней, что говорит о слаженности семейных отношений.

Что касается Александра Фадеева и семьи Булгакова, то: «Фадеев встретился с Булгаковым слишком поздно, в феврале 1940 года незадолго до смерти автора «Мастера и Маргарита». Пришел к больному писателю, может быть, чисто из человеческих побуждений — проведать, подбодрить...

Встреча с Булгаковым поразила Фадеева. Он увидел в нем качества, которые более всего ценил в художнике: ум, искренность, талант, равнодушие ко всему внешнему, поверхностному.

Фадеев сразу же почувствовал, что с этим человеком можно быть откровенным до конца.

...15 марта 1940 года «Литературная газета» опубликует некролог, посвященный памяти М.А. Булгакова...»[2]

В книге М. Чудаковой содержатся сведения о том: «...совершенно убежденный в безнадежности своего положения, Михаил Булгаков в середине октября 1939 года оформил свое завещание».

18 октября позвонил А. Фадеев, пообещав навестить его, но не приехал. «К середине января наступило некоторое улучшение». 13 января. «Лютый мороз, попали на Поварскую в Союз (Союз писателей на ул. Воровского. — *М.Ч.*). Миша хотел повидать Фадеева, того не было...

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Молодая гвардия, 1989. С. 216—217.

[2] Там же. С. 218—220.

15 февраля. «Вчера позвонил Фадеев с просьбой повидать Мишу, а сегодня пришел. Разговор вел на две темы: о романе и о поездке Миши на юг Италии, для выздоровления. Сказал, что наведет все справки и через несколько дней позвонит». В эти дни Булгаков уже с трудом переворачивался в постели — ему болезненны были прикосновенья».

«1 марта приходил Фадеев; в этот день К. Венцем были сделаны последние фотографии Булгакова (запечатлевшие резко изменившееся, но спокойное, иногда улыбающееся лицо) — красноречивые свидетельства силы духа умиравшего и его жены»[1].

Е.С. Булгакова в своих воспоминаниях о муже пишет: «Умирая, он шутил с той же силой юмора, остроумия. Рассказывал тархановские истории. Слова «С.Ф.». Инициалы эти расшифровываются нами как — «Саша Фадеев». В последний предвоенный год Елену Сергеевну связывали с А.А. Фадеевым короткие отношения — он помогал ее отправке в эвакуацию, лично провожал до вагона, и на нескольких уцелевших страничках ее дневника за сентябрь—октябрь1941 г. его имя обозначено «С». В записи имеются в виду, по-видимому, слова Фадеева во время его последнего визита к умирающему Булгакову 5 марта 1940 года. В дневнике об этом оставлена краткая запись: «Разговор (подобрался, сколько мог)». В ноябре 1969 года Елена Сергеевна рассказывала нам о потрясении, испытанном собеседником умирающего. Булгаков, собравший тающие силы, шутил, смеялся и наконец, глядя на Фадеева невидящими глазами, сказал:

«— Александр Александрович, я умираю. Если задумаете издавать — жена все знает, все у нее...

Фадеев, своим высоким голосом, выговорил:

---

[1] *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988. С. 472—481.

— Михаил Афанасьевич, вы жили мужественно и умрете мужественно!

Слезы залили ему лицо, он выскочил в коридор и, забыв шапку, выбежал за дверь, загрохотал по ступеням...»[1]

С. Ермолинский, написав о последних днях Михаила Булгакова, вспоминает: «Не помню точно, кажется, в конце февраля пришел Фадеев.

Он никогда раньше у них не бывал, он зашел, движимый, быть может, лишь формальным желанием проявить заботу и внимание к заболевшему члену Литфонда и Союза советских писателей, о Булгакове он знал лишь по слухам. Я говорю об этом отнюдь не в осуждение Фадееву, у него было чувство нормального долга — что же другое могло быть у него? Он поступил безукоризненно. Но он просидел почти весь день и был потрясен.

Потом он звонил два раза, справлялся встревоженно, не нужна ли еще ссуда от Союза, нужно ли еще что-нибудь?

— Я думаю, ничего уже не нужно.

— Неужели? — шепотом спросил он и, помолчав некоторое время, подышав, положил трубку».

«10 марта в 4 часа дня он умер...

На следующее утро, – а может быть, в тот же день, время сместилось в моей памяти, но, кажется, на следующее утро — зазвонил телефон. Подошел я. Говорили из Секретариата Сталина. Голос спросил:

— Правда ли, что умер товарищ Булгаков?

— Да, он умер.

Тот, кто говорил со мной, положил трубку...»

«Очень много народу перебывало в квартире. Меньше всего было литераторов. Не пришел и Фадеев. Но написал письмо Лене. Письмо помечено — 15 марта 1940 года»[2].

---

[1] Воспоминания о М. Булгакове: Сборник. — М.: Советский писатель, 1988. С. 392.

[2] Там же. С. 480—482.

Это письмо опубликовано в книге И. Жукова «Фадеев». В письме Александр Фадеев выражает соболезнование Елене Сергеевне по поводу смерти ее мужа, поясняет, что не смог быть на похоронах в силу большой перегрузки по работе, знает, что некоторые лица расценивают это как событие, имеющее «политическое значение», в связи с якобы недоверием к Булгакову. Он пишет: «Нечего и говорить о том, что все сопряженное с памятью М.А., его творчеством мы вместе с Вами, МХАТом подымем и сохраним: как это, к сожалению, часто бывает, люди будут знать его все лучше по сравнению с тем временем, когда он жил. По всем этим делам и вопросам я буду связан с Маршаком и Ермолинским и всегда помогу всем, чем могу. Простите за это письмо, если оно Вас разбередит»[1].

Елена Сергеевна Булгакова трепетно относилась ко всем предметам и документам, которые остались после его смерти. Она написала воспоминания о жизни мужа Михаила Булгакова, которого любила до последних дней жизни, и не боялась об этом открыто говорить.

«Я была женой генерал-лейтенанта Шиловского, прекрасного, благороднейшего человека. Была, что называется, счастливая семья: муж, занимающий высокое положение, двое прекрасных сыновей… Вообще все было хорошо. Но когда я встретила Булгакова случайно в одном доме, я поняла, что это моя судьба, несмотря на все, несмотря на безумно трудную трагедию разрыва. Я пошла на все это, потому что без Булгакова для меня не было бы ни смысла жизни, ни оправдания ее…

Это было в 29-м году в феврале, на Масленую. Какие-то знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти туда, ни Булгаков, который почему-то решил, что в этот дом он не будет ходить. Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашенных и его, и меня. В общем, мы встрети-

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Молодая гвардия, 1989. С. 222.

лись и были рядом. Это была быстрая, необычно быстрая, во всяком случае, с моей стороны, любовь на всю жизнь.

Потом наступили гораздо более трудные времена, когда мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась, и я не видела Булгакова 20 месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду на улицу. Но, очевидно, все- таки это была судьба. Потому что, когда я первый раз вышла на улицу, я встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: «Я не могу без тебя жить». И я ответила: "И я тоже"»[1].

После вышеизложенных исповедей и воспоминаний трудно поверить в сенсационные открытия амурных похождений Александра Фадеева, опубликованные в одной из дальневосточных газет.

Жена Александра Фадеева, актриса, народная артистка СССР Ангелина Иосифовна Степанова, была удостоена высокого звания Героя Социалистического труда и всю жизнь работала в Московском Художественном Академическом театре им. А.П. Чехова.

В отношении семейной жизни Александра Фадеева, И. Жуков в книге «Фадеев», отметил: «Сложнее «оправдать» действия нашего героя, пожалуй, лишь в одном случае. Глубоко уважая свою вторую жену Ангелину Иосифовну Степанову, он в годы войны, когда жена с театром находилась «далеко от Москвы» — на Урале, сошелся с поэтессой Маргаритой Алигер, и у них родилась дочь. Красивая, голубоглазая, похожая на Фадеева.

Как удалось все уладить и в каких словах каялся непутевый муж, неведомо, но семейного разрыва не произошло, и впереди

---

[1] Воспоминания о М. Булгакове: Сборник. — М.: Советский писатель, 1988. С. 387—388.

у Фадеева с «Линушкой», как ласково он называл Ангелину Иосифовну в минуты душевной близости было немало хороших, радостных дней, о чем вспоминала потом А.И. Степанова»[1].

Мария Иосифовна Алигер, поэтесса-переводчик, автор многочисленных сборников поэзии. Окончила в 1937 году Литературный институт им. М. Горького. Награждена: двумя орденами «Трудового Красного знамени», орденом «Дружба народов», орденом «Знак почета», «Кирилла и Мефодия I степени (НРБ), медалями, Лауреат Государственной премии СССР.

В своих воспоминаниях — книга «Встречи и разлуки» она указала: «В 1933 году я впервые напечаталась, с 1934 года начала учиться в Литературном институте имени А.М. Горького, и все события литературной жизни тех лет были самыми важными событиями в моей жизни и запомнились молодой моей памятью крепко и отчетливо...[2]

Помню отчетливо конец жаркого летнего дня, и как словно дозрел этот день, золотело небо к горизонту, и как шли мы через поле той самой тропинкой с Александром Фадеевым и Александром Твардовским. Они отдыхали неподалеку в санатории, я приехала из города, условившись о встрече с Александром Александровичем, но они встретили меня вдвоем, и мы пошли знакомой тропинкой на знакомую прогулку. Твардовский был оживлен, даже весел, даже беспечен — он не часто бывал таким, — видимо, хорошо поработал с утра и весь как-то рассвободился, расковался, и было удивительно легко и радостно находиться рядом с ним. Он шутил, хохотал, перебивал нас, весело комментировал скучные литературные новости, привезенные мной. А когда подошел к реке, внезапно решил купаться.

...Он отошел в сторонку, за густые кусты и очень скоро мы услыхали плеск воды и его восторженные возгласы,

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Молодая гвардия, 1989. С. 80.
[2] *Алигер М.И.* Встречи и разлуки. — М.: Известия, 1989. С. 383.

обращенные к нам. Мы отвечали не менее восторженно и так перекликались несколько минут. Но вдруг что-то случилось, что-то нарушило весь наш предвечерний мир. В наш веселый покой вторглись совершенно посторонние, непонятные звуки... Кто-то свистел и отвратительно, пронзительно кричал. Оглянувшись, я увидела, что с песчаного косогора, увязая в песке и спотыкаясь, бежит милиционер, взопревший в своей гимнастерке, красный, злой, разъяренный. Притихли мы с Фадеевым, притих Твардовский в реке, недоумевая, прислушиваясь, пытаясь понять, что, собственно, стряслось.

Ясность наступила скоро... милиционер ругал Твардовского за то, что он купается в недозволенном месте. ...Смущенный и притихший Твардовский озадаченно подплыл к берегу и скрылся за кустами, куда уже добрался клокочущий милиционер.

— Придется идти на выручку, — багровея, поднялся Фадеев. Мы пошли по берегу в обход кустов. Но по мере приближения я ощутила вновь какую-то перемену. Твардовский, который только что смущенно оправдывался, теперь кричал возмущенно и гневно, а лепетал и оправдывался милиционер. Мы недоуменно переглянулись: что произошло?

— Нет, вы только подумайте! — едва мы приблизились, кинулся к нам Твардовский.

— Я, оказывается, не там, где положено, в воду полез. Ну, виноват, ну, простите, больше не буду. Но ему, видите ли, документы подавай. А у меня их нет, не захватил, в санатории остались. А он тут сразу стал извиняться: простите за беспокойство, с ходу не разобрался, что к чему. И чем тут, собственно, разбираться? Раз уж нельзя купаться, так нельзя. А теперь выходит, купайся, пожалуйста, тебе можно»[1].

«В 1964 году, после поездки в Латинскую Америку, я написала прозу «Чилийское лето», первую часть моей будущей кни-

---

[1] *Алигер М.И.* Встречи и разлуки. — М.: Известия, 1989. С. 396—398.

ги «Возвращение в Чили». Принесла эту вещь в «Новый мир». И журнал принял её. С Твардовским мы встретились на последнем этапе работы, перед сдачей в печать. Сказав мне добрые слова о моей первой прозе, он сделал несколько замечаний, и все вроде бы прошло гладко, но неожиданно на ровном месте заело. Впрочем, место было не столь уж ровным. Дело в том, что, рассказывая об индейцах племени мапуче, последнем индейском племени, сохранившемся в Чили, я вспомнила о племени удэге на Дальнем Востоке. А все, что я узнала об удэге, было мне известно от Александра Фадеева. Он соприкоснулся с удэге в юности, и книга его «Последний из удэге» широко известна. Но книга была не закончена, опубликован был только ее первый том, а второй, о котором Фадеев думал всю жизнь, так и остался недописанным. Лишь одна глава была опубликована уже после гибели автора. А он очень любил этот свой замысел, никогда с ним не расставался, горячо надеялся, что вернется к этой книге и завершит ее. И вечно ему что-то мешало. То война — о начале войны он услыхал в яркий полдень в первые же дни творческого отпуска, взятого им в начале лета 1941 года именно для завершения «Последнего из удэге», когда он уже приступил к работе, и ему очень хорошо писалось, и он был увлечен и захвачен, — то другие жизненные обстоятельства. И «Последний из удэге», его завершение, стало для Фадеева неким символом, неким олицетворением мечты, почти несбыточной мечты о покойной жизни и желанной работе. Об этом я и написала, и, само, собой, мой рассказ перешел в раздумья о горькой судьбе этого человека, этого писателя. И всего-то несколько страниц, но они были для меня бесконечно важны, да и чилийские впечатления становились значительнее в связи с вызванными ими ассоциациями.

И вот тут-то уперся Твардовский неожиданно для меня.

— Нет, не могу, — твердо заявил он. — Не взойду на костер, — упрямо повторял он. — Сокращайте. Снимайте.

Как хотите. Когда-нибудь, где-нибудь это вам пригодится. А сейчас ничего не выйдет»[1].

«Моя дочь Таня неожиданно начала писать талантливые детские сказки, а затем, еще более неожиданно, хорошие лирические стихи. Я держалась сдержанно и строго — чересчур сдержанно и чересчур строго, как я понимаю сейчас, когда ничего уже не исправишь. Но однажды, вернувшись из похода в северные края, она показала мне поразительное стихотворение о брошенной деревне. Я сдалась и разрешила ей отнести его в «Новый мир», где до этого уже публиковались ее переводы с испанского. Софья Григорьевна Караганова вполне разделила мою оценку стихотворения и решила показать Твардовскому. Я с ним в то время близко не общалась и встречалась редко и случайно. Караганова через некоторое время с радостью сообщила мне, что Твардовскому стихи понравились и что она надеется их напечатать. Это звучало ободряюще, но достаточно не определенно, тем более что Твардовский хотел, чтобы Татьяна принесла что-нибудь еще, а Таня работала отнюдь не систематически, чтобы не сказать резче. На том все и остановилось.

Как-то я поехала к друзьям на Красную Пахру. Пошли гулять и внезапно встретили Твардовского — он к тому времени переехал из Внуково на Пахру.

И первое, о чем заговорили, были стихи Тани. Он горячо похвалил их, в заключение добавив шутливо:

— Обгоняют нас, Маргарита Иосифовна. Обгоняют.

Знал бы он, как страшно обгонит меня Таня…

Она не принесла в «Новый мир» другие стихи, а то, первое, так и не было напечатано. Через два года после смерти Твардовского она заболела страшной болезнью, и в марте 1974 года ее не стало»[2].

---

[1] *Алигер М.И.* Встречи и разлуки. — М.: Известия, 1989. С. 417—419.

[2] Там же. С. 430—431.

Молодая гвардия

В годы Великой Отечественной войны Александр Фадеев, как и все граждане, напряженно работал на своей должности председателя Союза писателей, выезжал в зоны боевых действий с военными корреспондентами, посещал блокадный Ленинград, освещая события а своих очерках.

Летом 1944 года Александр Фадеев встретился с другом, писателем Павлом Максимовым, было это в Молдавии на реке Днестр. Максимова вызвали в политотдел армии для встречи с прибывшим из Москвы А. Фадеевым. Павел Максимов вспоминает эту встречу и разговор с Александром Фадеевым о том, как он решился написать роман «Молодая гвардия».

«— Ты говоришь, что уже заканчиваешь свой новый роман – Молодую гвардию?

— Да, осталось всего несколько глав. Ты знаешь, как у меня получилось с этим романом? Однажды, в прошлом году, говорят мне товарищи из Комсомольской правды: Замечательные героические дела о работе подпольной организации комсомольцев открылись в Донбассе, в Краснодоне, после изгнания оттуда гитлеровцев! Почти все участники этой организации, носившей название «Молодая гвардия», погибли. Александр Александрович! Не можете ли поехать в Краснодон, собрать материал на месте и написать обо всем этом в «Комсомольскую правду»? Я ездил в Краснодон, жил там полтора месяца, ходил из хаты в хату, говорил с родителями и другими близкими родственниками и знакомыми погибших молодогвардейцев, читал их дневники, письма, записки. Мне показывали их фотокарточки... Побывал во многих местах, связанных с памятью о них... С головой окунулся во все, что там происходило, и, вернувшись в Москву, тотчас сел за работу. Эта героическая тема захватила меня.

Писал с громадным напором и увлечением... Пишу обо всем так, как оно было в действительности, и сохраняю подлинные имена и факты. Но, конечно, без авторского домысла, кое-где, в некоторых местах, обойтись было невозможно, понимаешь?..

— А как живешь в материальном, в бытовом смысле? — спросил я у него под конец.

— Пока писал «Молодую гвардию» и пока она не закончена и не напечатана, жить приходится трудновато... живу сейчас в основном только на зарплату, которую получаю за редактирование газеты «Литература и искусство». Да еще сильно поддерживает меня академический паек. Если бы не академический продовольственный паек, мне было бы совсем трудно. Учти: кроме своей семьи, на моем иждивении мать и семья брата. Фактически живу на три семьи. Брат мой погиб на Северном фронте...

Поздно вечером мы с ним попрощались, я уехал в свою часть — и больше не видел его»[1].

«Когда Фадеев сел за «Молодую гвардию», ему было уже не двадцать пять, а сорок четыре. История краснодонских подростков его взволновала — он как бы заново пережил свою молодость. Хотя Фадеев всегда причислял себя к реалистам, в нем было много романтики.

Судьба романа «Молодая гвардия» связана с тем, что мы называем «культом личности». Роман был написан, издан, пользовался успехом, получил Сталинскую премию. Один из друзей Александра Александровича, С.А. Герасимов, сделал по роману фильм. Тут-то и разразилась гроза. Сталин не прочитал «Молодой гвардии». Фильм его возмутил: в картине показывались подростки, оставшиеся на произвол судьбы в

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 510—512.

городе, захваченном гитлеровцами. Где же организация комсомола? Где партийное руководство? Сталину объяснили, что режиссер следовал тексту романа. В газетах появились суровые статьи о «Молодой гвардии». За ними последовало письмо Фадеева, напечатанное в «Правде»: он признавал справедливость критики и обещал переделать роман. Когда мы встретились, Александр Александрович сказал, что не меняет текста, а пишет новые главы — о старых большевиках, о роли партийного руководства. Помолчав, он добавил: «Конечно, даже если мне удастся, роман будет уже не тот... Впрочем, может быть, во мне засело преклонение перед партизанщиной... Время трудное, а Сталин знает больше нас с вами...[1]

«Фадеев слепо поверил Сталину, верил больше, чем себе (это строка из стихов Исаковского!), считал его суждения о литературе беспрекословными, директивными. В ряде случаев Сталин тонко улавливал значимость той или иной книги, новизну проблем. Но так бывало не всегда, а возразить Сталину по поводу литературных оценок Фадеев не умел, иногда лишь пытался смягчить удар (но это касалось других писателей, себя он защищать не смел)...

По убеждению Сталина, борьба молодогвардейцев была неорганизованной (в изображении Сергея Герасимова), а значит, фильм проявил недостатки романа. Это мнение Сталина основывалось на его взглядах на партизанскую борьбу как дело, непременно подкрепленное организационно: партизанские отряды, оставленные или заброшенные на оккупированную территорию, — специально подготовленная заранее сеть подполья. Нигде в его речах и приказах не найдете такого понятия, как движение сопротивления, применительно к нашей стране»...

---

[1] *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Люди, годы, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Том 9. — М.: Художественная литература, 1967. С. 599.

Выступления Фадеева с трибун и откровенные ночные беседы с товарищами были в единстве: если Сталин говорит, что я чего-то не сделал, я должен сделать. Наверное, я был слишком увлечен, писал «Молодую гвардию» поспешно. Вот «Правда» утверждает: «...большевики-подпольщики, методы их работы показаны в романе не только не полно, но вопиюще не верно».

Всего правильней было бы сесть за другой роман, но Фадеев, как бы загипнотизированный мнением Сталина, засел за переработку всем известного произведения»[1].

Александр Фадеев тяжело переживал критику своего произведения, он знал, что вложил в роман свою душу и описал события, так как они происходили в действительности, как ему поведали очевидцы. Однако будучи приучен к партийной дисциплине, недовольство Сталина воспринял как приказ. В письмах своему другу-дальневосточнику Григорию Цапурину он писал: «Нельзя рассматривать мой роман «Молодая гвардия» только как описание действительных событий. Ведь в нем немало и выдумки. Поэтому вполне справедливы претензии наших старших товарищей-большевиков на то, что роль партии в романе недостаточно отражена. Партия в романе показана главным образом через Шульгу и Валько, которые плохо организовали подполье, провалились сами и провалили все дело. Конечно, такие случаи бывали. Но по опыту нашего подполья при Колчаке, ты сам знаешь, что большевики — не плохие организаторы и этим побеждают. Поэтому следовало бы в романе, получившем такое большое народное распространение, показать эту сильную сторону большевиков. Вот я и собираюсь это сделать». 31 марта 1948 года.

В другом письме он писал:

---

[1] *Долматовский Е.А.* Было: Записки поэта. Новые страницы. — М.: Советский писатель, 1988. С. 119.

«В связи с той общественной критикой, по поводу которой мы имели переписку, «Молодая гвардия» в старом виде уже не переиздается. Известные отчисления я имел от постановок «Молодая гвардия» на сцене. Но так как не я сам переделывал «Молодую гвардию» в пьесу, то отчисления эти делятся между авторами инсценировок и мною — таков закон. Пьеса шла на сцене уже в течение двух лет и сейчас мало где ставится, таким образом, и этот источник дохода у меня почти иссяк. В настоящее время я сам живу на зарплату и на некоторые сохранившиеся сбережения. Все лето я находился в творческом отпуске и работал над переделкой «Молодой гвардии». Отпуск мой в октябре кончается, но тем не менее к концу декабря я надеюсь эту свою литературную работу закончить. Книга, очевидно, снова выйдет в свет в другом варианте и будет переиздаваться, и у меня снова будут деньги. Тогда я смогу помочь тебе». 25 сентября 1948 год[1].

Исправления в романе «Молодая гвардия» были существенными: «Фадеев заново написал главы 22, 23, 51, сделал дополнения к главам 8, 24, 30, 52»[2].

« — Сначала я очень обиделся на критику, — признался А. Фадеев. — Очень! Ведь правда есть правда, а я пользовался документами! Не было прямого причастия коммунистов к молодогвардейской деятельности!.. Н-да, так сказать... жизнь — она штука такая, всыпает нашему брату за амбицию по первое число. Правильная была критика, нашлись документы...»[3]

Сергей Герасимов вспоминал: «Мне довелось вместе с ним пережить всю горечь переоценки романа и фильма

---

[1] *Фадеев А.* Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 107—108.

[2] *Озеров В.М.* Избранные работы. В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т. II. Александр Фадеев. Творческий путь. 1980. С. 396.

[3] Фадеев. Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С 457.

«Молодая гвардия». И можно было поражаться мужеству, с каким он принял этот драматический поворот в отношении книги, которой отдал столько труда и сердца.

Он стоял перед писательской организацией, собравшейся на экстренный секретариат, и, словно размышляя, объяснял, почему получилось так, что книга стала предметом суровой критики. Он говорил:

— По-видимому, я увлекся. Я увлекся молодостью, видя в ней и настоящее, и прошедшее, и будущее. И потерял чувство пропорции. И получилось объективно так, что чисто лирическое начало заслонило все остальное. Видимо, я выхватил из жизни то, что совпадало с этой лирической структурой, и проходил мимо того, что непосредственно не совпадало с ней. Из поля моего зрения ушли факты всенародной борьбы с немецким фашизмом, и вся книга получилась вследствие этого неточной, а проще сказать — неверной. Мне надо работать над книгой еще и еще — и я, конечно, сделаю это»[1].

В этом был весь Александр Фадеев, умеющий признавать свои ошибки и исправлять их.

Последние годы жизни

В день своего пятидесятилетия, выступая перед писателями в Центральном доме литераторов, Александр Фадеев подтвердил курс линии партии в литературном движении:

«Да, мы — писатели, которые совершенно добровольно и сознательно отдали свое перо народу и государству и не имеем других интересов, кроме интересов нашего советского народа и государства.

Мы поняли ту великую истину, что наша литература руководствуется тем, что составляет жизненную основу совет-

---

[1] *Фадеев.* Воспоминания современников. Сборник. — М.: Советский писатель, 1965. С 461—462.

ского строя, — его политикой. Мы знаем, что особенность нашего строя такова, что мы сами являемся творцами этой политики нашего государства, участниками создания этой политики. И для нас это — кровное дело».

Говоря о своем творчестве Александр Фадеев отметил: — «...я являюсь автором всего лишь двух законченных произведений и, конечно, как любой из вас, не считаю, что, во-первых, этого достаточно, а во-вторых, не думаю, чтобы я в этих произведениях сказал то главное, чего от нас еще ждут. Поэтому я, как и каждый литератор, считаю это какой-то запевкой. Я еще надеюсь спеть свою большую, настоящую песню.

Сейчас я хочу спеть песню о нашей черной металлургии, о нашем советском рабочем классе, о наших рабочих — младших и старших поколений, о командирах и организаторах нашей промышленности. Я хочу спеть песню о нашей партии, как вдохновляющей и организующей силе нашего общества»[1].

Над новым романом Александр Фадеев работал кропотливо, пытаясь вникнуть в тонкости жизни металлургического завода. В августе 1951 года он приехал на Магнитогорский завод. Жил в доме на квартире знатного сталевара Магнитки, лауреата Государственной премии СССР Владимира Александровича Захарова, в простой уютной комнате рабочего. Каждое утро он ходил на комбинат, посещал конференции, собрания, институты, где его интересовало все, от варки стали до бытовой жизни рабочих и технических специалистов завода. Он знакомился с людьми, которые должны быть прототипами героев его романа, и работа захватила его. Жители города хотели, чтобы первые главы романа были напечатаны в их газете. Фадеев, исполняя их желание, опубликовал некоторые отрывки своего романа в местной прессе, которые с интересом читались и обсуждались жителями города.

---

[1] *Фадеев А.* За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. — М.: Советский писатель, 1957. С. 950—951.

О работе Александра Фадеева над новым романом вспоминает Анатолий Софронов: «Вспоминается еще одна встреча на квартире у Фадеева. Она была долгой, почти целый день просидели мы в его большом кабинете; на столах, на стульях — всюду лежали книги, много книг. Некоторые были с закладками. Именно тогда возник вопрос о переходе Алексея Суркова на работу в Союз писателей и о моем назначении главным редактором журнала «Огонек». Фадеев говорил мне:

— Твоя мечта сбылась... Ты же хотел идти в журнал...

— Я действительно хотел перейти с организационной работы на журнальную.

— Журнальное дело действительно очень интересно, — продолжал Фадеев. – Ты же знаешь, я редактировал «Литературную газету», занимался журналом «Красная новь». Именно журналами была всегда славна наша литература. В них формируются писатели. А такой массовый журнал, как «Огонек»? Он, конечно, популярен, но надо делать его более литературным, привлекая к работе в нем хороших писателей.

— А ты будешь у нас печататься? Будешь помогать росту популярности «Огонька»? — спросил я у Фадеева.

— Да, обязательно.

— Ведь сейчас ты работаешь над новым романом «Черная металлургия»?

— Работаю. Но это пока только-только черновые записи. Ты же знаешь, я много езжу на Урал, в Челябинск...

И Фадеев показал мне свою записную книжку, сплошь испещренную записями.

— Вот видишь, в каком пока состоянии находится мой новый роман.

Вскоре я перешел в «Огонек», и встречи мои с Фадеевым стали редкими.

...В ту пору редактором отдела литературы в «Огоньке» работал очень хороший, интересный писатель, автор романов «Алитет уходит в горы» и «Чукотка» — Тихон Захарович Семушкин.

Однажды он мне сообщил в письме:

«Фадеев дает нам очень охотно, и ему очень нравится, что не успел он прислать свою рукопись от руки, как мы ее перепечатали и на другой день послали в набор. Он мне говорил, что обещал рукопись в «Новый мир», и боялся давать нам много. Но я его разубедил, говоря, что мы не конкуренты толстому журналу, ссылаясь на Шолохова, и он решил нам давать».

И мне снова довелось побывать у Фадеева, когда рукопись была набрана.

Он скрупулезно относился к каждой строчке, им написанной. Я сидел у него в кабинете, смотря, как он внимательно читает набор. До этого Фадеев говорил мне, что сначала хочет почитать главы Всеволоду Иванову и Константину Федину — только тогда он сможет нам дать их.

— Понимаешь, они не основные: тут личные дела моих героинь, женские личные дела, ну и, естественно, мужские тоже. Основное еще не написано...

Опубликованные в «Огоньке» главы «Черной металлургии» были тепло встречены читателями. Имя А. Фадеева снова приковало к себе внимание: в самом деле, почти десятилетний перерыв был между выходом «Молодой гвардии» и этими главами нового романа, посвященного рабочим металлургической промышленности, молодому и старшему поколению рабочего класса. Замысел романа был очень обширен, главной же своей задачей Фадеев считал показ трудового героизма рабочих людей.

...весной 1956 года на одной из сессий Верховного Совета СССР я увидел его и спросил:

— Как же, Саша, будет с «Черной металлургией»? Ведь то, что мы печатали, прекрасно!

Фадеев нервно повел лицом, провел рукой, как он любил это делать, по седым своим волосам и сказал:

— Понимаешь, Толя, сама проблема технологическая оказалась неправильной, и в связи с этим расстановка сил в романе тоже неправильная. Я собираюсь, конечно, работать над романом. Но на это нужно время. Нужно время, Анатолий...»[1]

Илья Эренбург, хорошо знавший Александра Фадеева и общавшийся с ним по работе, вспоминает, что последние годы Фадеев стал резко меняться.

«С каждым годом он мрачнел, глаза все чаще казались холодными, невидящими. Он начал чаще и больше пить; пил он главным образом с людьми, далекими от мира литературы, — хотел забыться.

В марте 1953 года, вскоре после смерти Сталина, я прочитал в «Литературной газете» статью Фадеева, в которой он резко нападал на роман Гроссмана «За правое дело». Это мне показалось непонятным: Александр Александрович несколько раз с восторгом говорил мне об этом романе, ему удалось напечатать это произведение. Роман рассердил Сталина, появились резкие статьи, Фадеев продолжал отстаивать книгу. Гроссман кое-что переделал. И вдруг эта статья...

Появилось сообщение о реабилитации врачей: что-то явно менялось. Фадеев без звонка пришел ко мне, сел на мою кровать и сказал: «Вы в меня не бросите камень... Я попросту испугался». Я спросил: «Но почему после его смерти?..» Он ответил: «Я думал, что начинается самое страшное...» Он это повторил потом много раз: ему хотелось каяться. Год спустя

---

[1] *Софронов А.В.* Осенние просеки: Воспоминания и очерки. — М.: Сов. писатель, 1984. С. 53—55.

я встретил переводчицу Л.С. Фактор, которую Фадеев всегда брал с собой для трудных политических разговоров с французами. Лидия Самойловна мне сказала: «С Александром Александровичем что-то неладное — он несколько раз приходил ко мне и убивался, что написал нехорошо о романе Гроссмана...» В конце 1954 года, на Втором съезде писателей Фадеев, говоря о романе «За правое дело» и своей статье, покаялся на людях: «Я очень жалею, что проявил слабость...»

Александр Александрович был человеком крепчайшим; много ел, много пил; мог пробежать десяток километров; просиживал ночи на заседаниях, и все проходило бесследно. Только в последние годы нервы его начали сдавать. В декабре 1952 года он писал мне: «...Я, увы, все еще болен и, должно быть, еще недели три пробуду в больнице. Если человек со стороны взглянет на вас и на меня, то он, конечно, скажет, что я исключительно здоров, а вы больны. На деле вы оказались человеком железного здоровья...

При последней нашей встрече Фадеев говорил, что болен — «ноги болят, не могу ходить», «роман, как я вам рассказывал, пропал», «словом, плохо». Я пытался его одобрить, говорил, что болезнь пройдет, он на десять лет моложе меня, еще напишет несколько романов. Он покачал головой: «Мотор отказывает...»

Через два месяца позвонили: "Фадеев покончил с собой..."»[1]

Вспоминая Александра Фадеева, его близкие знакомые и друзья подчеркивают его веру в непогрешимость Иосифа Сталина.

Евгений Долматовский задал себе вопрос о Фадееве: «Всегда ли он был принципиален, занимая высокое положе-

---

[1] *Эренбург И.Г.* Собрание сочинений в девяти томах. Люди, годы, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Том 9. — М.: Художественная литература, 1967. С. 605—606.

ние в нашем обществе?» и сам на него ответил: «Перед лицом истории, как уже почти ископаемый свидетель и современник, скажу, что нет. Им управляла иная догматическая принципиальность, безграничная вера в мудрость и непререкаемость указаний Сталина, а затем Жданова, и Маленкова как проводников и передатчиков сталинского мнения. И не только указаний или мнения, но любой обмолвки, вкусовой оценки, оговорки, любого случайного или приходного замечания»[1].

При этом Евгений Долматовский приводит пример, когда Фадеев раскритиковал повесть «Дым Отечества», написанную его другом Константином Симоновым, когда она по неизвестной причине не понравилась Сталину, а потом не смог ему объяснить, что в данной повести написано плохо или неправильно.

О последней встрече с Александром Фадеевым Долматовский рассказал: «Весной 1956 года секретарь Фадеева Валентина Зарахани сказала мне, что Фадеев хочет со мной повидаться, он почти безвыездно живет на даче в Переделкине, приезжай, когда сможешь.

Я помчался сразу и застал Фадеева за письменным столом. Он легко поднялся и сказал: «Тургенев утверждает, что русский писатель пуще всего любит, когда его отрывают от работы».

Мне уже приходилось слышать от Фадеева эту шутку, которую принимал он всерьез. И настроение у него было, скажем прямо, сумеречное. Врачи твердят — цирроз печени усиливается. Что еще хуже — работа над романом «Черная металлургия», начатая тем же штурмовым порывом, что и «Молодая гвардия», зашла в тупик.

На тему «навел» писателя один из руководителей нашей тяжелой промышленности, старый друг, вместе учились в

---

[1] *Долматовский Е.А.* Было: Записки поэта. Новые страницы. — М.: Советский писатель, 1988. С. 122.

Горной академии когда-то, известный государственный деятель Иван Тевосян. По его совету Фадеев ездил в Челябинск, гостевал в Магнитогорске на квартире у одного знатного сталевара и уже восторженно смотрел на него как на героя будущего романа.

Сталевар, кстати, поддерживаемый министром Тевосяном, спорил со своими товарищами и начальниками, настаивал на новом, им изобретенном способе варки стали. Конфликт старого и нового, заводской спор и должен был лечь в основу литературного конфликта. Когда уже были с большим трудом и скрипом, с огромной затратой душевных сил писателя сочинены главы, касающиеся самой острой металлургической проблемы, в действительности выяснилось, что старое — не старое, а новое — не новое, что и сталевар не прав, и Тевосян не то, что следует, поддерживает.

— Понимаешь, значит, — говорил Фадеев, – переменить позицию на производстве хоть и непросто, но можно, а как быть с концепцией романа? Ее не переменишь, на обратные рельсы не поставишь. Роман надо кончать.

— Заканчивать? — в недоумении, но с надеждой спросил я.

— Мне не до игры словами. Роман рухнул, его надо положить, как говорят киношники, на полку.

Я подумал о том, что, если сюжетную линию с предательством Евгения Стаховича пришлось бы перестраивать и отдавать роль руководителя «Молодой гвардии» Виктору Третьякевичу, трудно пришлось бы автору. Но я знал (и не хотел рассказывать Фадееву), что в Краснодоне борьба за честь Третьякевича продолжается и нарастает, сколько ни твердил бы автор, что роман есть роман и нельзя требовать от него документальности. Фадеев не мог этого не чувствовать, его тончайшая нервная сеть, конечно, принимала импульсы из Донбасса. А разговор он повел о «Последнем из удэге», о том, что нельзя писать роман более четверти века,

что теперь непонятно, как быть. Надо снова ехать на Дальний Восток, да как-то не получается.

Почувствовав, что утопает в огорчениях, Фадеев перевел разговор на другую тему, волновавшую нас обоих»[1].

Смерть Сталина Александр Фадеев перенес тяжело, для него это была невосполнимая утрата. Одолевала Фадеева и его болезнь, все более и более напоминающая о себе.

Поэт Сергей Васильев, встретившись с Александром Фадеевым летом 1955 года, заметил, что он чувствует себя плохо: «...сговорились на следующее утро позавтракать вместе. И вот я у Фадеева на даче, на солнечной стороне просторного двора. По приказу хозяина смиренно сижу на скамейке и дожидаюсь окончания его утренней «зарядки».

Фадеев размашисто, по-крестьянски, строго соблюдая ровность ряда, косит высокую траву. Сосредоточенно и терпеливо взмахивая косой, не оборачиваясь, продвигается по зеленому склону участка. Благоухает сваленная сочная трава, изумрудная, в редких, но крупных накрапах переспелой, багровой лесной земляники, перекликаются иволги, играют блики раннего солнца. Я с наслаждением наблюдаю за статным, проворным косцом: какой, однако, он еще моложавый, как ладно выглядит его прямой корпус, как гордо и прочно сидит красивая голова, как вольно и размеренно действуют руки! Вот он завершил новый, самый длинный заход по травостою, вскинул на плечо косу и направился в мою сторону. И вдруг остановился, присел на корточки, прижал ладонь к правому боку. По внезапно сморщившемуся лицу, по вынужденному приседанию и медленному распрямлению Фадеева я сразу понял, что его полоснула внутри короткая, но неимоверная боль.

— Саша, что с тобой? — кинулся я к нему.

---

[1] *Долматовский Е.А.* Было: Записки поэта. Новые страницы. — М.: Советский писатель, 1988. С. 123—124.

— Ничего, ничего! Сейчас отпустит... Уже затихает... — словно бы извиняясь за неожиданный промах, сказал Александр Александрович и глухо добавил, присев на скамейку: — Привязалась какая-то дрянь. Нет-нет да и ужалит.

И тут, взглянув на Фадеева вблизи, я, впервые за все время знакомства с ним, с тревожной ясностью увидел, что рядом со мной сидел очень больной человек. Несвойственная Фадееву бледность, слишком обильный пот и дрожь пальцев выдавали наличие какого-то тяжелого недуга, гнездившегося в стройном, внешне бодром теле.

Я с грустью это почувствовал, тревожно и глубоко вздохнул, но виду не подал. Однако от наблюдательного и острого глаза хозяина не ушел мой затяжной вздох. Он веселым, лукавым голосом как ни в чем не бывало сказал:

— Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко... Я, вижу, уморил тебя голодом. Не переживай, сейчас я тебе выдам единственную в доме бутылку залежавшегося сухого вина с приличной закуской, и гуляй себе на здоровье один на один. Я ведь теперь не потребляю!..»[1]

13 мая 1956 года Александр Фадеев покончил счеты с жизнью. Его друзья, общаясь с ним накануне этой трагедии, не чувствовали по поведению Александра возможности близости трагической смерти. Общаясь с ними, Фадеев был спокоен, говорил как обычно о работе. Готовился к очередному изданию романа «Молодая гвардия». Была подготовлена к изданию книга Александра Фадеева «За тридцать лет». И только потом многие осознали, что писатель прощался с ними после встреч, произнося слово «прощай», но говорил это обыденно, спокойно, что не вызвало ни у кого из них ощущения тревоги и решимости Фадеева свести счеты с жизнью.

---

[1] *Васильев С.А.* Зарубки на память. — М.: Современник, 1975. С. 97—98.

В это время дома никого не было. «...Это случилось, когда Ангелина Иосифовна, жена писателя, уехала на гастроли в Югославию. Конечно, она как женщина должна была бы что-то чувствовать. Узнав в самолете о гибели мужа, она со своей привычной сдержанностью сказала: «Я знала, что это так кончится». Знала — но ведь это же страшно. Знать и не прийти на помощь. Гибель таких людей, как Фадеев, не была и не может быть роковой неизбежностью»[1].

После смерти Александра Фадеева осталось письмо, содержание которого долгое время не доводилось до общественности. В газетах было опубликовано извещение о трагической смерти писателя, к этому извещению было приложено так называемое «Медицинское заключение о болезни и смерти товарища Фадеева Александра Александровича».

«А.А. Фадеев в течение многих лет страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом. За последние три года приступы болезни участились и осложнились дистрофией сердечной мышцы и печени. Он неоднократно лечился. В больнице и санатории. (В 1954 г. — четыре месяца, в 1955 г. — пять с половиной месяцев и в 1956 г. — два с половиной месяца).

13 мая в состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством»[2].

Только 23 сентября 1990 года в газете «Известия» был опубликован текст посмертного письма Александра Фадеева:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истре-

---

[1] *Жуков И.И.* Фадеев. — М.: Молодая гвардия, 1989. С. 323.

[2] Там же. С. 328.

блены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40—50 лет.

Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, из самых «высоких» трибун — таких, как Московская конференция или XX партсъезд, — раздался новый лозунг «Ату ее!». Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинкой».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это — «партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность — при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и — по возрасту своему — скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный богом талантом незаурядным, я

был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — этот высший плод нового строя — уничжена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни..

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

А. Фадеев

13.V.56».

После самоубийства Александра Фадеева было много отзывов по поводу его ухода из жизни, как в России, так и за рубежом. В газете «Советская культура» от 27 октября

1990 года были опубликованы некоторые мнения, высказанные иностранными деятелями культуры, в них содержатся довольно интересные выводы.

Эльза Триоле из Франции написала: «Я впервые встретилась с Фадеевым в 1930 году на съезде писателей в Харькове, на котором присутствовала вместе с Арагоном и Жоржем Садулем. В Москве в ту пору не было еще гостиниц, какие имеются сейчас. И, вернувшись со съезда, надо было думать о пристанище. Фадеев поместил меня и Арагона у себя в крохотной комнатке, в доме Герцена, где размещался тогда Союз писателей. В комнатке имелась походная кровать, стол, стул и туманная возможность умыться. Саша Фадеев отправился спать куда-то в другое место — с портфелем и легкой походкой человека, не обремененного вещами. Представляя его парижанам — не то в зале Плейель, не то в Мютюалитэ, — я говорила о нем как о человеке, который, выйдя купить пачку сигарет, мог вернуться через два года...

....С 1936 по 1945 г. я в России не была, обо всем знала понаслышке. В радости первой встречи с Сашей после войны мы едва почувствовали нашу прежнюю дружбу. Он принимал нас на своей даче под Москвой, в кругу семьи. Подобно тому, как когда-то он подарил мне «Разгром» в кожаном переплете, так и на этот раз преподнес мне два больших, первых и единственных яблока с молодой яблони в своем саду. Был и многолюдный официальный прием в его большой московской квартире, казавшейся не жилой, напоминавшей меблированное помещение без малейшего отпечатка его личного вкуса, в квартире с голубым тисненым бархатом. Фадеев не был там у себя дома, он не сливался с этой обстановкой, да, впрочем, наплевать на все это было ему, человеку, созданному для того, что бы спать под солдатским одеялом.

В последний раз я встретилась с ним в Москве, на съезде советских писателей в 1954 году, в первый же день съезда он

послал мне с трибуны в Колонном зале записочку и предложил вместе пообедать.

Обедать он пришел к нам, в нашу комнату в гостинице. Как всегда радостно было очутиться вместе... Он долго говорил о «Коммунистах» Арагона, комментируя свои письма Арагону по этому поводу. Зашел разговор о его прежней статье против Гроссмана «За правое дело». Я не могла простить ему эту статью: он с крайней резкостью критиковал роман, который опубликовал в журнале, которым же руководил! Он объяснил, как пришел к этой статье; это произошло не само по себе, он долго отстаивал этот роман, но отовсюду поступали письма и резолюции, указавшие на вредность этого произведения и т.п. Тогда он усомнился в себе, и в конце концов сказал себе, что не может быть, чтобы он один был прав против всех, против мнения тысяч читателей. И когда Фадеев выступил в конце съезда, то сказал, между прочим, что его критика в отношении Гроссмана была неправильна и что для исправления зла, которое он мог причинить автору, он приложит все силы... И так, то была наша последняя встреча. Вспоминаются его последние слова. Я сказала ему: «Как ты думаешь, советские писатели никогда не заговорят о несчастье, постигшем их страну, об осужденных невинных, о тысячах драм?

— Не могу тебе этого сказать, — ответил он, — это темы, которые меня соблазнить не могут, это не сюжеты для меня...

Да, Фадееву нужен был восторгающий сюжет... Пройдет еще много времени, прежде чем невысказанный героизм этих невинных сможет стать предметом восхваления. Да, странно и волнующе думать, что эти невинные, эти реабилитированные коммунисты не испытывают ни горечи, ни требовательности. С их точки зрения, все, что с ними произошло, — это всего лишь этап борьбы».

Француз Фигаро Литерэн отозвался на смерть Фадеева так: «Из Москвы сообщили о смерти Александра Фадеева, известного на Западе повестью «Молодая гвардия», которой коммунистические партии создали успех в целях пропаганды. «Юманите» преувеличивает, говоря о смерти «великого писателя»; Фадеев не более велик, чем Андрэ Стиль у нас.

Значение Фадеева объясняется не его творчеством. Будучи длительное время генеральным секретарем Союза советских писателей, он был орудием сталинской диктатуры в области литературы. Он управлял дубинкой, давал указания, оценивал с полицейской бдительностью произведения писателей, с точки зрения режима. После смерти Сталина его диктаторские полномочия были настолько гласны, что его коснулась одна из первых санкций — он был выведен из ЦК партии.

Обстоятельства его смерти печальны. Фадеев покончил с собой револьверным выстрелом. «Правда» говорит о злоупотреблении алкоголем; вполне вероятно, что властелин с изъянами искал убежище в алкоголе.

Трагизм не пощадил советскую литературу. Есенин и Маяковский покончили с собой, потому, что задыхались от нарождающейся диктатуры... Ныне Фадеев умирает от смерти страшной диктатуры».

Итальянец Ренато Гуттузо написал: «...Так легко объяснить, «почему» человек кончает самоубийством. Обычно всегда говорят о финальном «почему», о непосредственной причине, определяющей этот поступок, — и на этом успокаиваются. Конечно, Маяковский покончил жизнь из-за любви, так же поступил Павезе, если бы сами эти мотивы не были составной частью более сложной и более глубокой трагедии совести. Если бы они не были обострены контрастом чувств, неуверенностью в себе; если бы они не являлись частью большой общей драмы, драмы современного искусства, драмы нашего времени.

Те, кто утверждает, что Маяковский застрелился, потому что настал момент, когда он больше не мог жить в сталинском климате, говорят сегодня о том, что Фадеев покончил самоубийством из-за преданности этому климату. Те, кто судят подобным образом, лишь доказывают свою неспособность подняться до оценки сложных идейных явлений. Эти люди довольствуются мелочной полемикой и сплетней. Когда человек кончает самоубийством, он сводит счеты с самим собой, со своей неудовлетворенностью, со своим разочарованием, он судит не о других, а о себе и о собственных надеждах...

Я не хочу утверждать неизбежность ошибок, беспомощность человека перед силами действительности. Я хочу лишь сказать, что большие проблемы совести и самокритики ежедневно стоят перед людьми, способными верить в великие идеалы, перед людьми, которые должны ежедневно решать, справедливы или нет их поступки.

Фадеев был романтиком, человеком морально и интеллектуально героическим; он верил в партию, верил в Сталина всеми своими силами; верил в роль писателя — инженера человеческих душ. Сегодня трудно судить о современниках, еще длительное время будет трудно о них судить, и все же мы должны с высоким уважением отнестись к тем, кто занимал смелую и лояльную по отношению и проблемам нового искусства.

Фадеев принимал критику, которая шла снизу, и соглашался с ней. Он соглашался с суждением партии, выражавшим мнения широких масс простых людей. Он соглашался с мнениями людей, принимавших участие в борьбе партизан, комсомольцев, героев своей «Молодой гвардии», книги, которую он переписал заново, найдя для этого мужество, силу и чувство ответственности. Я не знаю, являлись ли подлинными произведениями искусства первый или второй вари-

ант... Я хочу только сказать, что этот его поступок, который привел в содрогание наших западных интеллигентов, поступок, который и я не нашел бы в себе сил совершить, явился поступком нового художника в новом обществе. Об этом поступке следует вспомнить, потому что он является частью его коммунистической лояльности, его революционного романтизма. То, что Фадеев переделывал свой роман «Молодая гвардия», в известном смысле, я бы сказал, в лучшем смысле, находится в гармонии с его самоубийством...»

Прошли десятилетия со времени этой трагедии. В жизни многое изменилось. Не стало страны, строящей коммунизм, — СССР, изменился экономический строй в новой России, от которой отмежевались многие братские республики, а некоторые из них стали откровенно враждебными. Многое изменилось и в литературной жизни государства. Не стало цензуры. В России образованы различные Союзы писателей и литературные объединения. Исчезли из школьной программы романы Фадеева, на патриотической волне которых было воспитано не одно поколение молодежи. Работая над этой книгой и посетив несколько школ в городе Находка, выступая перед учениками, я спрашивал их, знают ли они писателя Александра Фадеева, к сожалению, ни один из них не ответил, что знает. Дачный поселок писателей — Переделкино потерял свое значение как место проживания и творческой работы писателей.

Мой друг, писатель Анатолий Ткаченко в последние годы своей жизни написал небольшую откровенную книгу «Переделкинские прогулки». Вышла она небольшим тиражом 150 экземпляров в 2002 году и была издана Московской организацией Союза писателей России. Так как мы с Анатолием Сергеевичем активно переписывались и общались по телефону, он выслал мне ее. В ней изложены его воспоми-

нания о жителях Переделкина. Содержатся в ней сведения о даче Александра Фадеева и что знали о Фадееве писатели второго поколения.

«Вот я и вышел к перекрестку, месту, знакомому, кажется, всем бывшим членам большого СП. Налево — детский пульмонологический санаторий в барской усадьбе, пребывающей в убожестве, конечно; направо — улица имени некогда известного драматурга Погодина, с его громоздкой дачей на углу; прямо — переделкинский магазин, где отоваривалось спиртным и колбасами не одно поколение разноязычных «мастеров пера». Дальше — спуск к плотине, за которой у пруда стояло знаменитое деревянное строение, названное «Фадеевкой». Сюда, как гласит предание, бегал по утрам опохмелиться к тете Фае сам Фадеев.

Летом 1963 года, когда я впервые приехал в Переделкино, «Фадеевка», с ее толстой мужиковатой хозяйкой, действовала вовсю. Маленький низкий залец, несколько грязноватых столиков, деревянный барьерчик-стойка с рядком мутных пивных кружек, бочка с мощным рычагом насоса... Разливался тут портвейн. Водкой тетя Фая не торговала, вероятно, было запрещено. Но не стать бы ей уважаемой хозяйкой питейного заведения, если бы не держала она для уважаемых ей посетителей уважаемую ими сорокаградусную.

...Не единожды я проходил по асфальтированному проезду за магазин к бывшей даче Фадеева. И всякий раз поражался одинокости, величине, затененности строения под высокими старыми деревьями. И думалось: ведь он, будучи всемогущим главой советского писательства, человеком, приближенным к самому Сталину, мог выбрать что-либо пооригинальнее и повеселее. А в такой «сараеобразности» поневоле запьешь и мысль о самоубийстве рано или поздно явится...

... в своем предсмертном, всем известном, письме он говорит, сколь не свободен был лично в писательской работе и

как удушалась идеологией советская литература, приходилось всячески исхитрятся, прибегать к иносказаниям, чтобы сказать писателю хоть малую правду о времени, о себе. Вот оно — раздвоение души, вот оно — пьянство, воспринимаемое Сталиным с «мудрым» великотерпением: когда ему доносили, что Фадеев в запое и потому не присутствует на важном заседании, намекая, мол, пора его сменить. Вождь неизменно отвечал: ничего, проспится и опять будет хорошим главой Союза писателей. Так что нужных для партии людей Иосиф Виссарионович ценил и не давал им никакой возможности освободиться от своей «отеческой» опеки. Более того, принуждал активно участвовать в строительстве бесклассового общества, безжалостно уничтожая всяких «сомневающихся» и прочих «врагов народа». А так как таковые, по убеждению Отца и Учителя водились во всех слоях населения, то и Фадееву приходилось подписывать «расстрельные списки», писательские, естественно.

Так и метался Александр Александрович, выходец из самых низов народных, человек с истинным дарованием, между Кремлем и дачей, между «высоким» и «низким»: по вечерам — приемы, банкеты с изысканными напитками и кушаньями, утром — тетя Фая с граненым стаканом и липким леденцом... пока не пустил себе пулю в голову, разом освободившись от социалистического кошмара и показав этим всей писательской братии, чего стоит рабское услужение вождям.

Многих ли образумила трагедия Фадеева? Отнюдь. Кое-кто успел воспеть хрущевские «преобразования», а пришел к власти Брежнев — тут уж скопом ринулись поддерживать «новый курс», во многом просталинский, очередного главы советского государства»[1].

---

[1] *Ткаченко А.* Переделкинские прогулки. — М.: Московская городская организация Союза писателей России, 2002 г. С. 79—81.

Время течет быстро, все вокруг меняется, многое забывается, но ведь это же было...

Выстрел и хрущевский эпилог

В соседней даче поселка Переделкино с Александром Фадеевым жил писатель Константин Александрович Федин. Фадеев хотя и был младше Федина на девять лет, но в литературной сфере состоял выше рангом, так как занимал пост генерального секретаря Союза писателей СССР, однако это не мешало их дружбе. В день пятидесятилетия Александра Фадеева, Константин Федин на официальном чествовании выступил с главной речью, отметив преданность Фадеева линии партии, заслуги перед страной и высокие достижения в литературной деятельности. В свободное время, будучи на своих дачах, они захаживали друг к другу в гости, делились впечатлениями о своей работе над новыми произведениями, зачитывая главы из романов или беседовали за чашкой чая, наслаждаясь окружающей природой.

Страшную весть о самоубийстве Фадеева Константин Александрович услышал от родственников и сразу же поспешил на дачу своего друга вместе с Всеволодом Ивановым, жившим рядом. Они первыми вошли в комнату, где находилось тело писателя. Фадеев лежал на кровати, рядом револьвер, из которого был произведен роковой выстрел, на столике рядом с кроватью стоял портрет Сталина:

«Впрочем, на том же столике лежало запечатанное письмо, в котором сам еще недавний генеральный секретарь Союза писателей и член ЦК партии, вероятно, объяснял, как все это надо понимать и что все это значит. Однако вошедшие не посмели, да и не успели сообразить, как поступить с письмом.

Во двор дачи вкатили два черных правительственных лимузина. Из одного из них выскочил маленький белобрысый

человечек. Это был Иван Александрович Серов, председатель КГБ СССР, собственной персоной.

«Где письмо?» — вместо приветствий и объяснений резко спросил он. И выхватив из рук одного из присутствовавших запечатанный конверт и даже, не взглянув на покойного, он вместе с сопровождающими застучал ботинками вниз по лестнице. Обе машины затарахтели и умчались.

Это пренебрежение к смерти соратника произвело на Федина особенно тягостное и гнетущее впечатление».

Центральный Комитет КПСС не был заинтересован давать объяснения причины ухода из жизни писателя и вице-президента Всемирного совета мира, изложенные в письме.

Оно долгие годы хранилось в сейфе архивов. Одним из первых с ним ознакомился первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. Оно вызвало негодование генсека, по сути дела, это был «выстрел в партию», что осуждалось ее лидерами.

Будучи отстраненным от власти, переосмысливая свою жизнь, работая над воспоминаниями о своей деятельности, Н.С. Хрущев написал главу о своем отношении к интеллигенции, которая называется «Я не судья....», в ней он высказал свое отношение к смерти А.А. Фадеева. Он хорошо знал его и взаимоотношения Александра Александровича со Сталиным. Н.С. Хрущев написал: «Или возьмем писателя Фадеева. Талантливый человек. Его произведение «Разгром» о дальневосточных партизанах, их командире Левинсоне на меня производит потрясающее впечатление. «Молодая гвардия» — тоже отличный роман. Но талантливых или даже гениальных писателей у нас все же хватало. Отчего же Сталин в послевоенное время особенно благоволил именно к Фадееву? А потому что во время репрессий, возглавляя Союз писателей, Фадеев поддерживал линию на репрессии. И летели головы ни в чем не повинных литераторов. Доста-

точно было кому-нибудь написать, что в магазине продают плохую картошку, и это расценивалось как антисоветчина.

Трагедия Фадеева как человека объясняет и его самоубийство. Оставаясь человеком умным и тонкой души, он, после того, как разоблачили Сталина и показали, что тысячные жертвы были вовсе не преступниками, не смог простить себе своего отступничества от правды. Ведь гибла, наряду с другими, и творческая интеллигенция. А Фадеев лжесвидетельствовал, что такой-то и такой-то из ее рядов выступал против Родины. Готов думать, что он поступал искренне, веруя в необходимость того, что делалось. Но все же представал перед творческой интеллигенцией в роли сталинского прокурора. А когда увидел, что круг замкнулся, оборвал свою жизнь. Конечно, надо принять во внимание и то, что Фадеев к той поре спился и потому утратил многие черты своей прежней личности. Вот собирает Сталин Комитет по Сталинским премиям (это надо было дойти до жизни такой, чтобы самому делить премии собственного имени!). Докладывает представления к награждению Фадеев. А когда все заканчивается, Сталин говорит о нем: «Еле-еле держится на ногах, совершенно пьян». Все это видели, об этом все знали. Не раз руководство ставило на ноги милицию и чекистские органы, чтобы отыскать его в каком-нибудь злачном месте. Вот до какого состояния дошел Фадеев, терзаемый угрызениями совести. Он изжил себя и к тому же боялся встретиться лицом к лицу с теми писателями, которых он помогал Сталину загонять в лагеря, а некоторые вернулись потом. Он, как честный человек, не смог пережить такого и покончил жизнь самоубийством. Такова мера лишь одной из множества ошибок, которые можно сделать применительно к творческой интеллигенции».

Никита Сергеевич Хрущев, находясь среди окружения И.В. Сталина, многое знал и многое видел. Он и сам безза-

ветно верил в непогрешимость вождя пролетариата и считал, что Сталин поступает правильно, выполняя его указания и занимая руководящие посты в правительстве страны. И только после смерти Сталина, боясь, что власть перейдет к Лаврентию Берии, который избавится от него и других приближенных к вождю лиц, они, применив сталинский прием, устранили своего конкурента, объявив его врагом народа и предателем, приговорив к расстрелу.

Никита Сергеевич Хрущев открыто на XX съезде КПСС осудил культ личности Сталина, его метод партийного руководства на основе жестокого подавления инакомыслящих и не согласных с мнением вождя страны Советов. Он вскрыл вопиющие факты уничтожения и унижения сотен тысяч ни в чем не повинных людей. Это был первый удар по идеологии коммунистической партии и первым шагом развала мировой системы коммунистического движения. Это был первый шаг к потере руководящей роли КПСС в управлении страны. И не только Александр Фадеев трагически воспринял эти перемены. Они коснулись многих людей, для которых светлое коммунистическое будущее было смыслом жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Жизнь многообразна и быстротечна. Меняются эпохи, менталитет людей, власть, идеи и цели политической и экономической жизни. А История вбирает все, оставаясь в общем единой и великой картиной. Меняются только взгляды на Историю и людей, двигавших её.

21 декабря 2016 года исполнилось 115 лет со дня рождения автора всемирно (об этом была речь в книге) известных романов «Разгром» и «Молодая гвардия», руководителя Союза писателей СССР, политического деятеля, Александра Александровича Фадеева.

Восхищаясь героизмом и мужеством молодых патриотов-краснодонцев, погибших от рук фашистских палачей, никто не мог подумать, что в XXI веке в Краснодоне снова будет война и будут погибать люди, но уже от своих бывших сограждан украинцев и иностранцев-боевиков.

В настоящее время в репертуаре Санкт-Петербургского театра «Мастерская» Григория Козлова появился спектакль «Молодая гвардия». Это заметное событие в культурной жизни России. Спектакль досрочно включен в программу «Золотой маски», так как вызвал повышенный интерес граждан. «И вот 10 марта из Петербурга в Москву для внеконкурсного показа в Театральный центр «На Страстном» везут все мифы, связанные с романом, копии уникальных архивных документов о подвиге молодогвардейцев и свидетельства о современной жизни Краснодона» («Российская газета», статья «Кто к подвигу готов?» от 04. 03. 2016 года, автор Ирина Корнеева).

Публикация статьи о спектакле « Молодая гвардия» по известному роману писателя Александра Фадеева говорит о том, что интерес к его творчеству не иссяк и востребован в настоящее время. Постановка спектакля в Санкт-Петербурге и Москве произошла в 115-ю годовщину дня рождения А.А. Фадеева.

Данная дата будет отмечена в литературном музее Александра Фадеева в селе Чугуевка Приморского края, где жила семья Фадеевых и прошли детские и юношеские годы писателя. Данный музей в настоящее время является филиалом Приморского объединенного музея имени Арсеньева в городе Владивостоке.

В советское время издавалось много книг, содержащих разбор произведений Александра Фадеева и их героев, однако о жизни самого писателя написано мало, не полно, а порою противоречиво. Практически почти ничего не издано об Александре Фадееве после 1989 года, хотя за последние годы вышло много мемуарной и исследовательской литературы, которая содержит сведения об Александре Фадееве. Данное обстоятельство, побудило меня обобщить эти материалы, открывающие новый взгляд на жизнь и деятельность Александра Фадеева, опираясь на воспоминания его друзей, знакомых, письма А. Фадеева, исследования историков, публикаций в прессе. И передо мною возник образ человека, родом из революции, коммуниста, которого необычная судьба вывела из глубинки Дальнего Востока и привела к вершинам власти. Александр Фадеев довольно много общался с выдающимися людьми того времени, вошедшими в историю: М. Горьким, В. Маяковским, Р. Землячкой, И. Сталиным и многими другими политиками и литераторами. Его жизнь была похожа на состояние канатоходца, лавирующего между небом и землею, который мог погибнуть от любого неосторожного движения, проходя по канату. Однако Александр Фадеев не упал, он просто не захотел жить в таком мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. — М.: Советский писатель, 1991. — 400 с.

Авдеенко А.О. Наказание без преступления. — М.: Сов. Россия, 1991. — 336 с.

Евграфов К.В. Знакомые незнакомцы. Литературные герои и их прототипы. 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1988. — 335 с.

Ткаченко А. Переделкинские прогулки. Заметки и мысли. — М.: Московская городская организация Союза писателей России, 2002.

Сост.: Ионов Е.П., Колов С.П. Писатели Москвы: Библиографический справочник/П34. — М.: Моск. рабочий, 1987. — 543 с.

Алигер М.И. Встречи и разлуки. — М.: Известия, 1989. — 576 с., ил.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине/ [Составитель и автор предисловия Л. Лазарев.] — М.: Изд-во «Агентства печати Новости», 1988. — 480 с., ил.

Игнатов В.Д. Доносчики в истории России и СССР / В.Д. Игнатов. — М.: Вече, 2014. — 416 с.: ил. — (Историческое расследование).

Муратова К.Д. М. Горький: Семинарий. Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 « Рус. яз. и лит.» — М.: Просвещение, 1981. — 208 с.

За советский Дальний Восток. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября. Выпуск 3. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1988. 250 с., ил.

Шешуков С.И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. 2-е изд.. — М.: Худож. лит., 1984. — 351 с.

Жуков И.И. Фадеев. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 333[3] с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.: Вып. 703).

За советский Дальний Восток. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Выпуск 4. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. — 324 с.

Фадеев А.А. ...Повесть нашей юности. — М.: Детгиз, 1961.

Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А.И. Тарасова. — 2-е изд., испр. и доп. — Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. — 412 с., ил.

Бирюков А.М. Колымское триединство. Часть первая — «Последний Рюрикович». — Магадан: МАОБТИ, 2001 — 210 с.

Софронов А. Осенние просеки: Воспоминания и очерки. — М.: Сов. писатель, 1984. — 376 с.

Кипович Е.Ф. Мужество выбора. Статьи. — М.: Советский писатель, 1975. — 296 с.

Груздев И. Горький: Биография. — М. — Л.: ОГИЗ, 1946.

Михалков С.В. Чувство локтя. Выступления, статьи, рецензии. — М.: Советский писатель, 1971. — 304 с.

Фадеев А.А. За тридцать лет. Избранные статьи, речи, речи и письма о литературе и искусстве. — М.: Советский писатель, 1957.

Чуев Ф.И. Каганович. Шепилов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 383 с.: ил. — (Досье).

Титов Е.И. Я сын земли...: (Из творческого наследия). — Амурск: Амурский городской краеведческий музей, 2004. — 291 с.

Бытовой С.М. Долгие грозы: Повесть. — Л.: Сов. писатель, 1986. — 304 с.

Фадеев А.А. Разлив; Рассказы и очерки; Киносценарии/ Прим. Б.Л. Беляева. — М.: Правда, 1984. — 464 с.

Нефедова И.М. Максим Горький; Биография писателя. — Л.: Ленинградское отделение издательства «Просвещение», 1971.

Шешуков С. Александр Фадеев. Очерк жизни и творчества. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1973. — 224 с. (Б-ка словесника).

Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева. Литературно-мемориальный музей А.А. Фадеева. Александр Фадеев и Дальний Восток. — Владивосток: Красное знамя, 1990.

Сергей Лазо: Воспоминания и документы/Сост.: Г.Е. Рейхберг, А.П. Шурыгин, А.С. Лазо. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1985. — 207 с., ил.

Беляев Б.Л. Семья Сибирцевых. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1954.

Бреслав Е.И. Большевистская печать Приморья (1918—1922 годы). — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1958.

Литературно-мемориальный музей А.А. Фадеева. На Чугуевской земле... Буклет. — Владивосток: Типография ОАО «ДАЛЬПРИБОР», 2006.

Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. — Владивосток: Типография Владивостокского филиала РТА,1996.

Новая иллюстрированная энциклопедия. Том 7. — М.: ООО «Мир книги»: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001.

Журнал «Дальний Восток». 1995. № 7.

Грейгь О. «Долой стыд!» Сексуальный Интернационал и Страна Советов. — М.: Алгоритм, 2014. — 368 с.

Женщины русской революции. — М., Политиздат, 1968. — 574 с. с илл.

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал орган Союза писателей РСФСР и Хабаровской писательской организации «Дальний Восток», июль 1975 (номер 7).

Дальневосточный литературно-художественный и общественно-политический альманах «На рубеже». — М. — Хабаровск: Объединение государственных книжно-журнальных издательств Дальневосточное краевое издательство, октябрь 1933 г.

Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Том 2. — Чита: Поиск, 2003. — 432 с., илл.

Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу. — М.: Издательство «Советская Россия», 1963.

Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Том 4. — Чита: Поиск, 2006. — 316 с., илл.

Фадеев. Воспоминания современников. Сборник — М.: Советский писатель, 1965. — 560 с.

Фадеев А. Письма дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960.

Энциклопедия Забайкалья. Том 4. — Новосибирск: Наука, 2006.

Озеров В.М. Избранные работы. В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1980. — Т. II. Александр Фадеев. Творческий путь, 1980. — 575 с.

Журнал «Новый мир». № 4. 1966.

Маяковский и современность. М.: Современник, 1977.

Катанян В. Маяковский, хроника жизни и деятельности. — М.: Советский писатель, 1985.

Либединский Ю.Н. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. Воспоминания / Сост. Л.Б. Либединская. 365 с.

Газета «Вечерняя Москва» от 08.02.1930 г.

Демкин С.И. Великие тайны спецслужб XX века. — М.: Мартин, 2002. — 447 с., [24] л., илл.

Горький М. О литературе. Литературно-критические статьи. — М.: Советский писатель, 1953.

Васильев С.А. Зарубки на память. М.: Современник, 1975. — 575 с. («О времени и о себе»).

Эренбург И.Г. Собрание сочинений в девяти томах. Люди, годы, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Том 9. — М.: Художественная литература, 1967.

Бережков В.И., Пехтерева С.В. «Женщины-чекистки». — СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2003. — 384 с.

Долматовский Е.А. Было: Записки поэта. Новые страницы. — М.: Советский писатель, 1988. — 432 с.

Воспоминания о М. Булгакове: Сборник. — М.: Советский писатель, 1988. – 528 с.

Газета «Советская культура» от 27 октября 1990 г.

Газета «Владивосток» от 14 декабря 2011 года. Статья Владимира Коноплицкого: «Верной осталась только жена».

Газета «Известия», где 23 сентября 1990 г. был опубликован текст посмертного письма А. Фадеева.

Луначарская-Розенель Н.А. Память сердца. — М.: Искусство, 1975. — 38 с.

Михалков С.В. От и до… — М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД»,1998. — 480 с. — (Богатые и знаменитые).

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. — М.: Эксмо; Яуза, 2004. — 448 с. (Совершенно секретно).

Игнатов В.Д. Палачи и казни в истории России и СССР/ В.Д. Игнатов. — М.: Вече, 2013. — 416 с. : ил. — (Историческое расследование).

Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). 2-е изд., перераб. М.: Политиздат, 1974. — 191 с.

Журавлева А.А., Ковалева А.Н. Михаил Шолохов. М., Просвещение, 1975. — 215 с. с ил. (Б-ка словесника).

Хватов А.И. Художественный мир Шолохова. 3-е изд. М.: Современник, 1978. — 477 с.

Шолохов М.А. Россия в сердце. Сборник рассказов, очерков, публицистики. М.: Современник, 1975. — 366 с. с илл.

Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? — М.: Книга, 1989. — 186 с.

Петелин В.В. Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. — «Бессмертные имена». — М.: Центрполиграф, 2002. — 895 с.

Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 8 — М.: Правда, 1980. — 432 с., 12 л. ил.

Кожинов В.В. Россия. Век XX. (1901—1939). — М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. — 448 с.

Михайлов А.А. Жизнь Маяковского. Я свое земное не дожил. — «Бессмертные имена». — М.: Центрполиграф, 2001. — 556 с.

За власть Советов! Сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Приморье в 1917—1922 годах. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1957.

Шагинян М.С. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 9: Статьи о литературе и искусстве. Путешествие по Совет-

ской Армении / Коммент. Л. Скорино. — М.: Худож. лит., 1989. — 767 с.

Шолохов М.А. — М.: Правда, 1966.

Время, события, люди. Приморье 1917—1980. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1982.

Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы/П.П. Петров; сост. С.П. Петров, Л.Ю. Тремсина. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 544 с.

Реабилитирован посмертно. Вып. 1,2. — 2-е изд. — М.: Юрид. лит., 1989. — 576 с. — (Возвращение к правде).

Левицкий В. Константин Суханов. Председатель первого Владивостокского совета. (Историко-биографический очерк). — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1956.

Председатель Совдепа. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1979.

Жигалин Я.П. Партизанские отряды занимали города. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980.

В боях за Советское Приморье. Сборник воспоминаний бывших красных партизан-приморцев. — Владивосток: Примиздат, 1951 г.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988. — 496 с., ил.

Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.) Сборник документов. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1955.

Василевский В.И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. — 144 с.

Очерки истории Читинской областной организации КПСС. — Иркутск — Чита: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975.

Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. — 596 с.

Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. — Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967.

Приморский край. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1958.

Хрущев Н.С. Воспоминания. Том 1. — М.: Вече, 2016.

Малая Советская энциклопедия. Том 5. — М., 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА.
Предисловие и беседа с автором 3
Алкоголь и репрессии... 11

Глава 1. РЕВОЛЮЦИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
Одна обычная семья русских революционеров 15
Владивосток. Коммерческое училище 21
За советскую власть 35
Партизанские будни. Герои романа «Разгром» 43
Благовещенск 90
«Читинская пробка» 94
Делегат партийного съезда 112

Глава 2. ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ
Горная академия 117
Кубань. Работа над романом «Разгром» 124
Возвращение в Москву 141

Глава 3. ПАРТИЯ И ЛЮДИ
Святополк-Мирский и Фадеев 149
По заданию партии 155
Фадеев и Маяковский 160
Максим Горький и А. Фадеев 175
Александр Фадеев и Михаил Шолохов 184

Глава 4. К ВЕРШИНАМ ОЛИМПА
Дела семейные 200
Дальний Восток 201

I съезд советских писателей 211
Вторая поездка на Дальний Восток 213
На вершине литературного Олимпа 220

Глава 5. ОПРАВДЫВАЯ ДОВЕРИЕ

Годы репрессий 225
Сталин и Фадеев 256
Тяжкий недуг 263
Вторая семья 266
Молодая гвардия 278
Последние годы жизни 283
Выстрел и хрущевский эпилог 303

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА 307
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 309

Научно-популярное издание

Моя Сибирь

Шепчугов Павел Иванович

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ

Между властью и творчеством

Выпускающий редактор *А.А. Александров*
Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

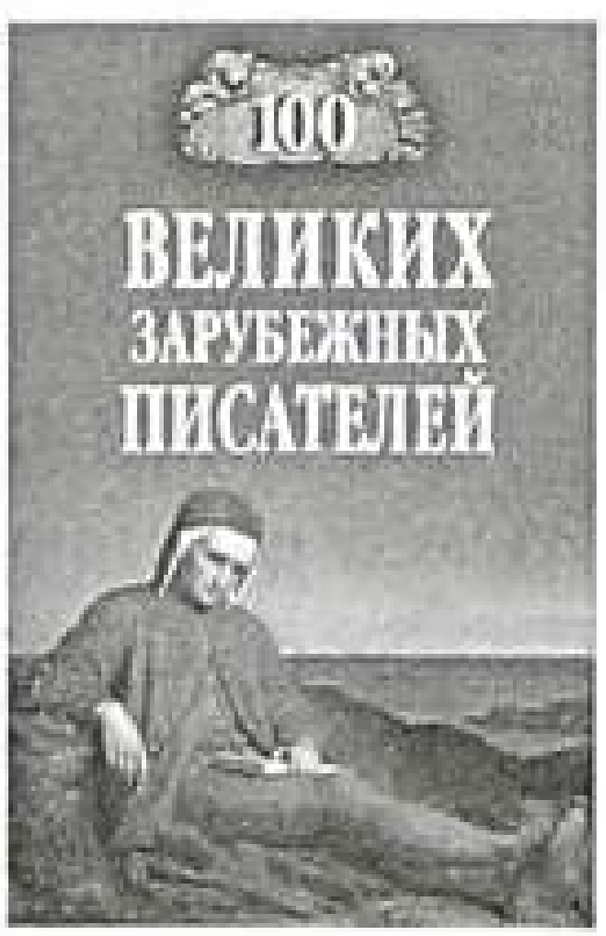
Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 31.03.2017. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «NewtonC». Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 700 экз. Заказ 2272

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59



Знаменитая серия книг

●

Более 200 томов

●

Энциклопедическая полнота

ВЕЧЕ

www.veche.ru

В чем причина столь стремительного взлета судьбы Александра Фадеева? Почему молодому 30-летнему Фадееву доверили создать и совместно с Максимом Горьким возглавить важнейшую творческую и идеологическую организацию СССР — Союз писателей? В чем причина многолетнего, практически безграничного доверия к Фадееву И.В. Сталина? И отчего столь завидная на фоне писательского мартиролога 1930-х годов судьба завершилась самоубийством?

Книга писателя, дальневосточного историка, краеведа П.И. Шепчугова дает ответы на эти и многие другие вопросы. Показывая читателю широкую картину «эпохи Фадеева», книга раскрывает связь судьбы героя с Сергеем Лазо, Розалией Землячкой, Микояном, Сталиным.

Отношения, споры, совместная работа с Горьким, Маяковским, Шолоховым, «вставшим на платформу социализма», князем по рождению Святополк-Мирским, большой успех романа «Разгром», а также дальневосточный период жизни Фадеева представлены в книге с максимальной полнотой.

ISBN 978-5-4444-6014-6

9 785444 460146

Вече